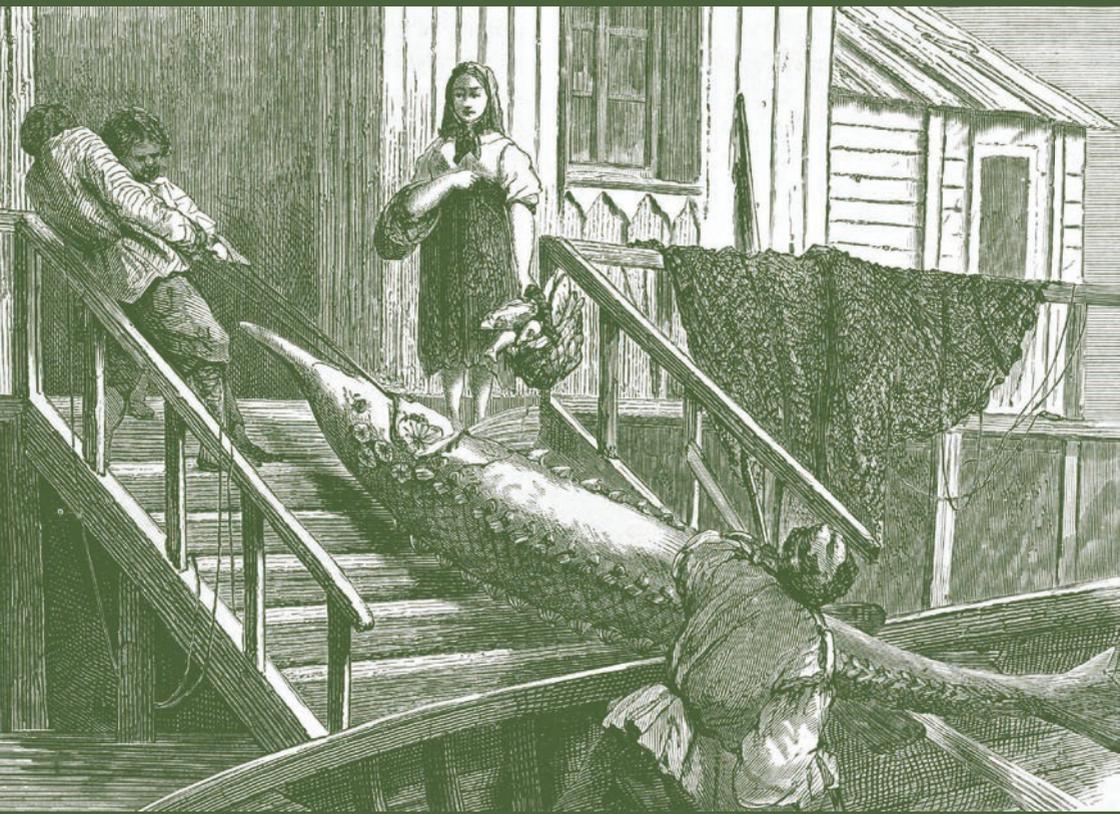

И. К. Голецихин

Нарымские были

Томск
2016

И.К. Голещихин

Нарымские были

2-е издание
исправленное и дополненное

Томск, 2016

ББК 84(2p)6
Г60

Голещихин И.К.

Г60 «Нарымские были». – Томск: изд-во «Иван Федоров»,
2016. – 296 с.

ISBN 978-5-91701-106-6

Суровый Нарымский край был одним из центров ссылки и переселения народов. Ссылный люд, понесший строгое наказание за совершённые и несовершённые преступления, мужественно переносил все лишения, выпавшие на его долю. Народ обустроивал свою жизнь в этом, казалось бы, гиблом краю. Здесь летом море воды от разлившихся рек, полчища комариного гнуса, а зимой – сорокаградусные морозы. Но сильная внутренняя воля людей, исключительное трудолюбие, большая тяга к жизни помогали обустроиваться на новом месте. На протяжении веков формировался своеобразный, неповторимый уклад жизни, традиции. В радости и любви рождались здоровые и красивые дети. В случае смертельной опасности для своей Родины посылали сибиряки своих лучших сыновей спасать Отечество. Искренний народ жил в единении с природой, с молитвой.

ББК 84(2p)6

ISBN 978-5-91701-106-6

© И.К.Голещихин, 2016

Данное сочинение написано
Голешихиным Иваном Константиновичем –
уроженцем деревни Пристань
Каргасокского района Томской области
(1939 г.р.)

Моя родословная

Мой дед, Крымский Иван Афанасьевич родился в деревне Костарево в девятнадцатом веке. Когда он вырос, женился и с помощью своего отца, моего прадеда Афанасия в Костарево построил двухэтажный деревянный дом. Участвовала в строительстве и вся многочисленная родня Крымских. Было это в конце девятнадцатого века. На первом этаже жил Иван Афанасьевич, а на втором – его родной брат, а точнее один из братьев. Уже много десятков лет никто так не называет деревню Костарево, потому что она стала частью села Парабель. Когда-то давно, не одну сотню лет назад на этой местности стояли четыре деревни в двух-трех километрах друг от друга: Парабель, Костарево, Вялово, Голещихино. С самого начала люди, поселившиеся на этом месте, обживались основательно. Дома многие строили двухэтажные с большими надворными постройками. Население этих четырех деревень росло.

Край этот был благодатным. Река Обь и притоки ее кишели ценной рыбой, а вокруг – необъятные заливные луга, большие массивы кедрового векового леса, в котором водилось бесчисленное количество дичи, промыслового зверька и крупного зверя.

Крымский Иван Афанасьевич принадлежал к известному и уважаемому роду Нарымского края. С раннего возраста детям в семье прививалась любовь к труду. Любая работа спорилась в их руках. Никогда не просыхала от пота, от постоянного физического труда рубаха на их теле. К слову сказать, бывало по какому-то несчастному случаю

уйдет из жизни человек, а лежит в бане рубаха мужика, приготовленная в стирку, возьмет ее в руки жена и заголосит. От нее потом пахнет, как будто вчера хозяин пришел с работы, снял ее с себя. Мастерские люди были: и дом построить, и амбар, и любую ловушку с большой любовью сделать для рыбацкой цели или для охоты. Любо-дорого посмотреть! Сбрую для лошадей сделают с таким старанием, с таким мастерским прилежанием, как картину нарисуют! Сбруя ременная, из кожи, отделана медными или серебряными бляхами, в тех местах, где надо, мягкие, изящные из тонкой кожи кисточки. Резвая лошадь, наряженная в такую сбрую, запряженная в кошеву или сани, крутая, покрытая волнистой гривой, под резной крашеной дугой кажется живым чудом из сказки.

Любая работа делалась неторопливо, обдуманно. Потом глядишь на работу, давно выполненную мужиками прошлых лет, и думаешь, что не работяги сотворили все это, а музейные мастера с художественным замыслом. Почему? Да потому, что обращались за помощью к Господу Богу. Стоит на пойменном берегу Оби ловушка, полная проходящей рыбой ценных пород: и красной, и белой. И ловится рыба днем и ночью, зимой и летом, подается расторопными сибирскими хозяйками к столу. Болели люди редко. Время было тяжелое: военное и послевоенное, а больных не было. Всякие летучие болезни лечили сами, к врачам не обращались, да их и не было. Ребятишки рождались и зимой, и летом. Бывало и такое: один родится в сочельник, а другой через год, перед самым Рождеством. В каком году родится, помнили, а вот какого числа, месяц

помнили далеко не каждого. Дни рождения детей не отмечали, да и взрослых – тоже.

Сейчас, по прошествии стольких лет, когда дни моего земного странствования приближаются к завершению, многое отдал бы, чтобы посмотреть хоть одним глазком на те тальниковые кусты, в которых родила меня моя мама. Была дружная предвоенная весна 1939 года. Дни стояли ласковые, тепло грело апрельское солнце, на глазах таял и убывал снег. Мама с папой выбрали время, готовили дрова, валили на землю осины, пилили на чурки поперечной пилой. Работа по-крестьянски не считалась тяжелой. Неожиданно в разгар работы мама охнула, присела, отец, человек испытанный и закаленный жизнью, не растерялся, отнес маму недалеко в кусты, примял их к земле, бросил на кусты доху. И совсем скоро произошло рождение пятого ребенка в семье, названного Иваном.

Вокруг села Парабель много малых речек, озер, красивых, радующих глаз заливных лугов. Для всякой живности лучше места не придумаешь, просто сама природа все это своею благодатью предоставила людям – берите и пользуйтесь. Рыбы в протоках, курьях, истоках, озерах столько водилось, что просто кишела. Бывало, когда сойдет большая вода, стоит такая теплынь, что вода на глазах испаряется, в водоемах ее почти нет, а рыба – карась, окунь, чебак – зазевалась да вся и осталась в этих ямах. Чалдоны с пренебрежением говорили, что это сорная рыба, если надо, бери ведро и черпай, сколько угодно. Только что ты будешь с ней делать? Продать некому, свиней не держали, чтобы хоть сколько-то скормить.

Покосные луга с участием старосты села были разделены между всеми семьями. У них были свои названия. Например, покос Ильёва веретя, покос Петров, Валентинов и так далее. А вот, помню, даже такое название – садок Фомы. Очень старый был человек, примерно 1850 года рождения. Место, получившее название «Дедушкин садок», было в лесу. Маленькое озеро двадцати метров ширины и тридцати метров длины. Находилось оно на достаточно высоком месте, не затопляемом водой. Дед много занимался ловлей рыбы: язя, щук, карасей, плотвы. Ну, просто тоннами после уловов завозил на лодке и пускал в это маленькое озёришко, и не один десяток тонн рыбы бывал одновременно в этом естественном садке (озере). Когда сколько нужно было, он брал, а в зимнее время мог сварганить обоз около десяти лошадей и увезти в город Томск. Цена за рыбу была небольшая, один килограмм красной рыбы стоил немного больше, чем ведро картошки. В людях не было тяги и погони за деньгами, а рыночные отношения между людьми не могли даже присниться в самом тяжелом сне. А вот сохранился в повседневной жизни интерес к своему традиционному питанию, особые требования к одежде. Потомственные нарымчане так и делали, пока их не обдало опаляющим огнем смуты.

Одевались сибиряки добротнo и практично. В зимнее время для постоянной носки на морозе шили дохи, короткие и долгополые, изготовленные из выделанной собачины. Одевались и в короткие полушубки. На руки надевали рукавицы, вязанные на пяти иглах и на одной игле. Вязанные рукавицы на одной игле одевались поверх

вязаных на пяти иглах. Потом сверху надевались кожаные рукавицы, которые были сделаны из тонкой мягкой кожи. Эти рукавицы по-чалдонски назывались «дуплянки», это были не что иное, как современные верхонки. Допустим, месячного или двухмесячного теленочка по какому-то случаю нужно было убирать. Вот из такой шкуры выделялась кожа, которая была очень тонкой и мягкой, и из нее шились кожаные рукавицы, которые могли исправно служить пять лет и больше. В них выполняли разнообразную работу крестьянскую и летом, и зимой. На ноги шилась обувь: бахилы, бродни, чирки из кожи, выделанной из шкур домашних животных. Шили, конечно, очень добротно, вода не могла вовнутрь проникнуть ни в коем случае.

На берегу курьи росла трава, мы ее называли «обувальная». В начале октября ее заготавливали на семью две вязанки, общим весом примерно килограммов сорок. Эту траву клали на портянку, ногу одевали чулком, связанным на одной игле, он чуть-чуть прикрывал собой колено, и на ногу, окутанную портянкой с травой, потом, надевали бахилы или бродни. Любую работу делали в зимнее время, надевали бахилы или бродни при работе в воде или просто в снегу, стоило только пошевелить ногой, как ноги начинали гореть огнем, как в печке. Сибиряки к состоянию ног относились по-особенному внимательно, всегда старались не проморозить и не промочить.

Самодельные, ручной вязки шарфы делались из овечьей шерсти. На голову надевали шапку из собачьего или лисьего меха. Дохи делались красиво, подбирался цвет

или белый, или рыжий, или черный. В зимнее время при поездке в дальнюю дорогу на руки надевали рукавицы, сшитые из меха. Если ехал мужик двадцать верст, расстилал на сене саней огромный тулуп, заворачивался и вставал с него только в следующей деревне, вылезал с саней теплым, как с русской печки.

В зимнее время чалдоны привозили старушек, женщин-остяток к себе в дом, и занимались они шитьем дох, унтов всю зиму. Благодаря своему накопленному опыту делали таежные женщины свое дело особенно искусно. К ним проявляли человеческое внимание, кормили, поили. Умели наши предки себя одеть. В любую погоду – на рыбалке ли, на охоте ли – могли лечь в снег и лежать на нем ни один час, и ничего с ними не случилось. Никогда не кичились тем, что любая непогода им нипочем. Любили природу и считались с ней. Здоровое тело да в тепле – значит, любая работа будет выполнена с радостью и весельем. Читающий эти строки пусть меня простит за такое подробное описание одежды. Да иначе житель Сибири не будет полностью понят, если не сказать правдивых слов о том, какое значение он придавал своей одежде и питанию. Пища была здоровой, свежей, естественной. Вода шла в употребление только здоровая, чистая, хрустальная от первозданной природы.

Вокруг Парабели было расположено много больших и малых деревень, с населяющим их трудолюбивым, стойким и мужественным народом. Всего в нескольких километрах от Парабели стояли на высоком месте две деревни: Малое Нестерово и Большое Нестерово. В старину там, в

основном, проживали состоятельные, обеспеченные люди. Строили они для себя большей частью двухэтажные дома. Много жителей было под фамилией Нестеровы, эта фамилия давно была известна в Нарымском крае, потом распространилась далеко на север. Наряду с известной фамилией Крымских были не менее известные, такие как: Вяловы, Костаревы, Пановы, Колотовкины, Соснины, Усовы, Щепеткины. Если их перечислять, то большой список получится. Одни фамилии разрослись своими корнями в сибирской земле от казацких мятежей. Другие фамилии появились после восстания поляков. А третьи, затерянные в минувших, давно ушедших столетиях, пришли с побережья Карского моря, от древних поморов. Давно эти люди влились родами друг в друга, сроднились в прямом смысле этого слова. Сложился особый сибирский уклад жизни, с вековыми традициями. Жизнь сибиряков во многом отличалась от жизни людей на приволье Тихого Дона. Но имели они общие корни, любовь к русской славе, традициям, выработанным жизнью, с ее неписаными законами.

Недалеко от села Парабель на обильно заросшей таежной речке под названием Чигара были расположены деревни Нижняя Чигара и Верхняя Чигара. Население, проживающее в этих деревнях, в основном, носило фамилию Сухушины. Это были люди сметливые, трудолюбивые, отчаянные. Во всех промысловых работах, характерных для Нарымского края, слыли они умелыми и успешными. В минувшую Великую войну много славных героев вышло из этих двух деревень, один из них пришел с

войны, награжденный тремя орденами Славы. Это известные факты: если попадали в плен, бежали от фашистов, становились партизанами в Белоруссии, в Польше.

Также недалеко от Парабели стояла остяцкая деревня Ласкино с многовековой историей остяцкого рода. Почти вся деревня носила фамилию Саиспаевы. Бывали у меня с ними встречи, которые надолго сохранил в памяти. Всегда восхищался я характером этих детей природы.

С самого раннего детства, сколько помню себя, храню в памяти слова мамы, дядей, а также стариков ушедшей эпохи. Накрепко запомнил я устные предания о той жизни, о своей родословной. Помнить истории, хранить их в себе многие годы есть дар Божий. Вспоминается история, рассказанная моим дядей, Крымским Федором Ивановичем, одним из старших братьев моего отца. У отца были еще братья, но они ушли на войну и погибли в тяжелых сражениях. Дядя Федя, родившийся в 1900 году, любил говаривать, что он ровесник века. По его рассказу мой предок под фамилией Арестов был уроженцем города Керчи. Он был выслан в Сибирь Екатериной II за участие в Польском восстании. Подняли восстание поляки, на помощь к ним пришли Южная Украина и крымская татарская конница. Сначала все протекало для повстанцев успешно, но сопровождалось жестокими кровопролитиями, а потом успех перешел на сторону войск Екатерины. Татарская конница крымчан, как это бывало не раз в истории, в решающий момент нарушила ранее обусловленный договор и повернула на родину, в Крым.

Восстание было подавлено. Расправа с мятежниками была жестокая и беспощадная. Многие участники восстания были лишены жизни. Судя по тому, как сурово был наказан мой предок, он играл не последнюю роль в этих событиях. Дед с пятнадцатилетним сыном был сослан из города Керчи на вечное поселение в Сибирь, в Нарымский край. Жену его оставили на месте, в Керчи. Пошли нескончаемые этапы поляков, русских, крымчан в далекую суровую Сибирь. Кто был уличен в восстании, как довольно активный, шел закованный в кандалы. На остановках на отдых, на привалах и на ночлег кандалы не снимались, до места назначения доходили самые выносливые, сильные духом люди.

Вокруг Парабели и по всему Нарымскому краю по Оби, ее притокам, по большим и малым таежным речушкам в своих карамо (землянках) проживала не одна сотня тысяч остяков. Эти люди жили ловлей рыбы, охотой и собирательством. Всевозможная ягода, рыба речная и озерная, мясо зверей составляли ежедневный рацион, а небольшой приготовленный запас продуктов имели на черный день. Запас продуктов – это медвежий жир, рыба икра, вяленая лосятина, немного сушеной рыбы.

Сибирь все больше и больше заселялась русскими людьми, а Нарымский край – ссыльными за государственные преступления. Остяцкое население под давлением русских уходило все дальше в глухие места. В основном, русское население пополнялось мужчинами. Женщин в Нарымском крае катастрофически не хватало. Мой высланный предок по фамилии Арестов несколько раз

пытался бежать на родину. Каждый побег заканчивался тем, что всегда был пойман охраной и возвращен в село Парабель. Жандармы по этому случаю говорили: «Как ты был крымчанином, так им и остался!» И случилось, что по фамилии Арестов его стали называть все реже и реже, а прижилось к нему прозвище «Крымчанин», «Крымский».

Из-за нехватки русских женщин мой предок вынужден был жениться на остячке. Выбор будущей жены и сама женитьба трудностей не составила. Плодовитость была отменной, приплод детей шел большими темпами. Имена новорожденным давались быстро, и на протяжении веков плодовитость не уменьшилась, пока не наступила общеизвестная российская катастрофа. Присутствие остячкой крови внесло заметные изменения, как во внешние черты лица, так и в характер моих сородичей, но эти явно присутствовавшие изменения были далеко не у всех потомков. У многих внешние черты лица были не столь симпатичны, сказалось явное присутствие аборигенов, однако в своем большинстве в них наблюдалась выраженная доброта, бесхитрость, доверчивость и желание поделиться с другим человеком всем до последнего.

С годами наш род численно возрастал. Будучи уже взрослым парнем, я подсчитал двоюродных братьев по отцовской линии, насчитал их восемнадцать. Род Крымских расплодился, тяга к жизни в этом суровом благодатном краю была невероятная. Красота Сибири, ее приволья, ее богатства тянули к себе людей и требовали к себе человеческого трудолюбия, постоянного терпения, выносливости без каких-либо жалоб на невзгоды. Добывали

себе пропитание без ропота, молча, в нескончаемом труде, с утра до вечера проводили свою жизнь под открытым небом.

Воспитание детей шло самым естественным ходом, не на словах и нравоучениях, а на практическом умении переносить трудности. Детей не опекали, часто оставляя их без особой страховки перед суровыми, безжалостными уроками жизни. Таким был быт нашего детства. Род Крымских был уважаемым наряду со многими фамилиями. Крымские по праву считали себя коренными жителями Нарымского края. Мои предки полностью овладели опытом и секретами охоты и рыбалки, познали все приемы выживания в суровой Сибири. Уже по истечении многих и многих лет мой дед, Иван Афанасьевич, если видел в человеке честного труженика, мог свои немалые познания по вопросам строительства жилых домов и животноводства передать ему. За ним наблюдались познания и в вопросах целительства, очень многое знал и на практике разбирался он в астрономии. В лунную ночь по звездам час мог определить точно. По расположению звезд на небе мог сроком на два месяца предсказать состояние погоды, а при том образе жизни, который вели наши предки, это было очень важно. Людям, проводящим в основном свою жизнь на природе, занимающимся охотой, рыбалкой, сенокосом и многими другими хозяйственными делами, просто необходим был долгосрочный прогноз погоды. От этого зависела удача во всех намеченных делах.

Жизненные дела самого Ивана Афанасьевича шли довольно хорошо. Человеку большого ума, сметливому, трудолюбивому – все сопутствовало. Первый сын родился

и был назван Ефимом, потом каждые полтора-два года рождались дети. В 1908 году у деда произошла большая беда, тяжелое горе. Моя бабушка в зимнее время рожала, роды протекали очень сложно, роженица временами теряла сознание. День шел к вечеру, дед просил бабушку согласиться на то, чтобы привезти врача. Она категорически не соглашалась по той причине, что врачом, который мог оказать помощь, был мужчина, житель села Парабель. Бабушка по своей нравственности не могла допустить к родам мужчину. Время, отпущенное на спасение жизни роженицы, истекало. Дед вынужден был запрячь лошадь и поехать за женщиной - повитухой в другую деревню. Пусть это было не так далеко, но раньше, чем за два часа он не мог обернуться. Помощь была оказана, при свете горевшего жирового фитиля моя бабушка Глафира разродилась двумя мальчиками, крови при этом было потеряно большое количество. Прошло, наверное, меньше часа, и многострадальная Глафира отошла в вечность, ко Господу. Съежившись от непомерного горя, зарыдал от безысходности тридцатисемилетний мужчина.

Соседи помогали выхаживать новорожденных детей. Через два дня одного из них не стало, остановилось маленькое сердчишко, а моего будущего папу трехдневного возраста забрали себе добрые люди. Были это муж и жена Голещихины, не имеющие своих детей, из деревни Большое Нестерово. Деревня эта была в нескольких километрах от Парабели. Дом у приемных родителей был в два этажа, жили они по тем временам очень зажиточно, много и честно трудились, имели кое-какой капитал.

Приемного сына назвали Костей. В ранней молодости я встречал в Парабели людей, которые были ровесниками моего отца. Эти люди были уже в возрасте, они побывали на войне, были изранены, но вернулись домой. Люди, с которыми произошло мое знакомство, знали моего отца с самого детства. Они рассказывали, что Костя был любим приемными родителями.

На руках у Ивана Афанасьевича после смерти жены оставалось еще восемь детей. Четверо его детей остались с ним, а еще четверых пришлось отдать в люди. Момент этот был совсем не простой. Сыну Степану было в тот момент всего шесть лет. Дед отдал Степу жителю Парабели по фамилии Скирневский, очень богатому человеку. Ребенок почти каждый день прибегал домой, плакал и звал отца. Это, конечно, очень волновало душу Ивана Афанасьевича, много переживал, но запрягал лошадь и снова увозил сына к приемным родителям. В период становления советской власти приемного родителя Степана забрали по статье, как врага народа, и больше он не вернулся.

Старший сын, Ефим, женился, женились еще два сына Ивана Афанасьевича, а дочь Таня, будучи молодой девушкой, жила с отцом. Очень много и проворно работала она по хозяйству и по дому. И сено косила, и рыбачила, за скотиной следила и от печи не отходила. Овладела по-настоящему всяким женским делом: и постирать, и починить, и приготовить любое сибирское блюдо. Хорошо говорила на остяцком языке. После потери жены и разлуки с детьми Иван Афанасьевич стал немного не в себе. У него

была поговорка: «Легче семь раз стореть, чем один раз овдоветь».

Так шли годы в нужде и одиночестве, и неизвестно, чем все это могло кончиться. Да как-то зимой в один из рождественских дней, очень морозных и ясных, напротив дома Ивана Афанасьевича остановилась богато убранная повозка. Тройка взмыленных гнедых лошадей, разгоряченных быстрым бегом, перебирая, пританцовывая стройными ногами, роняла на снежную дорогу хлопья белой пены, звенела колокольцами под резной дугой. Все говорило о том, что ехали, поспешая, по-курьерски. Подбирая полы шубы, в красивой шапке выходила из кошевы знатная купчиха, богатого рода, из низовских – Новосельцева Аксинья Ивановна. Стоял в доме у окна, смотрел на происходящую картину полуседой, мудрый Крымский Иван Афанасьевич. В дверь постучали, гостья вошла в дом:

– Ну, здравствуй, Иван Афанасьевич! А я вот, к тебе пожаловала. Приглашай в дом! Попусту я временем не привыкла бросаться. Помоги раздеться, привечай!

Откуда ни возьмись, тут же объявилась проворная пятнадцатилетняя девушка Таня. Аккуратно приглаживая на себе чистый фартук, она быстро доставала из русской печи пирог из нельмы. Ловко орудуя своими привычными ко всякой работе руками, расставила на столе сначала глиняные чашки, а затем деревянные, наполненные икрой от рыб двух пород. Через минуту прямо на сковороде поставила жареную стерлядь из русской печи. Получился красиво убранный вкусной пищей стол: тут тебе и черника,

и мороженая морошка. Стол был большой, семейный, по случаю приезда гости накрыт белой скатертью. Таня все делала без остановок, а сама исподволь приглядывалась к приезжей купчихе: сердце совсем неспроста болело и волновалось. Никто не ждал, не готовился, просто все, что было выставлено на стол – обычное нарымское застолье.

Иван Афанасьевич подступил к дорогой непростой гостье, помог раздеться, пригласил к столу. Аксинья не медлила, не отнекивалась, разделась, сняла с ног обувь, надела на ноги кожаные опорки, внутри подбитые мехом, прошла к столу. Красива была купчиха, белолица, стройна. А глубокие карие глаза указывали на цепкий ум и железную волю. Широко благословила она пищу, привычно перекрестилась на старинные образа поморского письма.

Между тем в дом скромно вошел кучер Семен, занес лукошко, в котором стоял набор дорогих вин, коньяка, поставил его недалеко от стола и вышел. Ямщик тем временем завел тройку лошадей под крытый просторный навес, распряг лошадей, протер сухой травой. Сбрую занес в натопленное помещение, называемое хомутовкой, развесил ее на стене, чтобы хорошенько просушить. Лошадям дал отдых.

В доме на широком большом столе стоял красивый самовар донской работы, а на столе почти не было свободного места, все было заставлено сибирской снедью. Умело, расторопно дорогим уважаемым людям прислуживала угодливая девушка Таня. Иван Афанасьевич на правах хозяина дома произнес несколько слов, необходимых по этому случаю и предложил выпить.

Аксинья Ивановна тут же поддержала разговор и выставила на стол несколько бутылок дорогого вина, принесенных кучером. Она наполнила две рюмки вина и заговорила:

– Уважаемый Иван Афанасьевич! Ты, наверное, слышал, что мой дорогой муж, Смирнов Михаил Ефимович, известный своими делами далеко за пределами нашего края, скоропостижно скончался. Все наши купеческие дела мне теперь приходится вести одной. Детей у нас нет, не дал Господь. Я в настоящее время воспитываю мальчика, рожденного моей родной сестрой, ныне покойной. Звать мальчика Саша, отроду десять лет. Хоть и приемный сын, а стал мне больше, чем родным. Всю жизнь положу ради него, ничего не пожалею. Иван Афанасьевич, приглашай, давай выпьем хорошего благословленного вина. Никакой выпивки я не употребляю, но приехала я к тебе не просто так, есть разговор серьезный.

Устремилась она своими умными глазами на ухоженные иконы: «Господи, благослови!» – и выпила вина. Приступили к трапезе. Не спеша, чинно, с достоинством уселись за столом, без суеты пошла беседа. Наполнили рюмки и еще раз выпили вино, закусили такой избранной пищей, и Аксинья Ивановна продолжила:

– Ну, вот что, Иван Афанасьевич, женись на мне. Дела мои большие, капитала много, а чтобы твои мысли были теплее, а решение правильным и от сердца, даю тебе двести рублей золотом царской чеканки. За угощение благодарю, кланяюсь тебе в пояс, от меня лично возблагодари твою трудолюбивую хозяйку Танюшку, передай ей, сиротине, два пятиалтынных золотых, пусть ей душу греют. А сейчас,

будь добр, отведи мне одну из комнат. Утром, с первым петухом мой кучер Семен подаст тройку, и уеду, откуда приехала.

Иван Афанасьевич поблагодарил высокую гостью за то, что навестила бобыля, оказала честь:

– А еще спасибо, что не погнушалась нашим столом. А теперь дай мне немного времени подумать, все перетрясти, уложить в уме, а утром будет от меня ответ. Господь поможет. Проходи, уважаемая Аксинья Ивановна, моя Таня для ночлега уже все приготовила.

Ночь прошла быстро, пропел петух, все домочадцы были на ногах. В самоваре уже вскипел чай. Помолившись Господу Богу, приступили к утренней трапезе. Иван Афанасьевич, ладный, с крутыми плечами, физически крепкий мужчина, на голове стала появляться заметная лысина. Сидел он за столом в льняной рубашке-косоворотке, перепоясанной шелковым поясом с кисточками. Взгляд умный, спокойный. Начал Иван Афанасьевич речь свою без лишних слов:

– Уважаемая Аксинья Ивановна! Дети мои выросли, почти у всех свои семьи, а о себе сказать нечего, обо мне ты знаешь не меньше моего. Устал я от одинокой жизни, истосковался по доброму умному слову. Даю тебе согласие, будем с тобой жить, как муж и жена. Только дальнейшие наши планы не могут быть такими, какими они были с вашим покойным мужем. Меняются времена. В России голову поднимают смутьяны, дело пахнет порохом, нет надежды на завтрашний день. Но жизнь есть жизнь, и жить надо по чести.

Тут же без свидетелей, Аксинья Ивановна, выдала ему мешочек золота. Семен, выполняя кучерскую миссию, подал тройку к крыльцу. Крякнул он, свистнул, тройка лошадей сначала взвилась на дыбы к небу и, прижав свои красивые гнедые гривы, с места рванула в карьер. Зазвенели колокольчики, и вскоре затихло их божественное пение по мере удаления тройки.

Долго стоял у крыльца своего дома с непокрытой головой Иван Афанасьевич, не знал, не мог объяснить, какими чувствами наполнилась его душа, но одно понимал: по Божьему промыслению начинается новый виток в его жизни. Через неделю запряг крепкую надежную лошадь сибирских кровей, взял с собой двадцатилетнего сына Федора, отдал распоряжения оставшейся за хозяйку Татьяне и тронулся в путь. А путь его лежал далеко на север. В ста десяти километрах от Парабели располагалось старинное чалдонское село Казальцево, где жила его недавняя гостья, Аксинья Ивановна.

Это село славилось исконными чалдонами, людом трудолюбивым и отчаянным. Вокруг села богатые, заливные, с хорошими сенокосными угодьями луга. Большому количеству озер, проток, ну просто нет числа. Сказочное изобилие рыбы, которую никогда не выловить, если промысел вести разумно. Огромные метровые щуки утром и вечером выходят на свою вечную охоту, подпрыгивают на полутораметровую высоту, как бы показывая свои прыжки в соревнованиях. Бесчисленное множество карася, окуня в озерах. Пройдешь по пахучей

разноцветной траве, наклонишься к воде, чтобы попить и утолить летнюю жажду, а вода карасем пахнет.

Село стояло на пологом берегу Оби. Во всю мощь несла тогда река полные воды свои, свободная от всякого человеческого вмешательства. Рядом курья, тихая естественная гавань, вечная кормилица людей, населяющих ее берега. По самой Оби проходили неисчислимые косяки рыб ценных пород. Это белая, нежная, вечно мягкая и жирная нельма, всегда плотный, с желтоватой икрой, знающий себе цену богатырь – муксун, вечные жительницы – стерляди, путешествующие нескончаемыми косяками. Огромные стада знаменитого осетра. Его поголовье было так велико и существенно, что не могло исчисляться никакими бухгалтериями. Число осетров, если можно сравнить с поголовьем всех свинокомплексов Советского Союза, то будет ли оно равным?! На лугах и пастбищах многочисленные табуны лошадей, коров, овец.

И вот в этом благодатном селе с его естественными привольями и процветала когда-то купеческая чета Смирнова Михаила Ефимовича и Новосельцевой Аксины Ивановны. Имели они дающие хорошую денежную выручку магазины в селе Казальцево и других населенных пунктах. Торговали всем необходимым товаром: спичками, керосином, посудой, капканами, ружьями... Всего и не перечислишь. Много товаров завозил по таежным протокам к карамо, в остяцкие поселения, по Тыму – к эвенкам. Изодня в день нанятые приказчики делали свое торговое дело, все шире обхватывали прилегающую территорию. Народ, не искушенный никакой цивилизацией, был добродушен

и бесхитростен, за ценой не стоял. Купцы выгодно скупали в большом количестве рыбу, мясо, шкуры, охотничьи трофеи. На местах налаживали выделку шкур. Велась большая заготовка сливочного масла, ореха. В зимнее время день и ночь шли обозы в Томск и в Тюмень через Васюганские болота.

Купеческие пароходы, курсирующие по Оби, едва справлялись с вывозом добра со всех уголков Нарымского края. За стерляжьими ямами особого надзора не было, да и запрета для ловли – тоже. А вот осетровые ямы, большие и маленькие, когда о них узнавало общество, становились его достоянием. Смирнов Михаил, как человек, имеющий хороший ум, узнавал от остяков, одаривая их необходимыми вещами, об осетровых ямах, узнавал и начинал скрытно от людей вылов осетров в свою пользу. Лов осетра по ямам велся как в зимнее время, так и летом.

Когда мой дед приехал в Казальцево, стали вдвоем с Аксиньей Ивановной детально обсуждать вопрос, как вести дальнейшую купеческую жизнь, дающую такие выгодные прибыли. Своими ясными головами они понимали – приближалось смутное время. Что-то нужно было предпринимать. Наконец, они решили: нужно спуститься на лодках ниже по Оби на пятьдесят километров. Все недвижимое продать, переехать в небольшую деревушку всего в несколько домов, стоящую на берегу Оби. По тем временам поселиться в деревне с очень малым населением значило, что все природное пойдет само в руки. Если есть смекалка, трудолюбие и умение – трудись, старайся, Господь поможет.

Деревушка эта называлась Пристань. Купеческие пароходы хоть редко, но останавливались, привозили самое необходимое. Иван Афанасьевич срубил хороший дом, да не один. Для сыновей, кто оказался рядом, тоже были построены дома: просторные, светлые, на лиственничных сваях. Место для них выбрали высокое, дома смотрелись ласково и весело. Карнизы, фронтоны да наличники оконных проемов украсили деревянной резьбой из теса. Крышу крыли дорожным тесом. Стояли эти дома много десятилетий. Всякая работа, связанная со строительством, делалась с чистой душой, с любовью, со славой Божией.

К тому времени Иван Афанасьевич забрал к себе в дом Костю, своего сына, потому как его приемные родители умерли в один год. По неписаному закону Ивану Афанасьевичу было выделено сто гектаров нетронутого девственного кедрача. На берегу курьи был выстроен рыбацкий амбар. В нем хранилось много рыболовецких и охотничьих снастей. Когда в деревушке образовался колхоз, названный именем Калинина, амбар национализировали. В него поместили колхозную ловушку. Амбар пустовал. Двухэтажное строение выглядело осиротевшим. В свое время, когда моя мама, Мария Матвеевна, была просватана за моего отца, Голещихина Константина, они стали жить в семье Ивана Афанасьевича. Моя мама, вспоминая тот период, говорила, что у них было двадцать шесть дойных коров, полсотни взрослых лошадей, были еще жеребята и телята. Ну, а если всю имеющуюся у них живность представить в наличности, то получится стадо, в объеме равное колхозному. В самый расцвет

деревенской жизни у них было семьдесят лошадей, а в общественном стаде – восемьдесят коров.

Вспоминая первые годы своего замужества, мама говорила, что у Крымских жила одна молодая женщина, беженка из Алтайского края, в работницах была. Так она сокрушенно предостерегала:

– На Алтае и вверху Оби у зажиточных крестьян все отобрали и загнали в колхозы. Помни, Маша, мои слова, теперь уже скоро придет Советская власть и сюда. Все отберут. Пока не поздно, нужно обо всем заранее позаботиться...

Сказание о роде Терентьевых

Стоит большое село Колпашево на высоком правом берегу реки Оби, вокруг него – болота с ягодой, недалеко – огромный многовековой кедр. Другой берег – пологий с большой протяженностью песка, очень удобный для рыбалки. А еще дальше, в глубине – бескрайние заливные луга сенокосные. Колпашево с русским населением возникло не позднее Томска. А столетиями ранее это место было обжито аборигенами: тунгусский и остяцкий народы давно проживали там. Первые русские, поселившиеся здесь, были по фамилии Колпашниковы.

Многочисленные казачьи восстания давали большое пополнение населению Сибири. Это такие известные всему Нарымскому краю фамилии: Пановы, Волковы, Вяловы, Колесниковы, Колотовкины, Гришаевы, Стариковы, Типсины, Коноваловы... Невозможно на листе бумаги перечислить их всех, да еще дать их характеристику. На протяжении веков сформировался свой определенный сибирский характер со своими привычками, со своим бытом, укладом жизни.

Поселение русских людей быстро разрасталось. Колпашево за короткое время стало большим селом. Здесь по сложившейся традиции на несколько лет избирался староста. Этой должности придавалось большое значение. От избранного старосты требовалось решать своевременно административные и хозяйственные вопросы, жизненно необходимые для жителей села, а также близлежащих населенных пунктов. В обязанности старосты входило

решение вопросов о помощи в строительстве жилых домов вновь создавшимся семьям, а также семьям, прибывшим по тому или другому случаю, вольно или невольно оказавшимся в Сибири. Устраивались общие сходы села, где шло обсуждение, и при поддержке общества старостой принималось окончательное решение. Последним старостой Колпашева до 1917 года был дед моей мамы, или вернее сказать, мой прадед. Звали его Терентьев Афиноген Никифорович. Человек небольшого роста, худенький, характера очень строгого. Был он требовательным до раздражительности, но честным и справедливым. При случае никого не щадил, ни своих, ни чужих, но законы административные и законы суровой сибирской жизни, нигде не писанные, соблюдал по совести.

В Колпашеве на очень высоком месте, примерно в ста пятидесяти метрах от берега Оби, стоял большой крепкий дом Афиногена Терентьева, где проживала его семья, численностью почти тридцать человек. Дом выделялся красивой постройкой, а рядом с домом множество добротных хозяйственных и скотных помещений. Дом старосты, Афиногена Терентьева последний раз я видел в 1969 году, в ту пору простоял он уже больше ста лет и был в прекрасном состоянии.

Крупного рогатого скота, овец, лошадей в хозяйстве прадеда было большое количество. Со слов тети Ньюры, жены моего дяди, когда в зимнее время выгоняли крупный скот к проруби на водопой, то, по ее выражению, голова была у проруби, а хвост находился в скотном дворе.

Род Терентьевых был далеко не из простого люда. То, что прадед Афиноген был наделян доверием общества такой ответственной должностью, говорило о многом. Я помню многих Терентьевых, своих ближайших родственников. Это были люди с чистой совестью, разумными и владеющими знаниями.

Хорошо помню Николая Терентьева – своего дядю по маминой линии. Он был на несколько лет младше моей мамы. Будучи молодым парнем, он садился в обласок, брал с собой два ружья, собак, достаточное количество провианта и уезжал по течению Оби в северные районы. По воспоминаниям его троих братьев и четырех сестер, работа по хозяйству со скотиной, заготовка кормов Николая совсем не интересовала. Такое отношение к семейному труду вызывала недовольство родителей, деда. Укоры, назидания, уговоры результата не давали. Но, как ни странно, вся многочисленная семья любила его, а родители многие выходки ему прощали. Отец, Матвей Афиногенович, бывало, себе места не находил после его очередной забавы, ходил, ворчал: «Ну, придет пострелец этот, свое получит!» А потом приезжал семнадцатилетний Николай на взмыленной от быстрой езды лошади, и куда девалось отцовское негодование! Выходил он на улицу, помогал распрячь потную лошадь, ласково гладил ее, а что пять минут назад кипело сердце от поведения любимого сына, тут же забывалось.

Дед Матвей в то время жил в деревушке, основанной им самим, под названием Таракановка, что в самом центре Нарымского края. Хоть и молодой был Николай, но все, что

делается в округе, знал, как раскрытую книгу читать мог. Знал этот белокурый паренек, на каких озерах, глухих таежных протоках живут остяки. Где, в каких урочищах охотятся сезонно охотники-чалдоны. Остяков, чалдонов он знал по именам, прозвищам, и они его знали. Рады были каждой встрече с Николаем. Очень он был солнечный, приветливый, каждому человеку дарил нужное слово. Любил охотиться на уток, тетеревов. Все приспособления у него на этот случай были. Много охотился и на мелкого зверька. Любили остяки да чалдоны вести у костра или в карамо с ним бесконечные разговоры, в которых другой раз трудно было различить: где – правда, а где – сладкая ложь. Может, за общительность и любили его охотники-остяки, чья жизнь проходила в кочевьях. С этим веселым парнем обо всем можно было побеседовать. Во время ночевок у костра любовно, бесхитростно доверяли ему самые сокровенные секреты охоты, но в смутное время и такие секреты, от которых зависела безопасность их жизни.

Происхождение рода Терентьевых Николаю было известно хорошо. Его цепкий ум, находчивость, сметливость всегда помогали в сложных ситуациях. Не раз он ходил в своей жизни по краю, как говорят, по лезвию ножа, но выкарабкивался, выкручивался. Он понимал, что откровение могло в это новое время дорого стоить. Лишнее слово могло стоить самой длинной дороги в лагерь Заполярья.

Многое было скрыто, не просматривалось за его веселым, непосредственным нравом. Помню, после войны он приехал к нам в деревню Пристань в гости повидать

свою любимую сестру, племянников, друзей, тех, кто уцелел от репрессий, от прошедшей войны. Съездил на рыбалку, попутно пострелял дичи, которой сразу после войны было очень много: охотники почти все погибли на фронтах войны, их остались единицы. Много шутил, рассказывал всякие интересные истории. Помню, едем в обласке, рыбачим, стоит половодье, что никаких берегов не видно, а ветра нет, и на воде полный штиль. Мы едем, взлетают и садятся на воду рядом с нами дикие утки, на воде цветут кувшинки, дикие лилии. Мы едем прямо по ним, по воде, не спеша, вода теплая, как чай. Дядя Коля настроен романтично, в воздухе пахнет густым черемуховым запахом, а в ушах свист, крикание диких уток. Дядя сидит на корме, блаженствует, едва шевелит веслом:

– А хочешь, племяш Ванюша, я тебе спою песню фронтовую... Между прочим, скажи, милый друг, а что у тебя по пению? Какая отметка?

Я ответил, что за пение у меня «тройка». Тут дядя мой отбросил весло в обласок и как давай смеяться! От всей души насмеявшись, дядя Коля ласково погладил меня по голове:

– Милый ты мой козленочек! За пение – «три»! Слушай, Ванюша, спою я тебе песню в светлую память о своих боевых товарищах...

И, сидя в обласке, запел песню Соловьева-Седова «Где же вы теперь, друзья-однополчане?». Пел во весь свой голос, с душой, выводя каждую ноту. Иногда он жестикулировал руками, спел всю песню до конца. Потом, довольный собой, похвалил сам себя:

– Вот так, Ваня, надо петь, без фальши!

Посмотрели мы сети, поймали примерно ведро разной рыбы, поехали домой. Дядя мой продолжал петь, горланить фронтовые песни: «Катюша», «Орленок» и другие. Пел он красиво! По воде слова песни разносились далеко. Многие жители деревни подходили к берегу, стояли и слушали, и радость, и грусть была в их настроении.

К вечеру мама приготовила свежую рыбу, которую мы привезли с рыбалки, на стол поставила хмельную брагу, тогда выпивку делали на дикорастущем хмеле. Позвала к себе в дом односельчан по случаю приезда такого гостя. Дядя Коля надел на себя фронтовой темно-зеленый френч с боевыми орденами и медалями. Тогда фронтовики носили награды, которые получили на фронте, никаких юбилейных не было.

Дядя, довольный собой, сел за стол, то и дело поправляя награды, чтобы их было лучше видно, это ему так думалось. Моей маме в то время было сорок лет. Скрывая улыбку, она смотрела на своего брата и любовалась им: «Каким ты был с молодости, таким и остался! Всю жизнь старался покрасоваться, излишне похвалиться, скромности – ни на грош!». Рядом за столом сидели молодые вдовы-красноармейки, красивые душой и телом, угощались, смотрели на Николая Матвеевича и пытались спрятать то радостное, то горькое настроение на своих молодых красивых лицах. На всю жизнь запомнилась идиллия этой давно прошедшей живой картины.

Проснулся я на следующее утро рано. Родственники уже встали. Мама разговаривала со своим братом. Я

невольно услышал их слова. Дядя Коля шепотом говорил маме:

– Маша, а ты знаешь, что род Терентьевых идет из графьев. У нас и свой герб был, на нем был изображен соболев и ружье. Перед самой смертью мне наш тятя рассказывал и велел язык держать за зубами.

Многое в биографии Николая Матвеевича было покрыто тайной. До войны служил в армии почти шесть лет, в кавалерийской части. Когда началась война, сразу же попал на западный фронт. Стал разведчиком. Имел офицерский чин. Произошел с ним такой случай. Командованию срочно нужен был «язык». Отправилась группа за линию фронта выполнять боевую задачу. Зашли в одно прифронтовое село. Ночь. В темноте сидят на крыльце дед и девушка-внучка, охраняют дом, полный спящих фашистов. Сторожей связали, закрыли в сарае. Бесшумно вошли в дом. Офицера-немца выволокли на улицу, а остальных фашистов ликвидировали кинжалами. Почти два десятка фашистов было уничтожено. Из немецкого тыла пробилась к своим. Вернулись без потерь. Немецкий офицер давал нужные показания.

А Николая Матвеевича трибунал осудил за то, что разведчики могли немцев всех пленить, но они этого не сделали. Дядя был приговорен к расстрелу. В одном нижнем белье сидел разведчик в яме и ждал рассвета, когда все будет кончено. Мимо со своим штабом проезжал маршал Еременко. К нему и рискнул прорваться один офицер, доложил, что приговорен к расстрелу его боевой товарищ. Разобравшись, Еременко приказал освободить

старшего лейтенанта из-под ареста, и сказал офицерам, учинившим расправу: «Нас фашисты бьют, так мало того, мы еще должны убивать друг друга!»

Через некоторое время Николай был отправлен в чине капитана в Томск. Был назначен заместителем начальника одного из госпиталей. В этом качестве служил совсем недолго. Был отстранен. Направили в Колпашево. Назначили заместителем председателя горисполкома. В этой должности прослужил немного. Заелся, зазнался до неузнаваемости. Был снят. Поставили начальником добровольной пожарной дружины. Стал жаловаться на ранения, полученные на войне, уволился по добру, ушел на пенсию. Умер в 72 года.

Когда дядя был еще в добром здравии, было мне в ту пору двадцать три года, приехал я нему в гости. С маминой стороны в то время в Колпашеве проживало много близких родственников. По случаю моего приезда было организовано настоящее сибирское застолье. За столом сидят званые гости. Один из таких – человек в прошлом богатырской силы, высокий, коренной чалдон, Анисимов Иван Андреевич. На правах дальнего родственника и друга сидит рядом с моим дядей, хозяином дома, Терентьевым Николаем Матвеевичем. Я сижу на лавке совсем рядом с ними. Дядя как опытный в речах человек, произносит тосты, люди выпивают, закусывают обильной вкусной пищей. Начался разговор. Размеренно, чуть слышно ведут разговор между собой мой дядя и Иван Андреевич. Я сижу, делаю вид, что меня этот разговор совсем не касается.

– Слушай, Иван Андреевич, как ты уцелел в девятнадцатом году? Я же слышал, что ты служил у Колчака в карателях и, вроде как, неплохо.

Выпили по стопке, закусили. Беседа продолжается:

– Николай Матвеевич, а как ты уцелел? Ведь я-то точно знаю, семнадцатилетним ты был связным с Таракановским отрядом? Ведь они все были расстреляны чекистами... А потом – ты активист комсомола и уже на службе в органах?

Помолчали, выпили, закусили. Строгий по своему характеру Иван Андреевич говорит:

– Нам бы с тобой, Николай Матвеевич, дал бы Бог ума молчать по гроб жизни, многие страницы из жизни забыть...

Все это я услышал и хранил в себе все эти долгие годы, всю жизнь.

У старосты села Колпашево, Терентьева Афиногена было два сына – Иннокентий и Матвей и несколько дочерей. У всех у них была куча детей. В воскресный день или в православный христианский праздник прадед Афиноген командовал всей семье, особенно детям, собраться в залу и читать Евангелие, молитвы, молиться перед образами. За малейшее непослушание несли наказание. Напоминанием об этом была добротное, по-казацкому исполнению сделана из кожи плетка-трехвостка, которая висела тут же на стене.

После всех распоряжений по дому староста Терентий Афиногенович сел в запряженную тройкой лошадей карету. Сзади на запятках стоял бравый жандарм. Ямщик

трогал, чрез минуту тройка исчезала из виду. Мчались они в Тогур, чтобы успеть в церковь на службу.

Дед грамоты не знал. Все письменные дела были в руках писаря.

Особо нужно рассказать об отношении колпашевского общества к известной осетровой яме. В семидесяти километрах вниз по течению Оби стоит старинное село Инкино. Добротные старинные дома с красивой резьбой по дереву с наружной стороны, с широкими улицами, создавали селу приятный вид. Расположено Инкино на высоком ровном месте. Привычными для населения занятиями испокон веков были рыбалка, охота да пчеловодство. Рядом с селом хорошие пахотные поля, на которых выращивали добротную пшеницу. Внизу, под горой, на берегу реки Обь в трех километрах от села Инкино стояла небольшая остяцкая деревня Юрты. Возле этой деревни в Обь впадает таежная речка Шуделька с быстрым течением и темной водой. В границах деревни Юрты на Оби находилась очень большая осетровая яма. Длинной она была два километра и до десяти саженой глубиной. Яма эта была известна обществу, поэтому вылов осетров из нее мог производиться только по разрешению старосты. По неписаному закону взламывать яму, то есть вскрывать ото льда и спускать в нее ловушку, можно было только раз в году, под самое Рождество. Со всех ближайших деревень, а также из Колпашева съезжались в Юрты на лошадях рыбаки, желающие принять участие по ловле осетров из ямы.

Ближе к полуночи все рыбаки были на исходном рубеже, на самой границе осетровой ямы. По этому случаю

староста Колпашева был обязательно на месте рыбалки. Все ждали его команды. Ждали и такие, кто успел употребить самогон, был навеселе. Стоял трескучий мороз, на берегу горело немало костров. Ровно в полночь староста подавал команду: «С Богом, мужики!» Люди спешили. Начинали долбить лед, опускать в воду ловушку. Ловили осетров семьями, ловили, кто сколько мог, у кого какая сноровка и трудолюбие. Ловили по многу, могли поймать семьей и десять, и пятнадцать штук.

В шесть часов староста подавал команду: «Отбой!» Рыбалка прекращалась. Люди грузили ловушку, выловленную рыбу, собирались в домашнюю сторону. И те бедолаги, которые позволили себе погулять, пустыми домой не поехали. Рыбаки погрузили им на сани два-три осетра, куда их денешь, ведь тоже люди рода человеческого, и, как обычно водится, детей у таких людей немало.

Осетров в яме никто никогда не считал, но слой их доходил до нескольких саженей, лежали они друг на друге почти без движения. Только едва заметно пошевеливались взад-вперед. В течение года никто не имел права опустить ловушку и вылавливать осетра. По закону тайги за такое дело могли лишиться жизни, похоронить на высоком берегу озера, а озеро назвать его именем, чтобы из поколения в поколение люди передавали его историю и помнили.

В молодые годы я одну осень провел в Юртах, охотясь на мелкого пушного зверька. Жил у земляков из села Прорыто по фамилии Мурзины. Каждый день на охоте я исхаживал по лугам километров сорок, не менее. Дело было в середине октября. Уже в темноте подходил к

своему дому, сильно уставший. Чтобы легче было идти, считал шаги. Меня давно ждали. Привел себя в порядок и сел за стол ужинать. В это время хозяйка доставала из русской печи с помощью специальной деревянной лопаты готовый ароматный пирог из осетрины. Осетр очень жирный, мягкий, вкусный. Видно было, как через хлебную корку протекал жир. Пирог был сравнительно небольшого размера. Мы под водочку смогли съесть только часть пирога, и были совершенно сытые и не захмелевшие. Шла трапеза свежеприготовленного пирога, под стать ему была нежная душевная беседа.

Хозяева рассказывали, что в настоящее время они работают в Юртах в рыболовецкой артели. На каждый месяц доводится план добычи рыбы. Если **рыба** не добывают в нужном количестве, из области звонят и дают команду опустить ловушку в яму, а зима или лето, на это не обращают власти никакого внимания. Вот, такие дела!

Мощная река Обь постепенно меняла свои берега, делала новые курьи, протоки там, где когда-то текла река, теперь образовалась старица. Старели и мелели осетровые и стерляжные ямы, на смену им образовывались новые, которые со временем становились законным достоянием общества. Жизнь развивалась гармонично, по естественным законам природы. Разной рыбы было много, в том числе и рыб ценных пород. Запретов на ловлю рыбы и охоту просто не было. Люди знали цену жизни и без всяких лекций и приказов понимали, когда и сколько брать от природы, не нарушая ее законов. Важные вопросы решали сообща, во всем была договоренность. Поднимался

осетр из ямы отдельно небольшими стаями, его вылавливали по очереди, какой попадался, такого и брали, ни у кого это возмущения не вызывало.

Наши предки хорошо помнили Указ Петра I по охране водоемов по берегам рек: кусты не рубить, стерлядь ловить только поленную. И когда опускали ловушку в стерляжки ямы, мелкая и средняя стерлядь просто не задерживалась, а ловилась килограммовая. Ну, эта стерлядь – просто чудо! Разрежешь ее, а она крупная, внутри от жира цвета лимона. Хоть чушем употребляй, хоть копти. Слов нет, на всякое блюдо годна! А какой естественный клей получали стерляжий! Это ее пузырь брали в руки, слегка мяли, и получалась форма оладья. Надевали на нитку, со временем нанизывали целую гирлянду высушенного клея. Он был незаменим при изготовлении музыкальных инструментов. Сейчас такой клей стоит больших денег!

Колпашево к началу двадцатого века стало большим многолюдным селом. В крепких крестьянских хозяйствах селян было огромное количество всевозможного скота. Сено для него нужно было готовить за Обью, а это доставляло большое неудобство. Но люди неустанно трудились, заняты были важными делами для пользы своей семьи.

В Колпашеве имелось и купеческое сословие. Чего стоил такой купец, как Иван Колесников. У него были свои большие дома двухэтажной постройки, снаружи покрытые резьбой по дереву, под железными крышами. Кроме жилых домов были помещения для контор, складов, магазинов.

В зимнее время на берегу реки шла распиловка круглого леса продольными пилами на больших сооруженных козлах. Лес пилили на плахи, тес, брус, полубрус, да и на многое что еще. И вот вспоминается один случай.

Стоит как-то купец Колесников мартовским днем на горе, а под горой идет полным ходом распиловка леса. Солнце светит, снег так отражает блеск, что становится больно глазам. Ласкает весеннее солнце грудь, лицо, душу удачливого купца Колесникова. Интересные необыкновенные мысли лезут в умную голову Ивана Колесникова.

– А что, ребята, – обратился он к работавшим, – если вы будете пилить по одной команде все разом вверх-вниз, вверх-вниз, я вам по одной копейке добавлю.

А в то время за копейку полпуда добротной муки можно было купить. А внизу под горой в это время работало больше двадцати пар. Тут же выбрали старшего. Он стал подавать команды: «Вверх-вниз!», и закипела работа. Производительность росла на глазах. Иван Колесников ходил на горе взад-вперед, довольный. Очень интересной получалась работа, просто загляденье! Поучительным оказался этот пример.

Как-то раз, уже при Советской власти я, забитый нуждой, вынужден был обратиться к своему начальнику, с просьбой добавить мне зарплату. Детей у меня было в ту пору уже трое. Начальник спросил:

– Сколько у тебя месячная зарплата?

– Сто тридцать пять рублей, – я ответил, – добавил бы пятерочку.

– Ты знаешь, при всем хорошем отношении к тебе, не могу. Может быть, в новом году... Это же фонды... Все запланировано... А сам своей волей прибавить я не могу...

– Не хозяин вы, Анатолий Михайлович! Убавить можете, а добавить – нет.

Купец Иван Колесников имел свои пароходы, которые с открытием навигации по реке и до полного ледостава все лето трудились на Оби и ее притоках. Они поднимались до самого верховья. Пароходы были колесные, приводимые в движение с помощью паровых котлов. Котлы топились дровами. В течение зимы дрова чурками метровой длины готовились в заранее намеченных местах. Во время навигации пароходы подходили и загружали готовые дрова.

Снабжение всеми деталями к машинам и приспособлениям шло без задержки деловыми расторопными приказчиками без бумажной волокиты. Главное в этом значило слово. Все вершилось по нему, порой стоило оно дороже денег. В конце девятнадцатого века по Оби ходили грузовые и пассажирские пароходы. Требовался своевременный качественный ремонт. Необходимые детали из Москвы и Петербурга доставляли быстро и в назначенный срок. Развитие Нарымского края, как и всей территории Сибири, шло быстро, в прогрессии, с размахом.

Однажды случай свел меня с крещеным татаринном. В Моряковском затоне, за курьей есть одно место

живописное. Там много открытых водоемов – проток, озер, где много птиц всевозможных. Вдоль высокого берега старой Томи растянулась деревня Кигельгеево. В давние времена в те места переселились из Казанской губернии крещеные татары. По прибытии в Сибирь обратились они к старейшинам деревни Эушты разрешить поселиться рядом с ними, на их земле. Эуштинские татары отказали, но посоветовали немного ниже Эушты построить свою деревню. Они так и сделали. Работящие, сметливые люди построили дома, завели много разного скота, ловили очень успешно рыбу в реках и озерах. В зимнее время, когда шли конные обозы с севера и из Томска на север, в Кигельгееве были устроены большие постоялые двory. Место с этой целью было выбрано очень удачно. Из города Томска это был первый постоялый двор и с севера перед Томском – последний. Со слов моего знакомого татарина, тогда уже очень пожилого человека, были дни, когда на ночлег останавливалось до семисот лошадей, то есть шли на север до трехсот пятидесяти лошадей, и такое же количество шло в Томск с севера.

Татары любили наших нарымских сибирских лошадей за их необычную выносливость, сердитый характер. Иногда в деревне на ровном большом поле устраивались скачки, своего рода соревнования. Вот где можно было вдоволь налюбоваться лошадьми, в том числе, и нашими низовскими незаменимыми трудягами.

А также уважали татары наших нарымских мужиков с отменным здоровьем, не унывающих. Перед глазами стоит образ крепкого собой сибирского мужика. Все лицо

розовое до красноты, уши, шея налиты кровью, порой даже кажется, проведи мужицким ногтем по лицу и брызнет, зажурчит кровь. Бывало, возьмет такой мужик голыми руками на морозе железо, и ничего его рукам не делается. Только блеснет в улыбке человек белыми перламутровыми зубами, никогда не знавшими зубной щетки.

Всплывает в памяти эпизод из зимней картины. День стоит очень морозный, дым из деревенских труб идет строго кверху. К проруби идет совсем молодая, чернобровая девушка по имени Галя. Лицо чистое, белое. Идет, покачивая всем телом, а на плечах два ведра постиранного белья. Подходит не спеша к озеру, голыми руками берет мокрое белье и начинает при сорокаградусном морозе полоскать его в проруби. Наклоняется, изгибаясь в поясе, и в такой позе работает. Оголенные стройные ноги, красные, как у гусыни, а ей ничего, еще другой раз встанет во весь свой стройный рост, поправит тяжелую косу, посмотрит не спеша вокруг и снова примется за свою работу.

Моя мама, будучи еще девчонкой, участвовала наравне со всеми членами семьи в ловле рыбы. В зимнее время, когда интенсивно шла вверх по Оби стерлядь, выезжали всей семьей на реку, несмотря ни на какие морозы и бураны, ехали ловить рыбу. Работа в такой момент просто кипела. Долбить лед надо было без передышки, опускать ловушку под лед по тридцать пять самоловов (крючков) на одной стяжке, а стяжек брали с собой двадцать-двадцать пять. На каждый крючок ловилась стерлядь. Работать в рукавицах было неудобно. При любом

морозе, на реке, на пространстве, открытом всем ветрам работали голыми руками. Мама вспоминала, что руки от постоянного пребывания в воде покрывались тонким слоем льда. Мой дед Матвей, весь захваченный азартом ловли стерляди, давно уже потерял шапку, и кудрявая голова покрылась морозным инеем. В коробах уже лежала не одна тонна стерляди. Скоро домой, уже и темнеет.

Будучи еще несмышленной девчонкой, моя мама высказала своему отцу, Матвею Афиногеновичу:

– Тятенька, не могу больше смотреть на эту рыбу, не то, что кушать! Эту стерлядку едим целыми днями!

– Доченька моя милая! Ты сама не понимаешь, что ты говоришь! Поверь мне, придет такое время, только на картинках сможете увидеть подобную рыбу. Если она останется, то будет ее очень и очень мало...

У одного из самых достойных купцов Колпашева, Колесникова Ивана, в разных местах реки были рыболовецкие бригады. А рядом с селом, на песчаной косе был свой стрежевой невод. Невод, налаженный на тетиву, был длиной шестьсот, а другой – до восьмисот метров. Тянули невод по реке километра три. Перед тем, как открывался сезон рыбалки, стрежевым неводом предварительно производили чистку дна реки. Со дна вытаскивали коряги, бревна, пни. После того только, как все явные задевы были удалены, могли приступить к постоянному промыслу. Для этой работы набирали две бригады, каждая по десять человек. Одна бригада сутки рыбачила, а другая в это время отдыхала. В каждую бригаду подбирался свой повар. Поваром могли быть как женщина,

так и мужчина. Для этой цели приглашали людей трудолюбивых, искусных в своем деле.

Рыбаков для работы на стрежневоде набирали физически крепких здоровьем, сильных и выносливых. Работа постоянно проводилась под открытым небом, на воде. Один невод находился всю смену в работе, а другой был рядом, как запасной. Но в неводе постоянно появлялись дыры по всяким причинам. Тут же находились старые люди, два человека, уже давно отошедшие от активной промысловой жизни, но хорошо знавшие свое дело. Эти люди обычно привлекались бригадиром для починки невода. Находились они на стрежпеске в течение дня. Починка невода делалась деревянной иглой (челноком), на который намотаны суровые нитки. Брал в руки старый рыбак поврежденный участок невода, начинал внимательно рассматривать дыру и прикидывал, как нужно ее правильно обработать. Нужно было верно выбрать метод починки дыры. Огульно эту работу не сделаешь. Правильный выбор определит способ и грамотность выреза. Нужно было производить вырез крестом, тройкой, шестеркой, девяткой и только после правильного выреза начиналась починка невода. После этого ловушка становилась как новая и много лет служила хозяину. Я на этом подробно остановился, потому что ремонтом и реставрацией сетей в наше время никто не занимается.

Недалеко от того места, где выбирался невод из реки, в шагах в двадцати, был построен сарай из теса, добротно, на совесть, без щелей, с одним небольшим окном. Посередине этого уютного строения стоял стол

четырёхметровой длины и метровой ширины. Немного в стороне была установлена печь. В светлом красном углу столовой был прилажен святой образ Матери Богородицы.

За сезон вылавливалось очень много рыбы: это и осетры, больше ста голов за сутки, в огромном количестве нельма, стерлядь, в холодное время, ближе к осени, ловился в большом количестве муксун. Бесконечно приходили в невод щука, налим, язь, карась, крупная плотва.

Кто проезжал мимо на обласке, заходил покушать, садился за стол, почти никто с собой еду не брал, рыба была в каждом доме. Повар занимался приготовлением пищи круглые сутки. Готовилась уха на пятнадцать мужиков. Если шел осетр, то уха готовилась из него, и обязательно отдельно в большом казане из осетровых голов. Если шла стерлядь, или нельма, или муксун, то уха была из этой рыбы. Другой раз в уху из рыбы ценной породы клали язя, окуня, специально смешивали, называя такую уху царской, добавляя туда, не жалея максы (печени налима), молоки, икры карася.

В печи тут же, между делом из крупной стерляди готовили блюда горячего копчения. Поданная к столу стерлядь запивалась молоком. На столе всегда стояла свежая, слегка присоленная в деревянных ярко раскрашенных чашках икра, не менее трех сортов. Кушали ее деревянными ложками.

На столе, на металлическом подносе лежал только что смоченный в воде зеленый лук. Чуть-чуть присоленные и подвяленные балыки из осетрины и нельмы по просьбе того или другого рыбака, подавались к столу. Очень крупная

стерлядь нарезалась ломтями и употреблялась прямо в живом виде, то есть чушем. И так каждую смену, по каким только рецептам, отложенным в голове, не приготовит повар-самородок для своих любимых товарищей рыбу.

– А в следующий раз приготовлю вам сибирских пельменей.

После этих слов мужики одобрительно загудели:

– Ну, Андреевич, если пообещал, ждем обязательно!

Вечером повар в своей столовой наводит порядок. Все тщательно моет, протирает, чистит посуду. И так весь промысловый сезон.

К концу смены производилась дележка рыбы на каждого члена бригады, а также и двум старикам, что были заняты починкой невода. Этим дедам было много лет, сразу по взгляду и не скажешь, сколько им годков. Выцветшие брови, задубелое от морозов и речного ветра лицо. Они с большим желанием отработывали пайку. А дома ждали их такие же древние бабки, от рождения дети рыбаков, и жизнь прожившие с настоящими рыбаками, терпеливо ждали своих кормильцев. По принятому правилу каждую смену давали по одному осетру двум членам бригады, в следующую смену – другим, и так по кругу с таким расчетом, чтобы не меньше двух осетров в месяц получил человек. Осетры были и огромных размеров, и средние, килограммов тридцати пяти весом.

И вот однажды, в летнюю пору на стрежневод приехали слегка подгулявшие деловые приятели: колпашевский хозяин, Колесников Иван Филимонович и томский купец, Семен Назарович. Их торговые и

хозяйственные дела пересекались, прибыли они в сопровождении десяти человек. Колпашевский стержпесок по тем временам считался удачливым. В этом месте хорошо проходила ценная рыба. Не было редкостью, когда в одной притянутой тонне могло прийти десять – пятнадцать осетровых голов.

Колпашевский купец показал хозяйство, похвалился рыбалкой этим летом. Всю компанию пригласил за стол. Сам хозяин с гостем сели посередине стола, гостей рангом поменьше усадили по краям. Приготовленная пища в первую очередь подавалась начальствующим. По знаку глаз в большом графине была преподнесена «Смирновская». Выпили обильно, от души закусили. После каждой рюмки, такая кусочек осетрины в соль, закусывали свежей красной рыбой. Палило полуденное солнце, от выпитой водки с хорошей закуской на свежем воздухе поднялось настроение. Тут купец Иван Колесников обратил внимание на своего гостя, что тот заинтересованно смотрит на рыбаков. Выпили уже в который раз, приличное количество скушали закуски. Тогда и спрашивает хозяин томского гостя, что его так заинтересовало. Гость отвечает, что невольно обратил внимание на одного рыбака богатырского телосложения с белыми волосами и красными щеками. Иван Колесников отвечает:

– Да это мой рыбак, Степан Мартемьянов.

Парень как парень, но силы, правда, необыкновенной, богатырской. Подошли купцы к парню поближе, поздоровались. Затем отошли от него подальше. Хозяин и говорит:

– Правда водится за ним слабость: ест он за семерых и работает за семерых. Сильный, ничего не скажешь, может лошадь поднять. Залезет под лошадь смирную, полусогнется, начинает выпрямляться, а лошадь поднимается вместе с ним, отрывается от земли.

Призадумался подвыпивший гость, стал отказываться от угощения, от водки, от обильной закуски. Потом и говорит:

– А что, если потратить время и посмотреть, как Степан будет кушать и сколько съест.

– А вот и хорошо! – загорелся интересом Иван Колесников, колпашевский купец. – Возьмем осетра килограммов на двенадцать, прикажем приготовить и накормим Степана.

– Договорились! Но при одном условии: чтобы все было честно! Давай так сделаем: поставим готовить уху двух поваров. Один повар мой, другой – твой, чтобы они вместе готовили и честно клали в чашку Степана.

– Согласен! Ручаюсь я за своего Степана! – хорохорился Колесников. – На том и порешили! Если Степан съест всего осетра, то ты, муку что привез на пароходе из Томска, отдаешь мне, а если Степан оставит хоть немного, то я отдаю тебе весь улов в тоне, которая скоро придет!

Купцы ударили по рукам. Озадаченные повара взяли двенадцатикилограммового осетра, отделили с него хребтину, плавники, расчленили его и опустили в отдельный котел. Бригаде уху стали готовить в другом котле. Работа закипела. Повара не спускали друг с друга

глаз, следуя друг за другом, приступили к приготовлению пищи. Уха кипела, шипела, пар стоял столбом. К тому времени невод подходил к месту выемки. Улов, как на диво, получился богатым: двадцать осетров, множество другой ценной рыбы. Всю рыбу из невода выбрали, по-хозяйски прибрали.

Хозяин зовет к столу обедать весь коллектив рыбаков. Обращаясь к ним, говорит:

– За работу благодарю! За удачный улов ставлю вам две четверти водки!

Все рыбаки и приехавшие с купцами гости уселись за стол обедать. Перед обедом выпили водки за доброту хозяина. Повара друг от друга никуда, следят за тем, чтобы из Степанова котла уха никому не ложилась, кроме него. Степан кушает да побрякивает. Хозяин не жадничает, от всей души щедро подливает в стаканы водки, угощает. Беседа за обедом идет о жизни, о рыбалке. О заключенном пари никто не догадывается, кроме поваров. Повара честно делают свое дело. В котле у рыбака Степана уха убывает, и уже всем посвященным в эту операцию не терпится получить результат. Степан после прилично выпитого количества водки, делая небольшую передышку, приступает к поеданию осетровой головы. Все доедает, что было в его котле, а когда видит, что услужливые повара больше не подливают ему в чашку, разморенный, потягивается и произносит:

– А нельзя ли немного добавки?

Тут друзья-купцы, еле сдерживая смех, обнялись, крепко пожали друг другу руки.

– Ну что же, – сказал купец из Томска, – купеческое слово дороже золота! Так и быть, Иван Филимонович, вся мука, привезенная из города на пароходе, будет твоей, согласно договору!

На том они и расстались. Один Бог знает, пересекались ли когда-либо их жизненные пути.

Приближался навечно вошедший в историю семнадцатый год. Дела купеческие у Колесникова шли хорошо, работа спорилась, с каким-то весельем, азартом, а главное – с хорошей прибылью. Его пароходы, не зная отдыха, трудились по реке Оби. Возили грузы далеко на Север по малым и большим рекам. Связь с жителями была по-настоящему четкой и серьезной. Нужно было забрать у населения рыбу, пушнину, а им завести охотничьи и рыболовецкие снаряжения, хозяйственные товары, муку, соль, сахар, водку. Работа шла, как заведенные часы, без отдыха, без одной минуты простоя.

Рассказывали мужики, как матросы одного парохода подобрали на речном плесе медведя. Поняли, что-то с ним было не ладно: то ли объелся чего, то ли соперник его сильно помял – только был он в то время совсем квелый, да и глаза потускневшие. Забрали его на пароход, откормили, подлечили, даже стал чем-то мишка похож на своих новых друзей-матросов. Стал он работать в составе бригады грузчиков. Проявлял новый грузчик усердие, без устали бегал по трапу со стокилограммовыми мешками с какой-то веселой энергией: схватит мешок в охапку и бежит от берега к трюму парохода, семена кривыми лапами. Примечательно, что мишка быстро усвоил сигналы,

обозначающие призыв к обеду, подаваемые дневальным ударами в колокол. Узнавал их как ничто другое: где бы он ни находился в этот момент, выпускал мешок из лап и бежал! Однажды, надо же было случиться такому: прозвучал колокол, наш лохматый работяга тотчас остановился, будто по инструкции, и сбросил с себя мешок муки. А было это посередине трапа! Мешок полетел прямо в воду! А медведь вприпрыжку, семеня лапами, помчался получать свою порцию обеда.

Летом грузы из Томска шли бесперывным потоком. Грузчики на колпашевской пристани работали, не считаясь с отдыхом, по многу часов подряд. Сначала разгружали пароходы, баржи, а потом свозили доставленный груз в склады, укладывали по-хозяйски. Расчет за сделанную работу выдавался каждую неделю в субботний день. В воскресный день люди отдыхали. Кроме денежного расчета выдавался каждому грузчику мешок муки. Взваливал на себя мужик мешок и шел домой. Однажды в субботу, после такой раздачи, пришел приказчик к Ивану Филимоновичу, и говорит:

– Знаешь, хозяин, я сегодня, выдавал работникам деньги и, как положено, по одному мешку муки. А этот грузчик, большой наш, Иван Волков... подошел и взял два мешка. Окликнул я его и приказал один мешок обратно положить! Не сдержался, ударил его по щеке.

Хозяин поднялся из-за стола, посмотрел исподлобья на приказчика и, едва сдерживаясь, сказал:

– Разве ты не знаешь, что у него десять детей, а он не чужое взял, а свое, Богом положенное! Сейчас же догони его и извинись за такое хамство! И верни мешок!

Приказчик пулей вылетел из кабинета! Иван Филимонович, сильно расстроенный, крепко держась за дубовый резной стол европейской работы, тяжело опустил на стул. А в голове одна мысль:

– Да! Господь кедров не уравнивал, а что сделаешь с нашей таежной темнотой?

Купец Колесников к каждому делу подходил с толком, с рассуждением. Деловые связи с Москвой у него были налажены надежные. Проверенные люди все чаще сообщали, что подходит такое время, когда все может рухнуть. Мутят смутьяны народ. Не устоит нынешняя власть. Дела, пока не поздно, нужно срочно и навсегда сворачивать.

Больше года Иван Филимонович проводил в тревожных раздумьях долгие зимние бессонные ночи. Строил планы отступления. В связи с надвигающейся бедой нужно было свой жизненный вопрос решать конкретно, иначе не только сам лишишься жизни, а вся большая семья. За два года до 17-го распродал все движимое и недвижимое, все состояние перевел в твердый капитал. По заранее заготовленным документам навсегда покинул Нарымский край, затерялся в одном большом сибирском городе, устроился сторожем. Всем детям, которые хотели учиться, и прилежные в этом деле были, дал хорошее образование. Закончили институты, получили должности. Дорога им, как представителям беднейшего сословия, была открыта. Были среди его детей и такие, которые окончили высшую партийную школу, достигли больших партийных должностей, возглавляли коллективы

заводов. Буря революции, прошумевшая с выстрелами и казнями, прокатилась над их головами. Раскулачивание, лихолетье с ночными черными воронками их не коснулись.

Прежде чем расстаться с героем нашего рассказа, хочется оставить еще одно воспоминание об Иване Филимоновиче, слышанное в юности от своих земляков. В холодную зимнюю пору пришел к хозяину в кабинет один работник с просьбой. Стоит у порога в кабинет и дальше не проходит. Шапку с головы снял, топчется на одном месте, ничего не говорит. Иван Филимонович, отрываясь от дел, обращается к вошедшему:

– Ну что ты, Аверьян Пахомов, стоишь, переминаешься с ноги на ногу, как красная девица! Говори, зачем пришел?

– Да мне бы, – мямлит работник, – благодетель ты наш... если можешь... если позволишь... рубль бы мне...

Встал из-за стола Иван Филимонович:

– Дальше можешь не продолжать. Завтра у тебя день рождения. Эти даты всех своих работников я знаю. И тебя знаю. Ты хороший столяр и плотник, а еще лучше тебя в округе нет печника! Разные печки кладешь: и голландские, и русские... Вот тебе три рубля!

– Хозяин, Господь с тобой! Я же просил рубль!

– Бери, не отказывайся! Я знаю, что пропьешь, и еще пойдешь искать. Только об одном прошу, как пропьешься, сразу беги ко мне на работу.

На том и расстались, прошло две недели, а работника все нет. Вызывает Иван Филимонович одного работника по имени Афанасий и говорит:

– Слушай, брат, сходи к Аверьяну и прихвати со склада новые валенки. Думаю, он пропил все. И валенки – тоже.

Так оно и вышло...

А колпашевский рядовой житель, Терентьев Матвей Афиногенович тоже, как и купец Колесников, стал крепко думать, как устроить свою дальнейшую жизнь. Крепко думал, как спасти себя и свою семью в такое смутное время. Матвей в долгие зимние вечера наслушался сладких разговоров о привольной жизни в Нарымском крае с нетронутой природой. Шли зимой с низовья Оби бесконечные обозы. Остановившиеся на ночлег мужики занимали, тревожили рассказами душу неугомонного Матвея Афиногеновича.

– Вот, возьмем товары до Томска. Поторгуем немного. Для нас это дело непривычное! А основное сдадим перекупщикам. По прибытии в Томск сходим на берег Томи, где зимуют подлодочники, так звали в то время нынешних бомжей. На летней пристани они, подлодочники, под перевернутыми лодками зимуют. Совесть мы свою блюдем! Бросим, не глядя, туда Христа ради кулемки с хорошей рыбой, перекрестимся во славу Божию... Ведь тоже люди! Вскоре и назад, домой, на Обь – матушку. Дома у нас хорошо, вольготно.

Какие приволья в среднем течении Оби! Охотничьи и рыбацкие уголья без конца и края, вечнозеленые задумчивые кедрачи, только птицы да бесшумная тропа ханта-селькупа. Молчит в своей первозданной нетронутой девственной красоте никем не нарушенная очарованная природа!

Слушал мой дед в сладкой дреме рассказы эти и всем своим нутром грезил тем райским уголком, что лежал в самом центре Нарымского края. Ждала, звала, манила моего деда новая жизнь!

Колпашево разрасталось, становилось большим населенным пунктом. Численность населения росла быстрыми темпами. Вокруг Колпашева появились новые поселения.

– Да... – размышлял про себя Матвей Терентьев. – Что ни говори, а тесновато стало жить в округе Колпашева! А вот на самом бы деле погрузиться со всей своей большой семьей да сплавиться туда, в Нарымский край, о котором так дружно говорят обозники.

Афиноген Никифорович, отец Матвея Терентьева, пытался отговорить своего сына от поездки на Север на постоянное место жительства. Только эти разговоры не помогли. Свой отъезд дед Матвей продумал до мельчайших подробностей.

– Эх! Мотя, Мотя сынок! – говорил, еще будучи у власти, Афиноген Никанорович. – Сейчас настало такое время, когда нужно собрать воедино и душу, и волю, и крепко подумать. Не трудовыми подвигами и не случайными везеньями богатеет человек. Не о земном, не по земному думай, а свою душу разжигай к сокровищу горнему, пока не возгорится!

Не знал Матвей, что ответить очень старому, умудренному жизнью, обласканному народной любовью человеку. Не понимал, не дорос духовно! По своей воле шел навстречу новой судьбе. Без малого, около четырехсот

километров были до намеченного пункта. И вот когда прошел лед по Оби, река стала чистой ото льда, полноводной, погрузилась вся большая семья Терентьевых со всем скарбом в три большие лодки и отплыла вниз по Оби. С собой взяли две лошади и две коровы. За скотом решил приехать зимой санным путем. Двигались со скоростью девять-десять километров в час.

Через неделю Матвей Афиногенович со своей семьей проплыл основной путь и остановился напротив старинного села Тымск. Выбрались на берег, покушали основательно и тронулись в сторону от Оби. Предстояло проплыть еще двенадцать километров по Старой Акке. Путь лежал все дальше и дальше вглубь заливных лугов. Куда не обратишь свой взор, то видишь, как к берегу речки, по которой плыли, местами подходит многовековой кедрач. Речки, протоки во множестве своем чередовались друг с другом. Чем ближе Матвей Афиногенович пробивался к заветному месту, тем сильнее горело сердце, гоня кровь, разжигая страсть смелого первопроходца. Зоркими глазами все охватывал, замечал на ходу, строил планы на новую жизнь. Наконец, остановились на том самом месте, куда и было намечено – на берегу Старой Акки.

– Все! Приехали! – скомандовал дед Матвей. Лодки пристали к высокому берегу. Невдалеке стеной стоял нетронутый кедрач. Весь берег утопал в зелени, разноцветной пахучей траве. Тут же, возле носовой части лодки, возле самой воды, мешая людям выйти на берег, стояли, вытянув шеи, около десяти глухарей. Когда дед выпрыгнул из лодки, чтобы не придавить ногами птицу,

пришлось хлопать в ладони, чтобы отпугнуть их. Пройдя десяток шагов, дед Матвей остановился, поднял голову, посмотрел на небо. Задумался, достал из-под рубашки-косоворотки крест, натальной медный крест на веревочке, поцеловал его и произнес, захмелевший от избытка чувств, со слезами радости на лице:

– Господи! Где я!?

Вся семья, обрадованная тем, что путешествие подошло к концу, стала быстро выгружаться на берег.

На первое время соорудили шалаш, в котором стали жить. Натянули матерчатые полога, чтобы спастись от комариного гнуса. Причиной такого гнуса ощущалось близкое присутствие огромного Васюганского болота. Но не такие были сибиряки, чтобы отступить перед малыми и большими трудностями!

В радиусе до двадцати километров от места, где Матвей Терентьев решил построить свое жилье, было много деревень с русским населением. Это большое, богатое, основанное со времен Ермака село Тымск, другие деревни: Майково, Чилино, Петрово, Былино, Пристань. Это те деревни, что хранит моя память. Дед Матвей, не откладывая дело, срочно собрался и съездил в Тымск. Договорился с мужиками о строительстве дома. Через два дня бригада мастеров пообещала приехать. Так оно и вышло. Сходу приступили к постройке дома, скотных помещений и других необходимых строений. Через три месяца строительство было закончено. Вот так Терентьевы и стали жить на новом месте в самом центре Нарымского края.

Иногда рядом, мимо, около вновь поселившейся семьи совершенно бесшумно, едва заметно проходила по тропе остяцкая семья. Весь скарб, все имущество было при ней. А чуть сзади, а иногда впереди знакомым путем бежали верные своим хозяевам нарымские лайки. Иногда можно было рассмотреть, как за спиной из берестяных кузовов высовывали головки малые дети, почти ничем не прикрытые, в лучшем случае, если переложены белым мхом. Несли остяки с собой один-два берестяных обласка. Эти добротные сделанные суденышки были очень легкие, весом пять-шесть килограммов. Основное их преимущество. Любая водная преграда будет преодолена с помощью этих берестяных лодочек.

Переход их длился до вечера. Останавливались на берегу озера или протоки. Обязанности каждого члена семьи давно были распределены. Кузов-люльку с малыми ребятишками привязывали за ветки рядом растущих деревьев. Ветер слегка раскачивал ее, убаюкивал дитя, давал возможность матери заняться нужными делами: костром, устройством немудреного шалаша для ночлега. Глава семейства ставил две-три сети на ночь, через час проверял их. Пойманная рыба шла на ужин. В котелке готовили уху. Чтобы ускорить ужин или завтрак, жарили рыбу на чапчах. На остро застроганный конец прутка нанизывали рыбу, слегка присаливали и держали над костром, медленно поворачивая. Через пятнадцать-двадцать минут рыба была готова к употреблению. Люди, живущие наедине с природой, ничего после себя не оставляли, самое большое – это две-три горсти рыбьей

чешуи и костей. Даже плохого слова после них не оставалось! Потому что они его не знали! Ну, а дым табака из трубки, если учесть, что этот дым приходился на один миллионный гектар пространства, никому не мешал. Утром накормят собак, поедят сами, покурят трубки – и в дорогу. Путешествие это было совсем не праздным. Цель его была только им и понятна.

В середине лета на место жительства Матвея Терентьева приехал младший брат с семьей. Хозяйственные планы их совпадали. Зимой дед Матвей на лошадях съездил в Колпашево, привез временно оставшийся там скот. Матвей Афиногенович развернул на новом месте бурную деятельность: готовил дрова, строевой лес, заготовливал много сена, ухаживал за скотом. Построил несколько амбаров для ореха, для охотничьей и рыболовецкой ловушки. Рыболовецкими сетями, вентилями, мордами, запорами все опутал, все близлежащие водоемы. Из соседних сел и деревень на обласках, на лодках приезжали мужики порыбачить, поставить сети, но не могли этого сделать: куда ни глянешь, куда ни кинешься – везде стоит ловушка этого вездесущего мужика, Матвея Терентьева!

– Да что же это такое! – стали в сердцах кричать мужики. – Чисто таракан все опутал, никак иначе!

Так дед получил прозвище «Таракан», а вновь построенная деревня стала называться Таракановка. Она быстро строилась, разрасталась, жила своими обычными деревенскими хозяйственными делами. Кто бы мог подумать, что события развернутся так, что деревня

Таракановка войдет в историю не только Нарымского края. О ней будут упоминать и на государственном уровне!

Километрах в двенадцати было очень старинное, с богатой историей село, Тымск. Человеческий корень этого села был казацкий, первопроходцев времен Иоанна Грозного. Жители села носили их славные фамилии: Серяковы, Ивановы, Мартемьяновы, Коноваловы. Много людей в селе проживало с польскими фамилиями. Предки их были высланы в Сибирь за участие в восстаниях не одну сотню лет назад.

В Тымске, на высоком берегу Оби с незапамятных времен стояла действующая деревянная церковь на крепком фундаменте. К церкви примыкала очень большая ровная площадь.

С незапамятных времен в конце сентября - начале октября в Тымске ежегодно проходила праздничная ярмарка. Много народа съезжалось из разных сел, деревень, стоящих на берегах Тыма и Васюгана. Остяки, вогулы, эвенки, тунгусы – только этого народа собиралось больше тысячи. Да, честно говоря, кто их считал! Все праздничные мероприятия проходили на центральной площади. Сооружалось много больших дощатых столов.

Бойко шла торговля промышленными и продовольственными товарами. В продаже было самое необходимое: мука, соль, спички, мыло, керосин, ружья, капканы, порох, дробь, сети, неводы. Тут же в ближнем ряду торговали одеждой, обувью. Ханты, да и прочие люди Севера привозили на базар много изделий из бересты: берестяные кузова больших и малых размеров, лукошки.

Много привозилось и предлагалось отлично выделанной пушнины, кожи, всевозможных шкурок. Красивые дуги, сани конные, кошевы, отличная сбруя. Если продолжать перечислять, то люди современные могут и не понять, для чего нужны были такие вещи. Вез нарымский люд со всех ближайших селений всевозможную ягоду, груженную в лодках. Ягода боровая, болотная, лесная и ягода луговая. Продавались лошади, коровы, овцы.

Все это предлагалось в огромном количестве и отличном состоянии, продавался весь товар по ничтожным ценам, за копейки, что на современном вульгарном рыночном языке означает, что цены предлагались бросовые. Шла распродажа вещей и товаров натуральных, отлично сделанных руками истинных мастеров своего дела. Потом многие товары, приобретенные на Тымской ярмарке, доставлялась купцами в Петербург. Стоимость их возрастала в десятки и сотни раз.

Поодаль от торговых рядов на ярмарочной площади сооружали крепкую скамейку, на которой проходила экзекуция. Да, экзекуция! Дело в том, что многие покупатели, в основном, из числа аборигенов, брали у купцов товары в долг, а деньги вовремя не возвращали. За это их сурово наказывали! Для этого и сооружали на площади скамейку для наказаний. Должника клали на скамейку лицом вниз, назначали количество ударов розгами и приводили в исполнение вынесенный приговор!

Тут же, на ярмарочной площади устраивались всевозможные игры и забавы. Любили здоровые люди, дети природы от шумевшей внутри крови показать собравшейся

толпе зевак свою силу. Скоро в базарной суете отыскивались циркачи деревенского разлива. Выходили на круг два мужика большого роста и начинали демонстрировать, как им казалось, непревзойденную силу, пытались бросать друг друга через забор, пока не находился воистину деревенский богатырь, который разом выкидывал их, двоих за забор. После этого у богатырей-самозванцев долго болели помятые бока. Целую неделю отлеживались, отпаивались травяным отваром, да выслушивали насмешливые изречения. Тут тебе, в толпе зевак и путешествующие по всему миру цыгане, готовые поторговать, обмануть, внести неразбериху, сумятицу.

В центре площади и на всех переулках – слегка подвыпившие гармонисты. Перебирают они лады тальянок, тульских, шуйских гармоней. Тут поют и пляшут, а там рыдают и стонут. Все смешалось! Здоровый природный воздух сделался густым, переполнил легкие. От всего увиденного и услышанного затуманилось в голове!

Сюда прибыла на ярмарку и таракановская ватага во главе с Матвеем Афиногеновичем. Предлагают всевозможную ценную рыбу, икру черную в бочках, балыки осетровые, стерляжки, пироги горячие из нельмы. Тут же в большом походном казацком казане готовятся на костре настоящие, не поддельные сибирские пельмени, предлагаются всем желающим. Целую неделю шумит, гудит, как улей, праздничная ярмарка! Всего, конечно, не описать, но сама по себе Тымская ярмарка была для Нарыма праздником из праздников!

А в семнадцати километрах от Тымска, в деревне Пристань жил мой дед по отцу, Иван Афанасьевич. Сумной и честной хозяйкой, Аксиньей Ивановной дела свои вел славно и складно. Ориентируясь в политических делах Томска и Москвы, давно распродали свои магазины, дома, склады. Но скота дойного, лошадей, овец держали еще очень много. Рядом с ними построил дом для своей семьи сын Ивана Афанасьевича, Петр. Был он очень трудолюбивый: толковый мастер столярного и плотницкого дела, любую работу в хозяйстве выполнит умело, с любовью. Может, и ладилась все дела в его руках, что творил их мужик с желанием, внутренней радостью. Не о деньгах он думал, а о чести своей, со смирением, да с молитвой. Петр с увлечением занимался также промысловой охотой. Имел за собой закрепленные обширные охотничьи угодья, где была у него на берегу речки построенная добротная охотничья избушка. Уходил туда поохотиться и подолгу жил. Был он человеком от природы очень красивым, привлекательным, обладал веселым и общительным характером. Ушел на войну в 1941 году и пал смертью храбрых при защите Ленинграда.

Недалеко от Тымска и Пристани, в глухом таежном углу на берегу очень быстрой, очень рыбной протоки жили давным-давно несколько семей, имеющих кровное отношение друг к другу, потомки ссыльных поляков. Фамилии их были Грель и Жарковы. Жарковы – эта фамилия от смешения браков, перешла от русских. Имели они хорошо построенные дома. Рыбачили, охотились. В их угодьях водилось множество разного зверья, на каждом

шагу, на каждом кустике сидела птица. Название хутора было Жарково. А протока, на берегу которой они жили, называлась Жарковка.

Дед Яков, житель этого хутора, дожил до глубокой старости. Вот этот дед утверждал, что существует у охотников такое поверье: очень трудное дело добыть или поймать ловушкой сорокового по счету медведя. Или ты его, или он тебя! Может, это из чувств суеверия, может – и нет. Был в его жизни такой случай. Стоял тихий морозный день конца октября. Решил дед Яков поохотиться на рябчиков. Зарядил мелкими зарядами патроны для охоты на мелкую птицу, взял ружье, позвал с собой маленькую собачку Рыжика и пошел на охоту. От дома отошел подальше, этак метров на четыреста, очень уж хотелось побыть одному. Стрельнет рябчика, подберет, в сумку кожаную положит, что висит через плечо, через минуту – другую еще, еще. «Славно дело пошло!» – думает дед.

Вдруг добрый ласковый друг Рыжик насторожился, взъерошился, подпрыгнул, залаял, попятился к деду Якову. Это надо же! Куча опавших листьев вдруг зашевелилась, и из нее показалась огромная голова медведя! Медведь был старый, дед понял это сразу же, потому как седина заблестела на лохматой голове зверя. Из открытой пасти медведя виднелись обкрошенные и местами выпавшие зубы. Зверь вскочил на лапы. У деда на раздумья времени не было. У бывалого охотника, не раз бывшего в разных переделках, моментально закрутилась мысль: как стрелять, чем стрелять? Пуль нет! Только есть патроны с рябчиковым зарядом.

Корить себя в чем-либо времени просто не было. Хорошо еще, что по давней привычке, да, считай, сызмальства, на поясе висел большой самодельный нож. Став на задние лапы, огромный старый медведь, весь сильно тронутый сединой, медленно пошел на старого охотника. Маленькая собачка зубами вцепилась в зверя и тащила волоком за ним, не причиняя ему никаких препятствий.

Медведь уверенно приближался к деду, подчиняясь вечному инстинкту перед схваткой, начинал нагонять на себя звериную ярость. На загривке вздыбливалась шерсть, глаза налились кровью, широко раскрывал он свою красную беззубую пасть и весь дрожал, издавая страшный рык, нагоняя страх на человека. Оставалось четыре шага. Старому охотнику, проверенному самой жизнью, решение пришло мгновенно. Что есть силы, сжал он ружье в руках, сделал рывок вперед навстречу медведю и с силой сунул ружье в раскрытую пасть зверя. Прогремел выстрел. Огромный медведь остановился, как столб. Дед мгновенно выхватил огромный нож и направил его в шею медведя. Зверь рухнул замертво своей большой тяжелой тушей, придавливая старого охотника. Дед шептал про себя молитву:

– Да воскреснет Бог...

Осторожно вылезая из-под медведя, удивлялся: «Вот так охота! Три убитых рябчика и один медведь!». А потом старика осенило: «Да это же мой сороковой медведь...»

Помню, был я еще ребенком восьми-девяти лет, к нам в деревню приезжала погостить к ближайшим своим

родственникам старушка. Годков ей было в ту пору далеко за девяносто. Здоровье старушки было отменное и такая же отличная память. Звали ее бабушка Кристина. Моя детская память сохранила тот давний момент. Бабушка Крестя показывала нам очень старые фотографии. Фотограф запечатлел, как на резном стуле великолепного исполнения сидит в аристократической позе царь в военной форме, с боевыми крестами на груди. Рядом во весь свой бравоый рост стоят два гвардейских офицера. Форменные фуражки, из-под которых выются чубы, на лицах офицеров лихие усы, на груди четко просматриваются георгиевские кресты. Одна рука офицеров лежит на эфесе сабли. Фотоснимок сделан на фоне живописной природы.

– Фотографировались они в Крыму, – пояснила баба Крестя. – Один из офицеров – мой тятя!

Точная причина ареста ее отца тогда Кристиной не была названа. Сибирский народ не был приучен пытаться друг друга о секретах. Жили по подсказке: чем меньше знаешь, тем голова целее. Много жизненных историй хранилось в спокойном уме этой старой женщины. Одну историю, рассказанную ею из давнишней девчоночьей жизни, я запомнил на всю жизнь.

Много лет назад в середине, да еще в конце девятнадцатого века на медведя ходили с рогатиной. Этой, надо сказать, отчаянной, мужественной охоте обучали отцы своих четырнадцатилетних детей, как ребят, так и девчат. Охота такая сама по себе была сопряжена с большими опасностями. Чтобы на это решиться, надо было обладать большой силой, ловкостью, а главное смелостью и

мужеством. Рогатина представляла собой остро наточенный нож, длиной до сорока сантиметров. Очень прочно, надежно привязывали нож к двухметровому крепкому березовому черенку. Нож к черенку очень тщательно крепили тонким кожаным ремнем.

Девочку Крестю в неполные шестнадцать лет отец взял с собой на охоту с рогатиной на медведя. Добрались до берлоги. Отец, срубив толстую жердь, просунул ее в берлогу и начал ею шурудить. Встревоженный ревуший медведь выскочил из своего теплого лежбища. Ошарашенный белым ослепительным светом, он был окружен зверовыми собаками. Медведь мотал головой, рычал, прыгал вправо, влево, становился на дыбы. Собаки, озверев, с бесконечным лаем и визгом держали его в своем радиусе, изо всех сил стараясь увернуться от сильных, убийных лап со страшными когтями. Налитые кровью глаза сверкали яростным огнем. Собаки, кусая зверя за лапы, за заднюю часть туловища, нанося ему глубокие раны, рвали шерсть, кожу. На снегу появилась кровь, приводя собак в еще большее бешенство. Собаки ставили медведя на задние лапы, всячески мешая ему выдвинуться вперед.

Отец Кристи, укрывшись за деревом, занял нужную позицию. Вскоре собака, подвернувшаяся медведю под лапу, со звонким воем отлетела далеко в сторону метров на пятнадцать. Но один обезумевший, бесстрашный кобель, злобно рыча, сидел на загривке у медведя, другая собака крепко уцепилась зубами в левую ляжку. Зверь рычал и стонал. Весь этот рев превратился в сплошной обезумевший рокот.

И в это время, как будто вздрогнул медведь от обуявшей его радости, встал зверь на дыбы во весь свой могучий рост, слегка стряхивая нависших на нем собак. Он увидел основного виновника разыгравшейся у его берлоги трагедии – ненавистного человека! Медведь, собрав в последний момент все свои силы, не обращая внимания на рвущих его тело собак, уверенно пошел на охотника. Приближалась самая опасная, самая решающая минута поединка человека с медведем, самый ответственный момент рукопашного боя!

Черенок рогатины упирается в одну из широко расставленных ног девушки. Это первая ее схватка с медведем. В нескольких метрах от нее за деревом для страховки притаился ее отец, вооруженный холодным оружием. На нем лежит полная ответственность за свою дочь. Некоторые отцы в этом случае брали даже с собой ружье, чтобы прийти на помощь в случае крайней необходимости. В то время в ходу были еще шомпольные ружья, известные с петровских времен. В самом детстве мне ими приходилось пользоваться. При перезарядке шомпольного ружья тратилось драгоценное время, а при стрельбе из берданки была очень большая вероятность допустить роковую оплошность, так как само оружие было далеко от совершенства.

Зверь продолжал двигаться навстречу человеку, упорно стоявшему на его пути. Медведь орал широко раскрытой пастью во всю могучую глотку. Кристина остерегалась в этот решающий момент, как бы зверь не отбил лапой в сторону ее рогатину. Опаснее этого момента

нет! Нужно не промахнуться лезвием своей рогатины, а вонзить точно в широкую грудь медведю, в самое сердце.

Быстро сбросила девушка с себя самодельную куртку и ловко кинула ее в морду зверя. Тот схватил куртку передними лапами, нюхал, рвал ее на части, в большую ярость приходил. Не отмахнул зверь рогатину. Коснулось лезвие шерсти. Медведь с ревом, еще больше приводя себя в ярость, рванул на стоящего человека. Зверь против человека! Глаза в глаза! Не теряя самообладания ни на одну долю секунды, изо всех сил держала в нужном направлении грозное оружие девушка-охотник. Чем невыносимее, чем больше пронизывающая боль, тем упорнее и отчаяннее лез зверь на лезвие рогатины. Человек стоял на своем. Все шло правильно.

Пружиной сжался отец-страховщик. Не грозный рев идет из горла зверя, а свистящий, бурлящий кровавой пеной, хрип. Кровавые глаза медведя медленно тускнеют, стекленеют. Весь трясется он мелкой дрожью, задние лапы подгибаются, передние судорожно тянутся вперед. Огромная туша медведя мягко, без единого звука, медленно оседает в снег. Охотник по-спортивному отскакивает в сторону, чтобы не оказаться под тяжестью рухнувшей туши медведя.

Разгоряченные собаки продолжают с отчаянной злобой рвать поверженного зверя. Отец грозно осадил собак, приказал уняться. Собаки, нехотя смилив свой пыл, поджав хвосты, покинули поваленного медведя. Кристина, здоровая, красивая, покрытая шапкой вспотевших рыжих кудрявых волос от пережитого вся горела огнем. Подошел

отец, прижал дочь к своей груди, погладил по голове, ласково сказал:

– Спасибо, доченька! Не подвела, в жизни не пропадешь и не подведешь!

В стороне сидели разгоряченные собаки, зализывая раны после схватки. Отец с дочерью достали ножи, разделали горячую тушу. Потом погрузили на большие нарты и отвезли на свой хутор с помощью собак.

Охота с рогатиной у русских охотников свои корни берет в древней Руси. Издревле чужеземцы Русь называли медвежьим углом.

А вот у народов Севера, остяков, свой прием рукопашной схватки с медведем.

Не могу не написать о нем, потому что слышал о такой охоте еще в ребячестве от моих школьных друзей – остячат. У остяков была подобная охота на медведя, но она отличалась не только своей точной расчетливостью, но и бесшабашностью. Эта охота была сопряжена с большим риском для жизни охотника.

На охоту шел взрослый человек со своим сынишкой лет десяти. Отправлялись они в лес, чтобы встретиться с хозяином тайги. И тут начинался спектакль без зрителей. Медведь ведет себя по-разному: при встрече с человеком может себя обнаружить, а если не пожелает, то встреча двух тварей, разумной и животной, не состоится.

Для человека, вышедшего на охоту с обученными собаками, встреча неминуема, неизбежна. В этом случае медведь выходил из засады, его положение было безвыходным. Собаки с лаем бросались на зверя, наносили

ему безжалостно болевые укусы, и, помня свою науку, не давали медведю набрать какую-либо скорость и броситься на своих врагов, охотников. Медведь становился на задние лапы, шел на человека, к этому его подталкивали озверевшие собаки. Отец с сыном, мальчиком метрового роста, стояли, ждали. Сынишка делал несколько шагов к зверю и бросал немудреную верхнюю свою одежку в морду зверя. Медведь на лету ловил брошенное человеком, рычал, обнюхивал, приводил себя в еще большую ярость и, как мог, отбивался от насевших на него собак. Медведь делал последние шаги навстречу ждавшим его людям, волоча за собой собак. Отец-остяк бросал в морду зверя свою шапку. Зверь ловил ее, рвал в клочья, и орал с такой яростью, что близстоящие осины тряслись. А охотник спокойно вел с хозяином тайги задушевную беседу. Горячее дыхание зверя совсем рядом, и вот звучат последние слова монолога:

– Миша, родной! Это я, Ваня Чинаков!

Медведь, с налитыми кровью глазами, обдавал охотника горячим паром широкой пасти, протягивал лапы к охотнику! И в этот миг к зверю точно рассчитанным движением бросался мальчик! В руках у него нож. Что было силенок, вспарывал он живот медведя и молнией скользил вниз между задних его лап. Зверь опускал вниз свою большую голову, лапами собирал свои горячие жирные внутренности, пытаясь понять, что произошло, как помочь себе. Остяк Иван Чинаков и сынок Толя шагнули навстречу друг другу, обнялись. А в медведе еще теплилась

жизнь, но он уже клонился к земле, валился на нее, обнимая лапами.

Дела семьи Терентьевых во вновь построенной деревне Таракановке шли хорошо. Вся их вотчина бескрайними привольями давала свои немереные дары возами. Детей у деда Матвея было восемь душ: четыре сына и столько же дочерей. Старшие из них поженились, девчата замуж вышли. Дети, как один, пошли в своих родителей. Глядя на них много, молча, без лишних рассуждений трудились от зари до зари.

Но что-то последнее время как-то екает сердце в непонятной тревоге, всколыхнется душа. Сразу и не понять, зачем, отчего? Умирать еще не скоро. Не та ли причина, что как-то с первым половодьем объявился мужик, по всем статьям беглый, не наш, хоронится от людей, а больше от властей. Накормил дед пришельца, угостил водкой непонятого гостя, разговорился. Стал тот рассказывать, какие дела творятся в России, в Москве.

Большая смута там идет. Выходило то, что все имущество богатых людей отбирают, а их самих сажают в тюрьмы. Не стал задерживать у себя гостя, расстались. Только с той поры не выходили думы из головы Матвея Афиногеновича. А вдруг слова пришлого человека окажутся правдой, то можно лишиться не только всего имущества, а и самого живота! Гнал от себя такие мысли. Обойдется! Не поднимет руку брат на брата!

Ну, а как можно остановить жизнь? Вот и пришло время свою дочку, Машу замуж выдавать. Девка-красавица, умница, лишнего слова никогда зря не скажет. Вся вылитая

жена, Анна, с которой живут вот почти сорок лет. Вот на днях остяки на двух обласках проезжали по Старой Акке, пристали к берегу. Пригласил в дом. Пообедали. Засмотрелись на Машу, подошли к ней, дивясь ее красоте. Молодой парень взял в руку ее волос, русый, цвета колоска:

– Какой мировой волос! Кудри необыкновенной красоты! – сказал остяк от всего сердца. – Это же беличий хвост!

– Да где же оно счастье? – думал дед Матвей, по прозвищу Таракан. – По любви женился, от любви дети появились, с любовью трудимся не покладая рук.

При мысли обо всем этом радость в сердце. Незаметно пришло время жениться сыну, Косте. Иван Афанасьевич с Аксиной Ивановной были наслышаны о семье Терентьевых из деревни Таракановка. Однажды, уже по зиме поехали они в Таракановку сватать дочь Матвея Афиногеновича, Машу за Костю. Она им очень приглянулась. Да и я помню, как моя мама, Мария Матвеевна о свекре и свекрови всегда вспоминала тепло и с лаской. В общем, по обоюдному согласию Мария была просватана за парня Костю. Был назначен день свадьбы, сразу после Крещения Господня. Договорившись, Иван Афанасьевич и Аксиния Ивановна уехали к себе в деревню.

Жизнь продолжалась в обычной суете и заботах. Был разгар охотничьего сезона. Какими бы делами не были заняты, какие бы заботы не заполняли дни, а думы о предстоящей свадьбе из головы не выходили. День за днем пробежали быстро. Настал день свадьбы. Заранее оповещенные гости в назначенное время, с перезвоном

колокольчиков съезжались на свадьбу по зову уважаемых людей. В качестве званных гостей съехалось почти сотня человек на тридцати лошадях. Всех свидетелей и участников этого важного события пригласили занять свои места за столами.

Из ближайших деревень заранее были привезены искусные повара, стряпухи, умеющие красиво украсить блюда, накрыть столы, приготовить всевозможные кушанья в самых лучших традициях сибирского праздника. В течение недели готовили повара со всем старанием блюда для свадебного застолья. Пирогам из осетрины, нельмы, муксуна заставлены все столы. Стерлядь самых крупных размеров нарезана ломтями, настрогана, доставлена к праздничному столу прямо с улицы, с сорокаградусного мороза. Разве забудется мороженный кусок стерляди чушем, который, не пробыв и одной минуты, тает во рту, напоминает о какой-то волшебной сказке? Ни с чем несравнимый вкус!

На затейливо разукрашенных подносах отдельными порциями установлены по окружностям стерляжки головы. Это на любителей хрящиков. Хрящики стерляжки – верные помощники суставам человека. Картинно на столах разложены начиненные (фаршированные) рыбы-щуки немалого размера, украшенные веточками съедобной зелени. Рядом щука, политая сверху горячим сливочным маслом. Тут же, в разных местах на столах лежат слегка подкопченные и самую малость подсолненные балыки из элитной рыбы: осетрины, стерляди, нельмы. По всем столам стоит чистый, как слеза, налитый в четверти

самогон, всевозможные соки из ягод черники, брусники, клюквы. В больших чашках лежат пирожки из зерен кедрового ореха. Из русской печи выставлены и красиво оформлены несколько осетров небольшой величины, килограммов десять каждый.

Для всей приготовленной к свадьбе пищи просто не хватает места. Уложили рядками прямо в посудные тазы только что приготовленную стерлядь горячего копчения. Тут же готовятся блюда из пернатой таежной дичи: глухаря, куропатки, тетерева. Нашлось почетное место и для икры нескольких сортов: и осетриной, и стерляжьей, и икры муксуна. Икру, расставленную на столах в чашках, ели деревянными ложками. Бутербродов тогда не было.

С утра в русской печи приготовлены до десятка бараньих голов. Также подается уха на любой вкус, даже тройная, то есть приготовленная сразу из трех сортов рыб. Вот и рыбий холодец. Это делается так. Заранее впрок заготавливается рыба, имеющая крупную чешую. В летнюю пору чешую сушат на солнце, складывают в подходящие емкости, а чаще в мешок. Когда нужно приготовить блюдо, кипятят в кастрюле воду, бросают туда необходимое количество чешуи, через несколько минут холодец, по-современному заливное, готов. Разливают по тарелкам, в них кладут кусочки вареной стерляди, окуня. Дают время остыть, постоять. Все готово. Заливное, прозрачное, как слеза, порежут на кусочки ножом. Холодец можно употреблять в пищу, особенно с горчицей. Наряду с известными яствами любили блюдо, приготовленное из печени свежевывловленных налимов. На тарелках подаются

вареные говяжьи языки, в больших кружках всевозможные на вкус желающих кисели.

Повара присматривают за гостями, чтобы вовремя обслужить их. Суетятся, то и дело снуют большие мастера своего дела, незаметно для других отдают указания своим помощникам. Мирно, не спеша вели гости разговоры о рождении детей, о рыбалке, охоте, обо всем, что касалось их бесхитростной и привычной жизни. Никакие греховные вести из газет, радио до них не доходили, а разговор шел о том, чем жили: о делах, о хлебе насущном. Вели разговор о том, у кого сколько детей родилось, кто как увеличил свое хозяйство: коров, лошадей. Другой заводит разговор, сколько лисиц, соболей поймал в свои ловушки, сколько добыл осетров. Эти люди рождались, работали, никогда не выезжая за пределы своей вотчины. Когда мой дед Матвей совершил путешествие из Колпашева в Таракановку, то это путешествие, по тем временам, было равное космическому.

Любили сибиряки песни. Без песни никуда. Пели, когда возвращались домой с работы, да и на самой работе пели при всяком перерыве от нее. На свадьбе обязательно присутствовали запевалы, знавшие множество песен. Дары песенного искусства были даны природой и заложены в душу с самого рождения. Любили сибиряки свои народные песни с тоской и грустью. Пели песни Тихого Дона, завезенные казаками, песни русского Севера, пришедшие с поморами. Исполнялись также песни времен декабристов. А чего стоили песни ямщиков, бродяг сибирских! Подтягивают песню сидящие за столом, прислушиваясь к запевалам с голосами мирового таланта. Песня достигает

своего могучего исполнения и, кажется, летит ввысь. Поднимается она под самый потолок, в этот миг будто и нет его, а стоят открытые небеса! Уронит пьяный мужик свою лохматую голову на стол, тронутый протяжной душевной песней, потом поднимет голову, ткнет вилкой в осетрину, выпьет полную кружку самогона и воскликнет: «Эх, жизнь!»

Захмелевшие были, а пьяных не было. Никого не увидишь валяющимся под столом. За столами сидят несколько гармонистов. Все время исполняют песни, плясовые, по заявкам. И вот в таком темпе идет гулянье с играми, забавами не менее недели. А в другой день запрягут своих крепких горячих лошадей, крупной рысью, под звон колокольчиков под дугами прокатятся в одну сторону километров двадцать. Повернут обратно, да с песнями, да с гармонией! В дороге остановят разгоряченных лошадей, сбросят с себя шубы, дохи, останутся в одних красивых рубахах, выскочат из саней, бросятся в снег, лежат. А снег, соприкасаясь с их телами, шипит, идет обильно пар, как из самовара.

А одна из любимых песен тех времен у сибиряков была про Ермака Тимофеевича. Пели ее могучими красивыми голосами, так, что тайга расступалась, пели со слезами на глазах и не скрывали своих чувств. С этой песней возвращались в дом, где играли свадьбу.

Вот за столом сидит совсем еще молодой приемный сын Аксиньи Ивановны, Александр. Тут же на свадьбе присутствовал незванный гость – Роман Сазонович Стариков. Мужик крепкого телосложения, высокого роста,

обладающий огромной физической силой, характера очень серьезного. Человек бесстрашный, бесшабашный, не подчиняющийся никакой власти. Он всех подчинял своей необузданной воле, мог обидеть мужика, отобрав у него покос или лошадь лишь по той причине, что это ему приглянулось. Зная характер своего земляка, сельчане всячески его обходили, избегали. В любой момент он мог показать свой крутой нрав. Но тут были люди, обладающие большой силой, смелостью. Здесь был, еще сравнительно молодой, Иван Андреевич Анисимов, человек сурового характера. В гражданскую оказался он карателем в колчаковском отряде. Но хоть что-то знавшие об этом люди молчали.

Описанные выше блюда, такие богатые и разнообразные, можно было готовить без особых сложностей в тогдашнем Нарымском крае. По окончании свадебного пиршества поварами были поданы сибирские пельмени. Заранее приготовленные в огромном количестве, ждали они на морозе своей очереди. Сибирские пельмени имеют такое название не только потому, что придуманы в Сибири, а по технологии приготовления. И рецепт их совсем не прост. О названии пельменей я много слышал древнюю легенду. Я в самом ребячестве слышал ее от дальнего родственника, очень старого человека, дяди Толи Анисимова.

Когда-то в далекой древности на месте низменности Обской поймы было море. А рыба – осетр тогда был сухопутным животным. И вот с того времени у осетра за щеками, как наследие, сохранился кусочек натурального

мяса, граммов по сто, по вкусу отдаленно напоминающего рябчиковое. Жители Сибири, особенно в зимнее время, накапливали некоторое количество осетровых голов, собирали мясо, что было за щеками рыбы, рубили мелко сечкой и из этого фарша готовили пельмени, называемые сибирскими. Пельмени были невероятного вкуса! Современные пельмени «Сибирские» можно заказать в любой столовой, в любом ресторане любого городе. Но ничего общего с настоящими сибирскими пельменями они, конечно, не имеют.

Свадьба в деревне Пристань в доме Ивана Афанасьевича и Аксиньи Ивановны закончена. Через неделю молодые переехали в Таракановку. Мария и Костя стали законными супругами под фамилией Голещихины. Через год после свадьбы стали рождаться дети. Каждые два года появлялся ребенок. А мои сестры родились через десять месяцев.

Упорно шли слухи, что набирало мощь раскулачивание зажиточных мужиков. В верховьях Оби, в Кожевниковском, Кривошеенском районах все имущество отбирают, ссылают, в основном, вниз по Оби. Сильно задумалась Аксинья Ивановна. Человек цепкого ума, она понимала, что есть за что пострадать. Но прошлое крепко держало ее в своих руках и не отпускало. Вот и ворочалась по ночам на кровати без сна, все передумала. Бегала кровь по жилам, не унимаясь, поднимая давление. А дельные мысли в голову не приходили. Рассуждала и так, и эдак:

– Ну, пусть весь скот отберут. Вот уже идут разговоры, что в верховьях Оби стали какие-то колхозы

организовывать. Пусть скотина для колхоза. Второй этаж задумали у дома, в котором живем, строить. Заготовили лес, двери, косяки. Ну и пусть, не будем строить. А как быть с сыном Александром? Ведь его могут замучить пыткой! А дело все в капитале! Шибко много его. Золото хорошего качества. Александру нужно уйти, уехать на охотничью заимку Петра Ивановича, километров за тридцать пять от деревни. А там можно в тайге построить землянку и жить, пока все уляжется. Вот и Роман Сазонович куда-то скрылся. Вот уже около года как ни слуху ни духу...

Таракановское восстание

Однажды моя мама наводила порядок в рыболовецком амбаре: подметала, приводила в порядок рыболовецкие снасти на полках, вешалках. Ловушек разнообразных было очень много, амбар большой, а свободного места почти не было. Стоял амбар на берегу курьи.

В одном углу амбара валялось много кудели. Взялась мама наводить порядок в этом углу, стала кудель складывать в рядом стоящую корзину. Под куделью обнаружила два наполненных мешочка. В таких мешочках охотники когда-то дробь хранили. Были они очень крепкими, надежными. Хотела мама их переставить, а они оказались очень тяжелыми. Заглянула она в них и тихо вскрикнула: «Боже мой! Это же – золото!». Действительно, самое настоящее золото: пятиалтынные царской чеканки, червонное золото. Каждый мешочек весил до десяти килограммов. Тут же недалеко оказался Александр, воспитанник Аксиньи Ивановны. Мама позвала, подошел Саша, взглянул на находку и, в сердцах, произнес:

– Эта бабка вечно все разбросает, не подумав!

Взял в руки сначала один мешочек, а потом другой, предупредил:

– Ты, Маша, только об этом никому не говори.

От своей мамы мы, ее дети, этот рассказ за жизнь слышали лишь раз. Было это во время войны. Одной ей пришлось остаться с шестью детьми на руках. В трудное

лихолетье, когда нам грозила голодная смерть, не смогла она использовать монеты. Слышал я от нее позднее:

– Надо было тогда хоть горсть взять, глядишь, и не хватила бы такого горя!

А потом задумалась и произнесла:

– Не наше – и не надо!

Я, братья мои и сестры были согласны с мамой.

Скоро что-то странное, не похожее на сложившийся деревенский уклад, стало происходить на заливных лугах, во владениях деда Матвея. Стали тогда теряться то теленок, то бык двухгодовалый, то вдруг кто-то увез стог сена. Как так? Никто никогда не слышал в нашем глухом сибирском крае о кражах! Но это было на самом деле так. Со временем все разъяснилось.

На берегу одного озера была построена избушка с небольшим скотным двором. В этой-то избушке обнаружены были охотниками неизвестные постояльцы. Было их пятеро, а иногда и больше. Деятельность этих незнакомцев была странной, скрытой. Как позже выяснилось, здесь находился «Штаб повстанческого движения».

На деле это выглядело так. Во главе готовящегося будущего восстания стоял бывший эсер, человек, ведший авантюрную жизнь в городах России. Жизнь болтающегося проходимца в разных партиях. Но на одном витке его биографии оказался он среди чекистов. Бывалый оратор, смутьян, авантюрист да еще с военным званием, он, как никто другой, подошел на роль провокатора, главного руководителя будущего Таракановского восстания.

На большом столе в избушке лежала военная карта из каких-то военных трофеев, стояла четверть самогонки, хорошая закуска. Командующего будущей армии окружали штабисты, самые настоящие бездельники, которые никогда и нигде по-настоящему не трудились. Зимние вечера очень долгие. Тепло натапливали они печь. Выпив самогонки, изрядно закусив, погружались штабисты в свою карту с военными обозначениями. Ничего не понимая в лежащей на столе карте, через дрему слушали речь командира повстанческого отряда. Встав из-за стола, заложив руку за спину, взяв в другую руку указку, произносил он речь, а короче говоря, нес галиматью:

– Сейчас мы проводим вербовку бойцов-нарымчан в свой отряд. Потом, когда пройдет по Оби лед, в обласках, в лодках, а по берегу часть отряда – на лошадях, дойдем до Томска. Томск будет взят молниеносно! Потом движемся на Москву, Петроград!..

Самогон заканчивался. Жировик гас. Штаб засыпал.

Командир периодически в сопровождении двух штабистов по ночам объезжал близлежащие деревни с целью агитации, привлечения в свою банду местных жителей. Так в одну из ночей они оказались в доме Ивана Афанасьевича. Разговор начинался издали, слово за слово:

– Как живешь-можешь, уважаемый Иван Афанасьевич? Молва идет о тебе, как о порядочном, серьезном человеке. Вот и мы не просто к тебе приехали, а имеем разговор. Нам доподлинно известно, что новая власть долго не продержится. Вот уже в Чаинском районе

мужики выступили, свергают советы. Все дружно навалимся. Не устоит, рухнет – и заживем мы, как прежде, по-старому. Давай, решайся, Иван Афанасьевич!

А сам бумагу сует под нос. А в этой бумажке стоит полностью имя, фамилия деда.

– Ладно, – говорит. – Чем смогу, тем и помогу.

Подателем записки был самый настоящий провокатор. Это было лицо, заманивающее в ловушку, агент от органов безопасности. Так объехали несколько адресов, затем снова добирались до своего зимовья. Жарко натапливали печь, садились за стол. А на столе стояла четверть самогонки. Выпивали после коварных своих дел, закусывали свежей мороженой стерлядью. Тут же стояла полная чашка максы, а другой чашке – икра. А на столе лежала все та же военная карта.

Однажды этот перевертыш появился в доме моего отца. Долго он вел разговор с отцом и матерью. После его ухода отец сказал:

– Маша! Этот человек не тот, за которого он выдает себя. При нем ни о чем не говори, если хочешь, чтобы мы с тобой уцелели!

Видя, что эти на вид простые люди никак не идут на контакт, отстал от них провокатор.

Члены повстанческого отряда время от времени к месту расположения штаба подвозили сено, дрова, продукты, самогонку для «штабистов».

Как-то рано утром на нескольких подводах в Таракановку, к деду Матвею нагрянули вооруженные

милиционеры. Быстро, с видом явного превосходства, зашли в дом, оглядели все вокруг, грозно спросили:

– Где твой самый младший, Микулка?

А это был мой дядя. Ему шел семнадцатый год. Он успел спрятаться.

– Да, он вчера уехал на вечерку в Тымск и не вернулся. За девками стал бегать. Приедет, вот я ему задам!

– Ну, ладно, дед, нам некогда с тобой время терять. Скажи спасибо, что твой старший сын служит в армии, охраняет государство, а то не видать бы твоему Кольке... А ты запрягай две подводы и показывай нам путь, где стоит избушка на Таракановских лугах.

Дед отвечает:

– Лошадей я запрягу. А вот куда ехать – не знаю. Ведать, не ведаю ни о какой избушке!

Все знал дед, только хитрил, делал вид, что ничего не знает. И главного штабиста тоже знал, только согласия не давал и, как мог, его сторонился. Деваться было некуда, запряг лошадей и поплелся в хвосте за милиционерами. Сначала старший из них настаивал на том, чтобы дед Матвей ехал впереди отряда. Но видя, с каким упорством старик отнекивается, поставил его с двумя подводами сзади отряда. Тронулись в путь и поехали в правильном направлении. Кони шли быстрым шагом, а кое-где рысцой. Повстанческий штаб был расположен примерно в семи километрах от жилья деда Матвея.

Не прошло и часа, как вооруженная милиция добралась до места. Не доезжая ста метров, остановились, привязали лошадей, взяли в руки винтовки и направились

к домику смутьянов. Одна часть отряда пошла к двум окошечкам в избушке, а другая – к двери. Дед, оставленный на время без присмотра, затаился за скотным двором. Любопытство взяло свое, и он, украдкой, наблюдал за всем происходящим. Старший милиционер в окно рассматривал внутреннюю часть жилья. Четыре человека сидели за столом, руководитель повстанцев стоял рядом. В окно раздался стук и одновременно винтовочные выстрелы, через отворенную дверь милиционеры ворвались в избушку. Из-под стола вылезал живой и невредимый командир будущего восстания, бледный, с трясущимися руками и ногами, перепуганный, счастливый, что ни одна пуля его не задела. Около стола лежали расстрелянные штабисты.

Ликвидация штаба была осуществлена. Потрясенный дед без конца крестился, чуть-чуть шевеля губами. Дед понимал, что жизнь провокатора была сохранена согласно тайне операции. Трупы грузили на дедовы подводы. Командир, руководивший расстрелом, имел на руках полный список всех членов «банды». Отряд тронулся в обратный путь, с тем, чтобы в предстоящую ночь с большим числом милиционеров произвести арест всех членов восстания, согласно списку.

В эту же ночь во всех ближайших деревнях и заимках были арестованы триста человек. Многие из них были доставлены в Колпашево. А некоторые участники «восстания», уцелевшие после допросов, пошли по этапу дальше. Большая часть нарымских арестантов отправились в страшные Колымские лагеря, в лагеря необъятного

Заполярья. И повезли врагов народа, как пел современный поэт Владимир Высоцкий, «из Сибири в Сибирь». Не плакали, не рыдали в самый последний момент ближние родственники, понимали, что пришла коварная, темная, злая сила, от которой пощады нет. Безграмотных мужиков обвиняли по страшной статье, им вменялась в вину подготовка вооруженного восстания с целью переворота существующего строя.

Эта формулировка не выходила у меня из головы на протяжении жизни. Каким образом могли нарымские мужики, не умеющие ни читать, ни писать, пройти полстраны и ликвидировать две столицы Советского Союза? Шел 1934 год. Уцелевшие мужики затаили обиду на провокатора, но он исчез, и никто никогда о нем не слышал.

Деда моего, Матвея Терентьева Господь миловал, уцелел он в этой кровавой заварушке. А вот дед по отцу, Иван Афанасьевич Крымский по тому списку был взят. Десять лет лагерей! Только в середине войны вернулся домой. Еще двое осужденных за «восстание» вернулись в деревню: один был по фамилии Брагин, а другой – поляк (фамилию не запомнил). Вернулся он в нашу деревню Пристань после двадцати пяти лет заключения, ходил по деревне и шепотом просил пожилых людей рассказать хоть что-нибудь о ближайших родственниках. Деревенские с опаской оглядываясь по сторонам, разговаривая негромко, пытались вспомнить, когда и куда они исчезли. Все это было и опасно, и трагично.

Каждая семья думала, как спастись от кровавой расправы. Как не вспомнить написанное: опасен и коварен

вор, который не стучится в дверь, а перелезает через изгородь, и обворовать может, и убить. Всеми способами власти душили, убивали в большом количестве прекрасный русский народ.

Несколькими годами ранее, до Таракановского восстания был пойман Александр Новосельцев, мой дядя Саша. Около двух лет скрывался он в охотничьих избушках. Но просто так пережить пребывание Советской власти он не мог. Не терпелось ему что-то предпринять. В летнюю пору он и его товарищи были обнаружены милицией на пристани Каргаска. Ждали они прихода парохода. План был такой: на пароходе добраться до Томска и любой ценой уйти за кордон. Паспорта у них были заготовлены на чужие имена. Неожиданно к ним в лодку прыгнули милиционеры. Роман Сазоныч оказал яростное сопротивление, сильно ударил одного милиционера по голове. Силы Роман был немереной, в тот же момент перевернул лодку. Милиционер, стоявший на берегу, выстрелил в Старикова – и сразил насмерть. Было Роману Сазонычу сорок два года.

Девятнадцатилетнего Сашу арестовали. Это случилось в 1930 году. На суде жизнь ему сохранили, но наказан был достаточно сурово. До его ареста, еще зимой пытали Аксинью Ивановну Новосельцеву. Ее, почти раздетую, в легкой кофточке и широченной юбке до самой земли, водили по деревне два милиционера с винтовками наперевес. Подталкивая ее штыками в спину, гнали они босую женщину из одного конца деревни в другой. Требовали от нее признания: «Где твой сын, Александр?

Где твое золото?» Ответ был один: «У меня нет никакого золота. А где мой сын, я не знаю. Спросите у сороки, она летает высоко, ей все видно!» Кровь шла из штыковых ран, кровь шла из ссадин на ногах. Когда конвой уставал, женщину заводили в дом, взрослых выгоняли на улицу и начинали неистово избивать на глазах маленьких внуков. Нещадно бранились и сквернословили. Трудно им было понять, как можно было подчинить эту стойкую мужественную женщину. Она, испытанная в трудах, закаленная жизнью до старости осталась решительной, целеустремленной. Еще в девичьей молодости в любую погоду ради забавы переплывала она Обь. А Обь у нас широкой была, не менее двух с половиной километров. Переплывет реку, посидит немного на песке и плывет обратно. Знала эта женщина не только счет деньгам, но и себе цену. Понимала Акусья Ивановна, что любой ценой хотят взять золото, чтоб прибрать в свой карман. Ничего не добившись, мучители уехали ни с чем.

Иван Афанасьевич, когда вернулся с Колымы домой, каждое наступившее воскресенье проводил в молитве. Надевал чистую рубаху-косоворотку, приводил себя в порядок, с самого утра до трех часов дня молился, читал Святое Писание. В местах заключения, лагерях ему постоянно встречались люди из числа бывших священнослужителей. Господь сподобил пройти ад, правда, земной, вернуться на родину, подойти к милой сердцу Оби, руками зачерпнуть воды и умыть лицо. Будто смыть все страшное, что выпало на его долю. Мудрый был

человек! Не зря философы отмечают: тяга к Богу и познание Божества – удел умных людей.

Тысячи и тысячи сибиряков, трудолюбивых, умелых, любящих свой край, здоровых и крепких, забирались органами НКВД безвозвратно. Это же будущие защитники Отечества выбивались из рядов, из жизни общества. На смену выбывшим навсегда прибывали люди, имеющие на руках справки с отметинной о статье, люди из России, с райского Алтая.

Ссылные переселенцы Алтая, или «спецпереселенцы»

День и ночь шли по Оби катера. Небольшие пароходы тянули за собой баржи. В трюмах этих барж везли людей. Людей было так много, что порой не хватало кислорода. Воздух поступал только через отверстие люка, которое было задраено железной решеткой. На ней висел большой замок. В трюме, набитом до отказа, как селедки в бочке, находились «враги народа», вчерашние труженики сел и деревень Алтайского края. Советской властью они были признаны «врагами народа» и наказаны за то, что честно и много работали, что солнце, данное Богом, видели только спиной, погруженные в работу, за то, что имели свой дом, скот, поле... Так это же удел всех тружеников земли – своим трудом возделывать произведения природы.

А сейчас в трюме ничего нет: ни куска хлеба, ни воды, да на руках только бумажка со статьей, да нетерпимое ожидание скорейшего конца всему этому мучению. На палубе баржи два-три конвойных, от которых зависела жизнь этих людей. Почему малочисленный конвой? Да, люди не побегут, бежать просто некуда! А милиционеров просто не хватало. Работы им в те времена было много, хоть отбавляй! Пока «враги народа» живы, их надо охранять!

По реке Оби, ее притокам – Кети и Чулыму, по Тыму, Чае, непрерывным потоком шли и шли баржи до самой Обской Губы. Тянули катера баржи. Иногда останавливались они у попавшего на пути большого острова, причаливали. Конвоиры открывали люк и

командовали людям выходить на берег. Трюмы освобождались от сотен и сотен трупов.

Не могу сказать, изменились ли названия этих обских островов: остров Голодных, остров Смерти, остров Тюремный. Но ставшие временным пристанищем для изгнанных людей, страшные эти острова сохранили свою черную славу. Такие страшные названия могли появиться только в страшное время и соответствовали тому беспредельному режиму.

Более счастливыми считали себя те ссыльные, кого просто высаживали на берега таежных рек и бросали на произвол судьбы. Выживут, не выживут? Обессиленные люди изо всех сил старались зацепиться за жизнь. С собой ни молотка, ни гвоздя, ни топора, ни пилы, ни посуды. Ничего! Рыли землянки. За неимением инструмента делали это почти голыми руками. Какую помощь могли оказать им староверы, по-нарымски «кержаки», если их проживало в данное время и в месте высадки алтайцев три-четыре семьи, а прибывших было не менее двухсот пятидесяти человек. Они даже посудой не могли выручить.

Тайга как бы укрывала их своим покровом, приютом, давала им для жизни все, что имела. Дичи боровой было очень много, совершенно не пуганной, не знающей, кто такой человек. Даже давалась людям в руки. В большом количестве ягода: боровая, лесная, луговая и болотная – тоже помогала наполнить голодные желудки. Много рыбы в протоках с хрустальной родниковой водой. Вкус и вода, и рыба имели необыкновенный. Люди умудрялись и ловили живую рыбу без всяких снастей, руками. Страшным бичом

были несметные полчища комариного гнуса, мошек, оводов (паутов). Все это должен был стерпеть простой русский мужик. Несмотря на невыносимые условия, вопреки всем приказам, переселенцы, далеко не все, но выживали. Сохраняя при этом основное качество живучести – это трудолюбие и любовь друг к другу. Хоть небольшое, но спасение шло. Староверы и чалдоны, как могли, помогали несчастным, не смотря на запреты комендантов. Появилась такая должность при советской власти, так необходимая ей.

Репрессивная машина никого не щадила. Несколько десятилетий уничтожали, выкорчевывали, смешивали с сорняками, вырывали с корнем из привычной благочестивой жизни русских тружеников, этих благородных, самостоятельных и достойных людей.

Посмотришь на человека современного и что видишь? Одетого в белую чистую рубаху, дорогой костюм, внешне интеллигентного человека. Но это часто только снаружи, а что внутри? Часто мы любим друг другу говорить: «Загляни в свою душу, в свое сердце». Но всегда ли сердце и душа добром, светлой силой наполнены? Не подозреваем, как далеки мы до истинной великой доброты и душевной красоты.

Человеку, пишущему эти строки, пришлось быть высланным на остров Радайка, что по реке Тым. Это случилось в 1952 году. Без суда. Было только сказано: «Пошлем как внука врага народа! Скажите спасибо, что недалеко!» В те жестокие времена судебному преследованию подлежали даже дети с двенадцатилетнего возраста. Случилось это в конце июля. Проснулся я рано.

На краюшке моей кровати сидит моя мама, положила натруженные руки на фартуке и тихо плачет. Так я оказался на острове Радайка.

Вместе с латышами и немцами я занимался заготовкой кормов для животноводства. Работы было очень много. Старшие друзья мои полюбили меня за малолетство и природное трудолюбие. Я никогда не жаловался на трудности. Постепенно я стал понимать немецкий и латышский языки. В 1953 году умер Сталин, и я вернулся в свою деревню. Никогда никому не рассказывал про эту ссылку. Тут написал об этом, потому что писал книгу о жизни, о жизни не придуманной.

Восемнадцать лет меня забрали в армию. Служил я в авиации в восемнадцати километрах от Минска. До армии, проведя жизнь на севере Томской области, не знал, чем отличается рожь от пшеницы. Ведь пахотой земель у нас не занимались. В нашем рационе были исключительно рыба и мясо. Поэтому когда в солдатской столовой выдавали кашу, я от нее отказывался. В рационе солдата было много селедки, вяленого сала, которого я не ел, потому что свиней в деревнях севера не держали. Так что сало и кашу я отдавал солдатам - украинцам, а они мне взамен давали рыбу и сахар.

На моих проводах в армию отслужившие ребята из моей деревни говорили, что впереди меня ждет нелегкая солдатская жизнь. С началом службы я все ждал, ждал этих трудностей. А на самом деле, получил новое обмундирование, трехразовое питание, с песней в столовую, с песней – в казарму. Тогда я понял, что против

работы в нашем нарымском колхозе солдатская жизнь – это не жизнь, а санаторий! Через три года привезли меня опять в Томскую область. Россию я видел только проездом из окна пассажирского вагона.

Господи, Великий и Премудрый! Прости меня, раба твоего Иоанна, за дерзость, что рискнул написать, руководствуясь своим ограниченным человеческим умом, о жизни прошлой и правдивой, о моих предках честных, трудолюбивых, благочестивых!

Вот и сейчас новая встреча. Сижу перед моей знакомой, Зубковой Ниной Васильевной и слушаю ее рассказ о своих предках. Ее родные дед и бабушка, Андрей да Ульяна, были высланы с Алтая в числе многих тысяч «кулаков», врагов народа. Дед Андрей объяснял: как рачительный хозяин, крестьянин должен был много работать, вставал утром рано, а спать приходилось урывками на ладони, сжатой в кулак, чтобы не проспать лишний час. Вот отсюда и выходило, «кулак». Большой дом, немалое семейство, пахотные поля, стадо скотины. В летнюю пору трудились особенно упорно и много. Некогда было побриться, постричься, даже причесаться – все поглощала работа.

Пришли балалаечники, да пацаны пятнадцатилетние с пистолетами, огласили полную конфискацию имущества, а самих хозяев с детьми, со стариками – на Север. В считанные часы! Прощай, родина, Алтай - кормилец наш, с молочными и медовыми берегами! Прощайте места родные, где дети рождались в любви, где имели свой родовой дом, теплый и уютный, со своим потомственным

иконостасом. Прощайте иконы, которыми в свое время благословляли благочестивые родители. Если это случалось летом – гнали на баржи, если приходилось покидать свой дом зимой – грузились на конные сани. Только скорей, бегом! Все, что имели, грабили!

Ульяна с мужем, Андреем Архиповым были доставлены в Чаинский район. В тридцатые годы двадцатого века здесь была непроходимая тайга. Пахотной земли как таковой вообще не было. Коренных жителей – единицы. Староверы и совсем малое число остяков. Зато много добродушных медведей, полноправных хозяев тайги. Конечно, взгляды косолапых временами выражали недоумение и недовольство. Не представляли они, глупые, что в стране обнаружат такое огромное количество врагов народа, которых пришлют на подселение к ним.

Дорогой читатель, представь на минуту, солнечный день в долгую летнюю пору, допьяна цветущую множеством разноцветья девственную природу Алтая, где ровные пахотные бескрайние поля, созданные самой природой, без гнуса и без жесточайшего мороза в зимнюю пору, где пчел не меньше, чем комаров в Нарымском болоте. А здесь в Нарымском крае – вековая тайга, в обхват кедры, через вечнозелёные кроны которых веками не проникает солнце до земли. На каждой ветке сидят очарованные белки. В тайге хлеб не сеют и не знают, как он растет, икру едят ложками, а про такое культурное растение, как пшеница или рожь, не слышали. Здесь тоже есть мужики, но они с ружьями, с сетями, с собаками. Оказаться в Нарымском крае значило для алтайского

мужика все равно, что человеку высадиться на планете Луна. Вот такая была разница между обжитыми местами и сибирскими.

На новом месте прибывшие ссыльные крестьяне начали, как могли, обустраиваться. Рыли землянки для жилья в зимних условиях. Осваивались до весны, до первого тепла. В летнее время построили общественную баню, начали строительство жилых бараков, помещения для начальной школы. Стучали топоры от темна дотемна. Перенимали жизненный опыт хозяйствования в таежных условиях. Не прошло и года, как из переселенцев организовали колхоз с громким названием «Заря коммунизма».

До войны на новом месте люди построили две большие параллельные улицы с добротными домами, школу, контору, клуб, почти при каждом доме была своя баня. Быстрыми темпами росло хозяйство колхоза. Быстро летело время. Грянула Великая Отечественная война. Сначала спецпереселенцев с 58-ой статьей на фронт не брали. Но потом, когда дела на войне стали совсем трудны, стали брать всех, в том числе и бывших раскулаченных. Пошел на фронт и Андрей Архипов.

Всегда в тяжелую годину шли мужики защищать свое Отечество. Трудное было это дело, но благородное. Постоять за судьбу Отечества за честь считалось. Воевал дед Андрей не хуже миллионов русских мужиков. Сложил свою голову при защите Сталинграда русский мужик с Алтая, дед Андрей. Вечная ему память. Вот и внучка его давно стала бабушкой. За жизнь имущества не нажила,

зато нашла Бога и живет с радостью. Той деревни, что построили переселенцы, давно нет. И нет мирской памяти об алтайской деревне. По сути все потеряно! Ничего уже не поделаешь, назад ничего не вернешь! В таком состоянии проживает большая часть России.

Был и такой случай. Один хозяйственный мужик из алтайской деревни, не дожидаясь раскулачивания, как мог, сбыв свою живность со двора, что-то просто раздал. Заколотил окна, двери своего большого дома досками. Погрузил своих детей, жену, самый необходимый скарб в большую добротную лодку и отправился вниз по течению Оби, на Север. За тысячи километров добровольно ехал он в лагерные места. Через много дней облюбовал стоящее на берегу Оби село Усть-Тым. Узнав, что в селе уже создали колхоз «За Власть Советов» из бывших кулаков, подал заявление о вступлении в него. Вот, мол, специально приехал с большой семьей, чтобы потрудиться в колхозе. Работал с большим прилежанием, добился успехов по овладению новыми, присущими коренным нарымчанам, хозяйственными приемами. Стал переселенец большим специалистом по ловле рыбы и промысловой охоты. Когда начался массовый призыв на фронт, на него была наложена бронь, как на незаменимого в тылу человека. Вот так это было. Ясно, какой ценой спас человек свою жизнь и семью.

Сенокосы нашего чалдонского колхоза «Имени Калинина» и колхоза «За Власть Советов» имели местами общую границу. Стоял жаркий день, я оказался рядом с работниками соседнего колхоза. Сидя на молодой, беспокойной лошади, я наблюдал, как работали молодые,

красивые и здоровые алтайские женщины. Будучи еще совсем мальчиком, я не привлекал их внимания. Женщины в длинных сарафанах, с белыми лицами, спокойно и степенно собирали сено в копны деревянными граблями. Иногда возвращаясь, они подбирали каждую травинку. И это не в пример нашим чалдонским привычкам, когда у нас в каждой работе присутствует какая-то небрежность. Тронул я за поводья свою лошадь по кличке Ласка и поехал в свою бригаду. Смотрю на свой покос: тут и там валялись клочки несобранного сена. Вот ведь разница какая! Работали на соседнем покосе истинные честные труженицы. В длинных сарафанах с рукавами. Не тело показывали, а душу... Если разглядишь.

На всю жизнь мне запомнился конец марта 1946 года. Я поднялся рано, как и всегда. Очень часто хотелось кушать. Надел на себя какие-то тряпочки, перевязался веревочкой и рысцой побежал к Юре Крымскому. Это был мой двоюродный брат. Он был старше меня на восемь дней. Наши дома стояли рядом. Поднимаюсь на крыльцо, захожу в дом, бабушка Аксиныя встретила меня приветливо, даже как-то весело. Пригласила: «Проходи, Ванюшка! Садись за стол, а я пока тебе завтрак сготовлю...» Тут же сновал туда-сюда мой братишка Юра. Со стороны бабушки никаких распоряжений в мой адрес не поступало. Хотя шел мне восьмой год, но я сообщал, что у нас не принято просто так без работы сидеть. Странно! Наблюдаю за бабкой Аксиной Ивановной. Она сегодня сама на себя не похожа! То и дело суетится: то к печке спешит, что-то ухватом ставит в русскую печь, то чуть ли не бегом

к большому столу, за которым я сижу, начинает чистой тряпочкой протирать и без того чистый стол. Фартучек на ней сегодня свеженький, новенький. А от нее самой так и исходит радость, глаза блестят! Вдруг, прекратив всякую суету, наложилась она на себя крестное знамение и говорит: «Ребята, миленькие, слушайте, что я вам сейчас расскажу. Видела я прошлой ночью сон. – Мы с Юрой все во внимании. – Будто бы кто-то из вас наложил в чирок (это кожаная обувь без голенищ, как тапочки)!» Выразительно так посмотрела на нас, помолчала немного и говорит: «Верьте, не верьте, а такой сон обязательно исполнится!»

Прошло почти семьдесят лет с той поры, но я до сих пор помню все события того раннего мартовского утра, как и все слова, сказанные бабушкой Аксиньей. Все так и вышло! Только одного не могу утверждать: в тот же день пришло письмо или на следующий день. Получила дорогая наша бабушка письмо долгожданное. Измученная, истрадавшаяся душа дождалась радости. Когда взяла письмо в руки, посмотрела на написанное на конверте, охнула, прижала письмо к груди и издала нечеловеческий крик. Тут же, придя в себя, стала целовать, обливаясь слезами радости, тудягу почтальонку-немку.

Письмо пришло от дяди Саши, ее сына. В 1930 году арестованный и осужденный тройкой, отбывал он срок в Заполярье, в чертогах Салехарда, полных шестнадцать лет без права переписки. Воевал в армии Рокоссовского в штрафниках, ранен, подлечился, снова воевал и снова оказался в Салехарде. Женился на местной женщине, немке по национальности. Как только получил освобождение,

сразу же сообщил Аксиные Ивановне. Бабушка Аксиныя дожила до лета 1946 года, села на пароход и уехала в Салехард, к своему сыну. Никогда она больше не приезжала в деревню Пристань. Прожила бабушка Аксиныя почти девяносто семь лет.

Было такое время, когда всю Россию перевернули, перетрясли. Даже в глухом Нарымском крае, в двух шагах от берлоги медведя отыскивали «врага народа» и сурово карали. Но прежде, чем настали такие страшные времена, в центре ссыльного края побывал главный грузин. В том далеком, 1910 году в село Нарым была сослана большая партия политических. Среди этой группы большинство было грузин. Наблюдение и надзор за ними вели жандармы. Большую часть времени проводили ссыльные в безделье да бросали горячие взгляды в сторону полнокровных сибирячек. Однажды один из них, небольшого роста, с волосами и усами рыжего цвета, обратился к сельскому парню с предложением перевезти его через реку на обласке. Объяснил тем, что появилось желание побыть одному, пособрать ягоду, полюбоваться непуганой птицей: тетеревами, глухарями. Парня долго не пришлось уговаривать, молодому человеку в то время шел шестнадцатый год, и он дал свое согласие на это путешествие. Через два часа они были за Обью. Грузин заплатил парню и обратился к нему со словами:

– Слушай, дорогой! Я сейчас пойду в лес, а ты, пожалуйста, разведи костер и весь день побудь у него. Когда поздно вечером приедешь в село, жандармы спросят тебя: «А где Джугашвили?» Ты скажи, что грузины все

на одно лицо, разве вот так разом запомнишь их! А еще скажи, что послал его в лес за дровами, а потом сидел и ждал, часто голосом его звал. Стало темно, никого не дождавшись, я поехал домой.

В селе Нарым произошел большой переполох. Была усилена охрана над политическими ссыльными. Иосиф Джугашвили ушел пешком в сторону Томска. Это примерно пятьсот километров пути. Через неделю в Чаинском районе на его пути сгорело от верхового пожара зажиточное село Лебатер. Когда Иосиф Виссарионович пришел к власти, пареньку из Нарыма за неопределимый вклад в дело революции назначил пожизненную пенсию. По тем временам пенсия была очень высокая в денежном выражении. Этот человек всю свою жизнь трудился рядовым работником Обского речного пароходства. Заведовал баржей.

В Советское время, когда мимо Нарыма шли пароходы, они обязаны были сделать остановку и два часа простоять на пристани. Чествуя большевиков, пассажиры шли в музей ссыльных революционеров и слушали лекцию. А в 1949 году в райцентре Каргасок решался вопрос большой важности и чести. Нужно было выбрать колхоз с той целью, чтобы выловить осетра и отправить его в Москву ко дню рождения Сталина. Предпочтение было отдано колхозу им. Калинина. Обязательное условие: осетр должен был быть очень большого размера. И вот так, неожиданно-негаданно моя деревушка была поставлена на ноги. Осетр был пойман, на лошади привезен в центр деревушки и у рыбацкого амбара дождался своей участи.

Возле саней с лежащим на них осетром толпилось несколько человек. Возле повозки останавливались прохожие. Кузьма Евгеньевич опытным своим взглядом определил примерный вес осетра. Чалдоны в этих делах знали толк. Мне из окна моего дома было видно все происходящее, но я решил одеться и подойти поближе, чтобы лучше разглядеть.

Шла середина ноября. Обложенный сеном и снегом лежал на санях-розвальнях толстый, как бревно, осетр. Он был во всю длину саней, и еще хвост больше метра находился на снегу. Люди, окружавшие сани, стали расходиться. Ну, осетр. Подумаешь – невидаль какая! А я все стоял, смотрел на рыбину. Осетр лежал, глазами не моргал, иногда только шевелил своими большими щеками, делая глубокие вздохи как бы под свои мысли:

– Да... Это было очень давно... По реке Обь не ходили еще пароходы. Пришла тогда моя мама-осетриха далеко в верховья Оби, выметала из себя больше двух ведер черной масляно-жирной икры. В этот сезонный икромет я и родился. Долгой и мирной была моя жизнь, – текли мысли осетра. – Когда мне исполнилось двенадцать лет, пошел дорогой своих предков на икромет. Через три года наступал очередной период. Каждый раз спускался по течению в свою осетровую яму. А вот теперь странствия мои закончились, пресытился я от многих лет жизни. Вот подпишут кое-какие бумаги в конторе колхоза им. Калинина, запрягут выносливую лошадь и привезут в Томск. Там отправят в аэропорт и на самолете до самой Москвы. Как осетра, рыбу красной породы провезут меня

по Красной площади и прямо на стол положат перед лицом земного непомазанного царя...

А я стоял и думал, что люди тоже с разным духовным грузом переступают из мира земного в мир вечности.

Привезли кино

Много лет прошло, много воды утекло с той давней, незабываемой поры. Воспоминания о показах фильмов военных лет будоражат давно затихшие чувства, и в памяти всплывает живая картина. Зима, мороз, по деревушке разнесся слух: сегодня привозят кино. А сейчас киноустановка находится в соседнем селе Тымск на стадии отправки. В нашей деревне уже витает в воздухе, живет в настроениях, в разговорах предстоящее событие, равнозначное большому празднику. Рады ему буквально все жители: дети, старики, работающее население.

Особенно предстоящему кинофильму радовались мы, дети. Начиналось шумное и оживленное обсуждение, в чем мы пойдем в кино, а точнее, что наденем на ноги. У меня и двух моих старших сестер была одна пара валенок. Выходило так: кто успел надеть валенки, тот пойдет в кино, а кто прозевал – оставался дома. Спор о валенках переходил в ссору, а затем – в драку. Долго судились-рядились, но, в конце концов, поздно вечером все мы оказывались в колхозной конторе и смотрели кино.

Подводы с киноустановкой и другими приспособами останавливались возле конторы. Лошадей отправили в конюшню, а киномеханик отправился определяться с ночлегом. Этот человек пользовался уважением и славой, как человек редкой профессии. Ребятишки ходили за ним попятам, ловили каждое его слово.

Как и раньше, он пришел в дом незамужней женщины, Галины Наклевкиной. Там он и определился

с временным ночлегом. Галина – расторопная, крепко сложенная, с черными волосами, того же цвета глазами, отроду двадцати пяти лет женщина. По случаю приезда такого гостя накрасила свеклой щеки, еще темнее сделала и без того черные брови, надела белую кофточку и поближе к столу подвинула деревянный лагушок с брагой. Приехавший специалист вошел в дом как знающий себе цену человек. Галина робко и застенчиво предстала перед очами киномеханика. Поздоровались уважительно. Затем гость, сняв с себя верхнюю одежду, плюхнулся за ждавший его стол. Ужин по тем временам был достойный, потому что гость необычный. Покушали, запивая хмельной брагой, не переусердствовав, в меру. Пошли туда, где в предвкушении праздника ждала их целая деревня.

В самом начале войны привозили и показывали немые фильмы. Для этого тут же, в конторе, устанавливали электродинамик с ручным приводом. Нужно было энергично крутить рукоятку, вырабатывая ток, который по кабелю подавался к киноаппаратуре. На стене висело белое полотно, куда и проектировался фильм. Звуча не было, и иногда на экране мелькали записи, комментирующие изображение. Звуковое кино демонстрировали с помощью двигателя внутреннего сгорания. Фильм сопровождался звуками разговоров, взрывов, стрельбы. Такое кино было, конечно, гораздо интереснее немого.

Кино было для нас незабываемым развлечением. Военные фильмы несли в себе большую долю патриотизма. Они были похожи между собой. Смотрели мы во все глаза, затаив дыхание, как русскую девушку фашисты вели на

расстрел. В другом случае окруженные партизаны вели неравный бой, отстреливаясь до последнего патрона. Следующий кадр: наши смелые воины под крики «Ура!» штурмом брали высоту. Тишина, стоящая в зрительном зале, а точнее в колхозной конторе, прерывалась возгласами: «Давай!», «Вперед!», «Наши бьют фашистов!» Мелькали последние кадры, и появлялась надпись «Конец». На столе зажигалась керосиновая лампа, становилось светло. Люди, под впечатлением увиденного вздыхали, обменивались мнениями и расходились по домам. Только доносились до слуха отдельные фразы разговоров и впечатлений зрителей.

Утром все грузили на две подводы и везли кино дольше, чтобы и в других селах устроить праздник. Пришла молодая румяная Галя Наклевкина, чтобы проводить в путь полюбившегося киномеханика: «Дай Бог тебе здоровья и радости, добрый наш кинщик!» А деревушка еще несколько дней обсуждала содержание кинокартины, вела полемику на сей счет.

Ну, фильмы фильмами, а кушать хочется всегда! Картошка кончилась еще в начале февраля. Про муку и говорить нечего – ее просто нет. Корова три - три с половиной месяца гуляет, молока не дает, значит жить это время без него. Одна надежда на рыбу. Поймать рыбу зимой всегда трудно, а еще нужно пойманную рыбу сдавать в приемный пункт, в счет колхозного плана. Способов добычи рыбы очень много, поэтому я не берусь их описывать.

Помню, приехали рыбаки с рыбалки зимой, они всегда в таких случаях останавливались напротив нашего дома, возле колхозного амбара. В сани был запряжен бессменный трудяга – конь по кличке Рыбак. Немолодой, лет двенадцати. Конь был интересной масти: серый в яблоках. На санях был закреплен плетеный из черемуховых прутьев короб, в него входило примерно два центнера рыбы. Зима, стоит лютый мороз, все трещит, сани скрипят. Рыбаки промокшие, в обношенной изодранной одежде, обледенелой и не гнущейся, кажутся какими-то роботами. Мы, ребяташки, сидя дома, на окне, покрытом льдом, проделали отверстие для обзора за действиями рыбаков. По их виду было заметно, что они довольны уловом: и домой будет что взять, и в приемный пункт сдать. Всего рыбаков шестеро. Бригадир начинает разбрасывать привезенную рыбу на шесть куч. Дележ идет по давно заведенному методу. Рыба в кучи отбрасывается лучшая, отборная. Настает момент, и один рыбак по сигналу отворачивается от разбросанной рыбы в сторону амбара. Бригадир показывает рукой:

– Кому? – звучит вопрос.

– Ивану!

И так шесть раз (Петру, Клавдияну и т.д.) называет рыбак имена, не оборачиваясь к товарищам. Дележ закончен. Каждый берет свою кучу. Через двадцать минут мороженые караси, попавшие в кастрюлю, начинают биться на горячей печке, аж крышка слетает. Распрягается уставший конь Рыбак. Сбрую заносят в дом, чтобы за ночь просушилась. А завтра снова на рыбалку. Освобожденный

от сбруи Рыбак рысью бежит в конюшню. Там его встретит престарелый конюх, накормит и обогреет.

Когда после колхозной рыбалки старший брат Клавдиян заходил в дом, его младшие сестры спешили помочь ему раздеться. Мама говорит, что уха из карася готова, будем кушать. Все семь человек усаживаются за большой обеденный стол. Посреди стола стоит одна большая чашка, перед каждым лежит перевернутая деревянная ложка. Первым к трапезе приступает самый старший, четырнадцатилетний брат Клавдиян, а затем все мы.

Бригадир рыболовецкой бригады – старый человек, Феоктист Андреевич. Прожил девяносто шесть лет. Члены бригады – это ребята и девчата четырнадцати-пятнадцати лет. Другой раз они уедут в остяцкие места попытать счастье, найти удачу. Пробудут там неделю и возвратятся домой, а дома время проходит в ожидании. Иной раз приедут с хорошим уловом, а другой раз больше вшей привезут, чем рыбы.

Мама в колхозе работала дояркой, кормила коров и ухаживала за ними. Случалось часто, что в зимнее время не было дома никаких продуктов. Тогда одна умная женщина подсказала маме привести своих ребятишек в скотный двор. Там мама усаживала нас возле печи, а на печь поставила ведро с молоком. Вскоре на нем появлялась тонкая пенка. Вот так сидели мы в тепле у печки с деревянными ложками в руках, собирали и ели пенку с горячего молока. В наших желудках быстро появилось чувство сытости и тепла. На

сытый желудок уже и шутить хочется, и вспоминать смешные истории.

Вот так день за днем шла зима. Солнце поднимается все выше. На дорогах появляются первые проталины, радуют наши сердца. С нетерпением все ждем нашу любимую птицу – скворца. Несмотря ни на какие жизненные передряги, скворечники мы делали каждый год. Любили мы свист и пение этих птиц.

В конце войны я пошел в первый класс. Честно говоря, я мало что помню из школьной жизни. Помню нашу первую учительницу, Марию Георгиевну. Возраст ее был около шестидесяти лет. Во всем ее характере, в манере с достоинством держать горделивую осанку, чувствовалось скрытое благородство. Вся деревня относилась к ней с почтением и уважением. Старики перед ней не впоказную, а на совесть снимали головные уборы, склонив головы. Прожив жизнь, я и сейчас мысленно снимаю перед ней шапку. Жители села обеспечивали уважаемую учительницу всем необходимым. В школу я ходил больше двух лет. Как-то незаметно исчезла из нашей деревни Мария Георгиевна. Особой тягой к школе я не отличался, а что любил действительно, так это последний урок. Сколько времени уже прошло, сколько видано мною, а до сих пор помню штанишки, в которых я пришел в первый класс. Я их три года носил до школы. Мама их все чинила и чинила. Одну заплатку поставит, через какое-то время на это же место пришивает новую. И так они стали со временем утолщенными, будто ватные. Не помню, какого цвета они были изначально, но со временем они стали желто-

зелеными. Закреплялись они на мне лямкой через плечо. Смены этим штанам у меня не было. Однажды на уроке Мария Георгиевна вызвала меня к доске. Стоит она за столом, смотрит на меня и говорит спокойным ровным голосом:

– Ваня Голещихин, выйди к доске и выполни задание по правописанию.

Я встаю, иду к доске. А сам думаю: «Будь, что будет!»

С простачка и меньший спрос! Стою у доски, пишу что-то, повернулся к классу, а за партами сидят ребятишки – редкий, кто мне не родня, стою, рассматриваю их. В это время сквозь свои мечтания я слышу голос учительницы. Очнулся. Резко, как оказалось, повернулся к ней, и вот в это время произошла беда с моими штанишками. Порвалась лямка, поддерживающая на мне многострадальные штаны. Создалась пауза, я опешил на минуту. Стою я перед классом в чем мама родила. Я нагнулся, подобрал штанишки, услышал, как учительница сказала, чтобы я садился на место. Поддерживая ручонками штаны, я добежал до своего места. Но тогда никто из одноклассников, увидев мое несуразное положение, не позволил себе смеяться надо мной. Видимо, в том далеком прошлом мы рано начинали взрослеть.

Спустя месяц, в нашу деревню вновь приехал киномеханик и привез кино. В кругу собравшихся взрослых людей киномеханик, судя по настроению слушающих, рассказывал интересную историю. Рассказывал о том, как вызвали его в сельсовет в поселке Усть-Тым. Начальство посоветовалось и дало распоряжение свозить кино к

хантам. И вот отправились подводы в остяцкое селение Бульвар для показа кино. Поездка в один конец занимала зимний световой день. Приехали, встретили их очень хорошо. Нужно сказать, что остяки, открытые честные люди, ради дружбы с хорошим человеком ничего не пожалеют. Чтобы на показ фильма пришло больше народу, рядом с карамо поставили чум. При встрече с жителями Бульвара достаточное количество огненной воды было выпито. Необычных гостей остяки угощали от всей души: глухорятиной, лосятиной, осетриной, горячительной выпивкой. И уже совсем поздно вечером начался фильм. Для того чтобы изображение не исказилось, за лентой нужно было смотреть. Но механик, как и многие остяцкие мужики, еле стоял на ногах и не доглядел. На экране появилось изображение, перевернутое вверх ногами.

– Что это? – задали естественный вопрос зрители. Чуть живой киномеханик, еле ворочая языком, промолвил:

– Это немцы. Шла война...

Детские годы войны

Были в тяжелое время минувшей Великой войны и шутки, и смех, и веселые истории, происходившие с нами. Но главным фоном нашего настроения и чувств была, конечно, война. Чем бы мы ни занимались, что бы мы ни делали, в наших сердцах жило чувство страшной тяжелой войны. В разговорах, в обращениях взрослых людей друг к другу ежедневно можно было услышать слова: «война», «фриц», «немец», «Германия». Бывало, в лютые морозные дни, соберемся детьми, прижмемся друг к дружке, прикроемся немудреной одежкой и чистыми детскими голосами поем самую настоящую фронтовую песню:

Пуля пролетела, другая просвистела,

А третья поранила меня.

Лежу в лазарете, часто так вздыхаю,

Из родных не увижу никого.

А дома детишки вырастут и спросят у мамы:

– А где же ты, наш папа родной?

А мать отвернется, слезами зальется и скажет:

– Погиб на войне...

Вот такую бесхитростную солдатскую песню мы пели, соперживая всю горечь и боль проходящих где-то далеко событий.

В наших северных деревнях не было почти никаких признаков цивилизации: ни телефона, ни радио. Да и к чему это все перечислять, если изменения в нашей жизни начались лишь в 1959-1960 годах. Один раз в месяц приходила очень маленькая по формату газета районного

значения. До 1953 года, пока жив был Иосиф Виссарионович, на первой странице был его портрет.

Помню, в разгар самой войны, было мне лет шесть, я, сидя у печки на полу с горячей лучиной, выколол глаза на газетном портрете у главнокомандующего. В тот момент мой старший брат Клавдиян, шел ему пятнадцатый год, бросился ко мне «спасать ситуацию», вырвал газетенку из моих рук и бросил в затопленную печь. Снял ремень и полосонул им по мне, приговаривая с каким-то глухим свистом: «Больше никогда так не делай! Не дай Бог, узнает кто! Не поздоровится тогда всем!» Я тогда понял, что это дело очень серьезное, поскольку так разгорячился и разволновался мой брат, который всегда был собранный, молчаливый и серьезный. Сестренкам моим был тоже дан наказ: рот держать на замке!

Мой брат тем временем вполне сходил за взрослого, ответственного мужчину. Он занимался починкой нашей обуви, мог сшить из кожи обувь себе и нам, младшим. Своими руками мог сделать обласок, весло, отлично знал и умел изготавливать снасти для рыбалки, да и другими умениями владел. Вот таким был мой старший брат – трудолюбивый, заменивший нашей большой семье отца. Наш кормилец придет с рыбалки весь уставший, оборванный, мама станет чинить, накладывает на его одежду заплаты и приговаривает: «Кормилец ты наш!» А сама роняет слезы одну за другой. Мама часто называла его ласково Каля.

Наши мамы очень рано овдовели. Самым молодым вдовам было чуть больше двадцати. И в это тяжелое

пасмурное время они порой забывались, в них поднималась и возгоралась неугасимым пламенем внутренняя энергия, полная жизни, любви и задора.

В летнее время на лугах заготавливали для колхозной скотины много кормов, на поле выращивали брюкву, турнепс. Заготавливали большое количество сена, силоса. Силос закладывали в ямы, выкопанные женскими руками и руками двенадцатилетних мальчишек. В приготовленные ямы на лошадях завозили свежескошенную траву. Траву присыпали солью. Возле силосной ямы стоял мешок с солью. Обычно была теплая мягкая погода. Глаз радовало разнообразие цветущих душистых трав, в воздухе витал ни с чем несравнимый запах свежескошенной травы – все это пьянило сознание человека, будоражило кровь, поднимало настроение. Ущипнет одна женщина другую, повалит на травку, визг стоит громкий, радостный смех, шутки. От потасовки у женщины, сваленной на траву, неприглядно высоко задралась юбка, другая бросает щепоть соли на оголенную часть тела. Смех, крик:

– Правильно, так и надо! Прокиснет, застоится, зарастет, да и пропадет все живое, – покатываются молодые красивые женщины в неудержимом смехе. Вокруг мы лазим, несмышленные мальчишки, нас во внимание не берут, хотя мы, несмотря на свой недospelый возраст, кое о чем догадывались в их шутках.

Память надолго сохранила разные события. Сразу после окончания войны, несмотря на все заботы и нужды, начали строить колхозную общественную баню. Баню построили большую, светлую, по-белому, на красивом

месте, возле небольшого озера, заросшего травой. На этом озере любили кормиться дикие утки. Баню топили два раза в неделю, в пятницу и субботу. Дети до двенадцати лет мылись вместе с женщинами. Во время этого мероприятия было много шуток, смеха.

Вообще, справедливости ради надо сказать, что полное отсутствие зарплаты за труд колхозника, довело жителей деревни до полного обнищания. Всякая верхняя одежда, много раз починенная, представляла собой полную рухлядь. Курток в то время никаких не было, вместо куртки была телогрейка, утепленная ватой. Телогрейка много раз чинилась, когда становилось ясно, что заплату класть просто некуда, ее переворачивали на другую сторону. Пуговицы делали деревянные. Головной убор – шапка, тоже много раз подвергался реставрации, ремонту. Другой раз посмотришь и подумаешь, что шапка со временем стала похожей на воронье гнездо. На вид колхозники всегда были стройными, гибкими. Постоянное недоедание, тяжелая повседневная работа с утра и до вечера делали свое дело. По ветхой одежде, по худощавому лицу можно было за версту определить колхозника, отличающегося от городского. В школе на уроке биологии, когда во время занятий выставляли скелет человека, то находился в классе острослов, который, указывая на скелет, говорил:

– Это колхозник, который сдал государству все молоко, мясо, шерсть, яйца, и теперь вот остался в таком виде.

Общение людей между собой всегда было очень добрым и открытым. Идет человек мимо дома, зайдет,

снимет с себя платок или шапку, рукавицы, посидит, от всей души поделится своими новостями. О себе гость расскажет, хозяйку расспросит обо всем. Особенно любили заходить в гости в вечернее время. Обычно сидели возле печи на маленькой удобной скамеечке, тут же со своими заботами лазили дети не менее трех-четырёх человек. Разговор шел веселый, с юмором.

В нашем колхозе имени Калинина летом работали две бригады по заготовке сена. Одна сенокосная бригада занималась сеном возле деревни, другая переезжала на лодке через реку Обь и все лето жила там. Заречные луга были обширные, с богатым разнотравьем. Мы каждый год оборудовали бригадный стан в одном и том же месте. Это было на берегу узкого и очень длинного озера Ванькино. В очень большой лодке, которую мы по-чалдонски называли «неводник», перевозили по воде весь необходимый инструмент и лошадей. Погрузка лошадей в лодку требовала большой сноровки и ловкости, но после упорной работы мы с этим справлялись. В лодку-неводник одновременно помещалось до восьми лошадей. Их надежно привязывали и большими греблями гребли. Никакой механизации в то время еще не было. Место для стана было выбрано удачно, на живописном берегу. В озере Ванькино плодился очень крупный карась. Каждый день мы с обласка ставили сети, ежедневно их очищали от пойманной рыбы. Кроме карася ловилась также щука и окунь. Рыба на завтрак, обед и ужин – наш основной продукт питания.

В том же озере мылись, купались, купали уставших лошадей. Картошки у нас не было, круп тоже, хлеб был, но

не всегда. Колхоз нам выделял на бригаду творог и обрат, то есть обезжиренное молоко. Запись о выданных колхозом продуктах велась очень аккуратно. В конце года выяснялось, кто, сколько заработал в бригаде по заготовке сена, и сколько проел, на какую сумму. Одним летом за творог и обрат я остался должен шестьдесят восемь рублей. В тот же год председатель колхоза купил мне, мальчишке, на свои средства кирзовые сапоги. Моей радости не было предела! Да и сейчас только скажу: «Дай этому человеку, давно ушедшему на покой, воскреснуть в той вечной жизни и прости ему, рабу Божьему, сделанные грехи, в знании и незнании».

Летняя пора в те далекие годы стояла очень жаркой, с огромным количеством жужжащих стрекоз и паутов. Вечера тихие, ласково теплые, настоянные родным чайным ароматом, с тучами комаров, исполняющих в воздухе симфонии Чайковского. Мы, дети с восходом солнца работали верхом на лошадях. Гнус в течение дня так съедал наши голые ноги, что кровь текла по ним. Лошади, изъеденные паутами, тоже были все в крови. На обед подъедем к стойлу, покормим уставших лошадей, сами пообедаем и снова за работу. На обед выделялось сорок минут. Все было очень слаженно. Нравилась нам эта работа или нет, мы все: от малого до старого – работали с большим прилежанием. И, в конце концов, любая работа своим успехом приносила нам радость. Так мы были воспитаны, не на словах, а на каждодневных примерах жизни. И так работали изо дня в день. За лето одна бригада на сенозаготовке, состоящая из четырнадцати человек:

стариков, женщин, детей – ставила триста стогов сена! И это – истинная правда.

После обеда намазывали ноги дегтем. Они горели от жара на солнце, а мы даже не понимали легче ли нам. Спасительная прохлада наступала только к утру. Не успев полностью отдохнуть за ночь, мы снова готовились к новому рабочему дню. И так всегда, так вечно, и ничего другого! С заходом солнца уставшие, придавленные работой люди отдыхали. Лошади по закону природы освобождались от работы. Люди продолжали шевелиться, как могли, приводили в порядок лошадей.

Лошади с впалыми боками, с низко опущенными головами от работы в невыносимых условиях, готовы были упасть на землю и лежать, не вкушая травы от усталости часа три. После ужина в котле оставались в небольшом количестве караси. Ночью, к котлу подходила стреноженная лошадь по кличке Машка и, опустив морду в котел, с аппетитом доедала наших карасей. И делала она это регулярно, каждую ночь.

К утру, стреноженные лошади уходили подальше от стана, рассчитывая хоть часок поесть сочной травы. Мы, ребятишки отправлялись на поиски лошадей. В это время поспевала черемуха, она была крупная, и, как нам казалось, необыкновенно сладкая. Мы, найдя лошадей, надевали на них узды и мокрые с ног до головы от тучной росы взбирались на лошадей, подъезжали к черемухову кусту и приступали к поеданию ягод. Трудно было оторваться от этого, данного природой, кушанья. Старший из нас, лет тринадцати, после того как мы поели черемуху, заставлял

нас тщательно вытирать язык и губы, чтобы не оставалось характерных темных следов. Скрыть, как следует, свой проступок никогда не удавалось.

Сенокосная страда продолжалась до конца лета, захватывая значительную часть осени, вплоть до появления первого снега. С середины августа мы начинали отстреливать водоплавающую дичь, то есть уток. Благо, что дичи тогда было много, а егерьей и охотинспекторов с их конторами вообще не было. Когда в деревне появился первый егерь, то немало удивил жителей деревни своим появлением. Он объяснял, кто должен иметь ружье, когда стрелять того или иного зверя, дичь, когда брать ягоду. Нам разговаривать с ним не хотелось, и мы поняли, что этот человек совсем не хочет где-либо нормально трудиться. Ведь дичь помогала деревенскому жителю как-то прокормиться. В самом раннем детском возрасте мы могли поехать на обласке, поймать рыбу, приготовить уху. Легко, умело подойти к намеченной утке и произвести выстрел учились с раннего возраста. Мы всему старались учиться у взрослых, не отставая от них. Иначе – не выживешь!

Жизнь, полную неизвестности, самобытную, со своими трудностями представляли мы как одно целое, неделимое. Но на наших детских глазах рушился быт, традиционный уклад жизни нашего Нарымского чалдонского края. Самосознание людей менялось, уходило из нашей жизни. Тут и приход новой власти, и коллективизация. Ссылки и пересылки толп, тысяч людей. Жесточайшая мировая война творила свой гиблый неотвратимый конец. Все живое и неживое во власти

чуждого и нерадостного человеческого ума! А все, что делается по человеческой воле – **ненадежно** и недолговечно. А то, что по человеческому умыслу – то временное и скоро проходящее. Единственно надежно и на века происходит то, что по Божьей воле, по закону его промысла.

Встреча первого дня Победы

Наша деревня от райцентра находилась в ста километрах. Связь могла осуществляться только водой, по реке Обь. Известие о завершении войны из райцентра было получено только через двое суток. Радостная весть о Победе Советского Союза над Германией облетела нашу деревню и коснулась каждой души. Фронтовики еще не вернулись домой, да и кому было возвращаться, если до восьмидесяти процентов взятых на войну, полегли на полях сражений. Жители нашей деревни собрались в отдельные группы и стихийно, по зову сердца шли на берег большой старой реки, хранительнице всех событий нашего сибирского села. Это мероприятие совсем не было похожим на те, которые проводятся в наше время, с розовошекими назначенными ораторами 1965-1975 года рождения, в сопровождении салютов.

Весна была в том году холодная, промозглая. Недавно прошел на реке лед, глыбы которого еще лежали на берегу. Собрались мы без музыки, без горячительных напитков. Этого просто не было в наличии. Люди ходили по ровному берегу, сходились небольшими группами, поздравляли друг друга от души с Победой, и слезы, которые невозможно было сдерживать, текли по их лицам. Это были слезы радости и горя. Слышно было то в одном, то в другом месте песня, вроде, начиналась, но спеть песню до конца ни у кого не получалось.

Люди всем сердцем, всей душой радовались окончанию войны. Знали, что не вернуть погибших на

фронтах сыновей и мужей. Но одно было ясно – страшная долгая война закончилась. У всех появилась надежда на облегчение своей непомерно тяжелой жизни. Долго еще на берегу курьи не прекращались возбужденные разговоры. Наглотавшись досыта горьких и сладких слез, люди стали возвращаться домой. Впереди предстоит работа.

Шли молодые вдовы-красноармейки домой, такие от природы простые, красивые душой и телом. Многие из них проживут совсем не долго, жизнь полная лишений и забот сделает свое дело. Надежды на возвращение молодых и красивых мужей больше нет. Выполнив свой долг чести, полегли они в кровавой бойне, духом ушли, чтобы пополнить ангельский мир.

Редко, но попадались среди односельчан и такие, кто в разрез психологии мужчин-сибиряков, смертельно боялся опасности войны, дезертировал, ухитрялся сбежать с призывных пунктов и скрывался в тайге. Прячась в одиночку в тайге, дезертир посещал рыбацкие и охотничьи избышки, разыскивая нехитрое продовольствие. Был один такой и в нашей деревне. В конце войны его обнаружили, поймали и осудили. Да, видимо, беглая жизнь – не сахар. Пришлось ему крепко поплатиться своим здоровьем. Когда его осудили, он уже болел тяжелой формой туберкулеза. В местах заключения он пробыл недолго, после Победы был освобожден, прожил еще немного и умер. Жители деревни осуждали его. Память хранит его имя и фамилию, но я не называю этого недостойного человека. Жена его была хорошая трудолюбивая женщина. Детей их тоже знали все ребята, ничего плохого них никто не мог сказать. Не мне

судить человека, совершившего тяжкий проступок. Есть страшный суд совести и суд высший.

Курья на Оби была одним из самых любимых мест жителей деревни Пристань. После ледохода на Оби, когда с шумом и грохотом взламывался, трескался, взмывался на дыбы почти метровый толщины лед, вода начинала просто на глазах прибывать все выше и выше. Прибывая в Оби, она заходила и заливала всю курью. А курья – это просто чудо, радость для людей, тихая и славная гавань. По Оби еще несетя лед, а рыба, ища себе тихое, безопасное место, устремила в курью, в западную гавань. Огромные щуки, достигающие десяти и более килограммов, муксун, жирный, упитанный, нельма – нежная красавица, из которой готовили ни с чем несравнимые пироги, да и много всякой другой рыбы крупной и мелкой.

Жители деревни, не теряя времени, садились в обласки и ехали на курью ставить сети. И вот мы все: пятнадцать ребятишек, наши старшие братья и люди уже в серьезных годах, совсем старики - находились на месте рыбалки. Из щук, прямо на наших глазах лезла икра. Вся щука оказывалась в крупной икре! Щуки изо всех сил ползали в траве у самого берега, рассчитывая, таким образом, с помощью нее освободиться от икры. Мы ловили щук в большом количестве. Через два дня такой способ рыбалки уже отойдет! Надо успеть! Вентили поставили, начинаем ставить сети, чтобы поймать чебака, окуня и другую рыбу. Но в наши планы вмешиваются ерши. Они лезут в только что поставленные сети, заполняют их до отказа, и сети идут ко дну. При освобождении ерша из

сетей, мы часто накалывали руки об их иглы, не помогала ни наша сноровка, ни смекалка. Но зная, какой он вкусный в приготовленной ухе, мы упорно продолжали выпутывать его из сетей. На этой рыбалке мы всю ночь не смыкали глаз. Работа шла без остановки.

Ночью подъехал к нашему костру Костя Панов:

– Мужики! А я так устал выпутывать ершей! Взял сеть с ершами и бросил в котел, сварил и ел прямо из сети! И собаку накормил!

Мы посмеялись над его словами, но продолжили упорную работу по освобождению ершей. Пойманные щуки, муксуны, да и другая рыба, погруженная в обласки, представляла хорошее зрелище, радовала глаз. Через двое суток, поутру возвращались с пойманной рыбой в деревню. Добычей делились со всеми жителями деревни, никого не забывая. После рыбалки приводили сети в порядок, вешали для сушки на вешала. В обласки набирали воды и полоскали, мыли, освобождали рыбу от икры и чешуи.

Щук крупного размера фаршировали: снимали с них кожу, мясо измельчали сечкой, а чулок щуки наполняли измельченной, слегка недоваренной картошкой, другой жирной рыбой и приправами. Фаршированная щука на большой сковородке ставилась в протопленную русскую печь. С самых малых лет помню вкус приготовленной таким способом щуки. Только по-нашему она называлась не фаршированная, а начиненная.

Проходило какое-то время, вода большой высоты наполняла курью, но постепенно останавливалась, и на несколько дней была в одной мере. Постояв так какое-то

время, вода начинала убывать. Мы снова в облаках ехали на курью ставить сети, чтобы поймать более ценную рыбу: жирового, с красным оперением язя, упитанного, с широкой спиной муксуна, нежную, превосходного качества нельму. Эта рыба шла на холодное копчение в большом количестве. Для этого делали полос и под навесом вялили нельму в весеннюю погоду. Получалось много икры, которую присаливали, затаривали впрок в глиняные горшки. Горшки с икрой составляли в погреб.

Очень много заготавливали рыбьего жира, который шел на приготовление разных блюд. Сначала жирную рыбу складывали в казан или большой чугунок, нагревали на огне, жир поднимался. Иногда помешивали маленькой деревянной лопаточкой. До кипения не доводили, постепенно рыбу вынимали из котла, а жидкость сливали в отдельные емкости. На дно оседал не пригодный к пище осадок, называемый по-чалдонски «саба». Примерно неделю жир в таком состоянии стоял в наполненной посуде: в глиняных горшках, в стеклянной таре. Затем через сито пропускали жировую жидкость, так как если не убрать сабу, жир будет горчить. Жир становился янтарного цвета. Немного присаливали, и все – жир готов к употреблению. Можно макать хлебом, поджарить картошку, можно им пропитать кожаную обувь, после чего она становилась мягкой и эластичной, водонепроницаемой. Применение рыбьего жира имело широкий диапазон.

Еще очень хочется рассказать об одном очень интересном, отдельном варианте охоты. Это бывает с наступлением середины весны. Идет интенсивное таяние

снегов. По большим и малым ручейкам вода от талого льда стекает в реку Обь. Лед в реке начинает подниматься, постепенно меняя свой белый цвет на голубой. Ночью еще заметно примораживает, а днем идет обильное таяние снегов. Появляются полые воды. Край берега, называемый «закрайками», местами доходит шириной до восьмидесяти и даже ста метров.

По зову векового инстинкта летит туда многотысячная стая пернатых. Утки, гуси, лебеди прилетают намного раньше, чем тронется лед на реке. А озера стоят еще покрытые льдом, поэтому прилетевшая дичь плавает на закрайках реки в огромном количестве. Бывало, выйдешь утром рано на крыльцо своего дома и слышишь, как со стороны реки во всю мощь доносится птичий шум, гул, стон. А мощному гулу есть из чего исходить. Когда придешь на берег реки, согласишься, как плавают стая, не меньше тысячи, а может, и полутора тысяч пернатой дичи. Зрелище, конечно, неповторимое! Птицы ранней весной очень нарядные! Ведут они себя шумно и возбужденно. Через несколько дней придет очень большая вода, вскроются озера, и вся эта огромная стая птиц, движимая инстинктом самосохранения начнет спариваться, подыскивать свою пару.

Посмотришь своими глазами на эту животрепещущую массу птиц, и глаза загорятся охотничьим азартом. Но в данном случае обстоятельства сильнее нас. Вся эта масса уток, гусей и лебедей находится на закрайке в недосыгаемости ружейного выстрела. Берег до воды, где плавают утки и другие пернатые, довольно

ровный, имеющий заметный уклон в сторону реки. На этом берегу с давней поры валяются коряги, колоды, бревна. Но выбрать все эти предметы, и использовать просто невозможно по той причине, что нельзя подойти незамеченным.

И вот на этот случай существует небольшой хитрый прием. Нужно утром рано, когда еще сумерки, прийти и привести с собой маленькую собачку рыжего или белого цвета. Собачка малого размера, лайка всю проявляет охотничий азарт, что есть мочи, бежит к воде, заливаясь нежным лаем. В одно мгновение стая поворачивается в сторону собачки и ускоренным темпом начинает плыть к берегу, где незамеченным сидит замаскировавшийся охотник с ружьем.

Собачка продолжает бегать по берегу, суетится, не переставая лаять. Шерсть на ее загривке взъерошилась. Это она так своим поведением разжигает инстинкт дичи. Стая уже приняла воинственную позу, щелкает клювами, шипит, бьет крыльями по воде, когда приподнимается на лапки. Можно представить этот момент, какой крик издают тысячи встревоженных птиц, какой невероятной силы шум стоит на воде! Вся пернатая масса, зажженная инстинктом на уничтожение собаки, сгущается, чтобы сразиться с ней, с каждой секундой приближается к собаке и скрытому охотнику. Естественная тяга дичи к собаке, чтобы догнать ее, расправиться с ней, настолько велика, что она пренебрегает всеми мерами предосторожности. Когда вся стая уже вплотную сближается с собакой и уже готова выйти на берег, сойдясь в рукопашную, раздается выстрел.

Стая пернатых, захваченная врасплох, растерялась, охотник успевает перезарядить ружье и произвести еще выстрел. Из-за слишком сгущенной массы утиной стаи остаются не менее пятнадцати уток, пораженных выстрелом.

Как-то раз у меня состоялся разговор с одним пожилым, очень спокойным фронтовиком, Шмыковым Михаилом Осиповичем:

– Дядя Миша! Скажи, а почему утки весной идут на маленьких рыжих и белых собак?

Он мне ответил так:

– Знаешь ты или нет, но большая часть этих уток идут пролетом далеко на север. Там они целыми колониями гнездятся, откладывают яйца, выводят цыплят. Но очень большую опасность им доставляют зверьки, очень ценные своей шкуркой. Это колонки и горностаи. Горностаи цветом белый, а колонок – рыжий. И вот утки, чтобы сохранить потомство, веками должны вести со своими раздражителями непримиримую борьбу. Так вот!

Вода начинает на глазах прибывать. Лед поднимается и с шумом и грохотом, как от пушечного выстрела, трогается, идет в Обскую Губу. Заливные луга, кусты, озера наполняются прибывающей водой. Утки низко летают над водой, издают характерные только для этой поры звуки, спариваются, составляют себе пары. Самки откладывают по восемь-десять, иногда до двенадцати яиц. Гнезда для откладки яиц они устраивают в дуплах, на земле или в траве. Я встречал, когда в одном гнезде неслись две породы уток. Однажды подвернулся случай, когда в одном дупле яйца откладывали три породы уток. И это не случайно.

Когда время приходит насиживать яйца, греть их, чтобы вылупились утята, необходима взаимовыручка, помощь товарища. Одна утка улетит питаться, а другая в это время сидит на гнезде и греет яйца. Взаимовыручка эта нужна и для охраны гнезда: и от вмешательства человека, и от обитателей природы, имеющих свои корыстные мысли на потомство пернатых.

В конце войны, когда не было еды, мы садились ребятишками в обласок и ехали на заливные луга. Находили там большие скопления колод, бревен на немалой площади, где устраивали своего рода колонию чайки. В большом количестве откладывали они там свои яйца небольшого размера. Место колонии чаек было очень трудно доступным. И вот среди чайкиных гнезд мы находили гнезда с утиными яйцами.

Чайки очень отчаянные и рьяные защитники своих гнезд. Как русские люди с беззаветной храбростью встают на защиту своего Отечества в минуту смертельной опасности, так и чайки всеми возможными способами дружно бросаются защищать свою вотчину. Без страха набрасываются они на человека, стараются ранить в лицо, чтобы испортить глаза, забрасывают своим пометом. Утки, издавна зная такой героизм при защите своих гнезд, прибегают к сохранению своих яиц в колонии чаек. Даже среди пернатых существуют примеры коллективного сосуществования.

Мои первые шаги, как охотника, так и рыбака начались в шестилетнем возрасте. Я очень благодарен судьбе, которая подарила мне с самого детства природу с

таким интересным животным миром. Очень рано в жизни пришлось наблюдать за повадками зверьков, птиц, животных. Неоднократно видел, какую хитрость и смекалку проявляют животные, чтобы выжить и обмануть разумного, наделенного мудростью человека.

После того, как утки отложили яйца, они подолгу находятся на гнездах, греют яйца, высиживают птенцов. Самки весь свой труд направляют на выживание, на сохранение потомства. Самцы в это время сбиваются в большие стаи, в своеобразный мальчишник, чтобы улететь в глухие места и очень труднодоступные для человека озера.

Эти озера в обыденной речи называются линными. Самцы полностью теряют перья, летать не могут, поэтому все лето живут на озере, поедая растительность, насекомых и всякие озерные микроорганизмы. В период линьки они становятся упитанными, тяжелыми, жирными. И чаще всего до процесса линьки самцы объединяются по породным признакам: на определенном озере одни селезни, на другом – черняди, на следующем – гоголи, соксуны и так далее.

Просто так попасть и обнаружить подобное озеро, было совсем не просто. Безграничные просторы нарымского болота, кишачие гнусом, чередующиеся многочисленные озера – эта непроходимая чащоба прятала озера с линяющими утками, делала их недоступными. На такое озеро можно было попасть по указке многоопытного, коренного потомственного охотника. Попасть туда случайно, почти исключено. Конечно, картина изменилась

совершенно с появлением техники, летающей по воздуху. Охотники, которые добирались до такого озера, держали его местонахождение в тайне. Путешествие и охота проводились, конечно, с лайками. Птица при виде человека и собак старалась всей стаей спрятаться в густой траве, росшей на берегу. К охоте приступали собаки. Они проворно хватали уток, повреждая шею птицам. Охота шла вокруг озера. Она продолжалась недолго. Только часть уток была добычей охотника. Человек давал команду лайкам: остановить истребление уток, и собаки начинали всю поврежденную дичь стаскивать в одно место. Этого короткого времени хватало, чтобы заготовить около двадцати килограммов дичи, то есть утиного мяса. Эта охота проводилась не так масштабно и не повсеместно. А в шестидесятых годах, я еще про такой вид охоты и не слышал. В войну подобной охоты тоже не существовало. Во время такой охоты выстрелы из ружья почти не звучали. С большими трудностями охотники выбирались с озера, спешили сдать тушки уток на заготовительный пункт. Если до приемного пункта требовалось значительное время, охотники потрошили тушки, вынимая все внутренности.

В нашу деревню, после войны вернулось несколько человек. И такая действительность была по всем деревням Нарымского края. Можно представить во сколько раз уменьшилась мощность отряда охотников.

Значительный отстрел уток начался в самом начале шестидесятых годов. Охота на уток пошла с отступлением от правил, от норм человеческого разума. Для этого были созданы инспекции с конторами и управлениями,

издавалось много законов и инструкций. Только появление человека с ружьем, с удостоверением охотника, экипированного до зубов, в местах нахождения дичи вело к уничтожению всего живого. Наносился невосполнимый урон живой природе. На период охоты мужчина брал двести сотни заряженных патронов, поэтому все, что летало, двигалось, дышало и все, что попадалось в поле зрения нетрезвых глаз охотника, расстреливалось и уничтожалось. Бурное вмешательство человека в естественную жизнь природы, вело к ее ослаблению, к отторжению от духовной связи человека со своим Создателем.

В былые времена человек брал от природы столько, сколько ему было нужно для своего существования. Своим разумным ведением хозяйства он оберегал природу от нанесения ей ущерба. Душа и тело, как творение Господа, развивались в гармонии. Для крепости тела и укрепления души необходимо было огромное терпение. А тот, кто долго терпит, тот долго живет. Это и есть испытание жизнью. Красота земной природы есть мудрое Божье создание для человека. Через природу идет любовь к Богу, Его творению и ко всему прекрасному.

Геннадий Павлович привез поросят

Геннадий Павлович был в нашей деревне председателем колхоза, командированным из ближнего от нас села Каргасок районным начальством. Это был высокого роста человек, худощавый, общительный, с живой умной речью, острым юмором. Фронтовик, несколько лет провоевал он и привез с войны ордена, медали и их обязательные спутники – ранения да увечья. Несколько раз приходилось мыться с ним в общественной бане. При взгляде на его голое тело у меня сердце невольно содрогалось от увиденных отпечатков ран. На спине, между лопатками, виднелась красная, затянутая швами рытвина, такая глубокая, что если приложить мою ладонь, она вся войдет.

За время войны наша деревня мужиками совсем поредела. А тут новый человек, тоже прошедший тяжелой фронтовой дорогой. От роду ему был тридцать один год. Когда Геннадий Павлович непосредственно приступил к своим обязанностям, деревня как-то сразу оживилась, появились практические дела. Так за сравнительно небольшой срок и без особых рассуждений председателем был решен положительно вопрос о собственной колхозной моторной лодке. Лодка деревянного исполнения была изыскана в хозяйстве колхоза, а бензиновый двигатель мощностью в шесть лошадиных сил был приобретен в соседнем селе. Мотор был стареньким, но работал исправно. Правлением колхоза сразу же был утвержден план работы моторной лодки. План оказался немалым:

доставка сена и жердей, переправка по воде плота с заготовленным строевым лесом, перевозка животных – дела все неотложные и необходимые. По срочным делам надо съездить в Каргасок за девяносто километров – и здесь моторная лодка стала незаменимой выручалочкой.

Однажды Геннадий Павлович, наш председатель, по колхозным делам, не требующим отлагательства, засобирился в райцентр, в Каргасок. Мотористом лодки, отвечающим за работу мотора, за управление транспортной единицей, был назначен ссыльный латыш Саулис Карл, очень плохо говорящий по-русски, потому как не желал забивать голову нашими словами. Но как бы там не было, в технике он разбирался очень хорошо, и двигатель с постоянной профилактикой работал бесперебойно. Против течения реки деревенское судно достигало скорости семи километров в час, а по течению – двенадцать километров в час. В путешествие до Каргаска был взят деревенский паренек, Колька Вялов. Парень по местным меркам был хоть и разгильдяем, допускающим всякие непредсказуемые вольности, но имел особый интерес к технике, выдвигаемой современной жизнью. Было Николаю Вялому к тому времени пятнадцать лет. Интересы к учебе не проявлял никакого, а впутаться в какую-нибудь историю с «последствиями» – это за ним водилось с избытком, хоть отбавляй. Председатель взял его с собой с одной целью, чтобы парень привыкал к технике, изучал ее, обучался, обживался с ней. У Николая была большая тяга к этому делу, и он при первой неисправности вникал, помогал при ремонте.

Когда председателем все вопросы в райцентре были решены, путешествующие засобирались домой в свою деревню. Настроение у нашей компании было прекрасное. Шли первые дни июня 1955 года. Лето только начиналось. Глядел Колька на буйно цветущую природу, на то, как из воды то и дело выпрыгивают ельцы и с плеском падают обратно в воду. А вот и карась подпрыгнул над водой и снова плюхнулся в реку. Какая-то нежная радость разливалась по всему телу парня. А с его мировоззрением это путешествие равно было космическому! Нестерпимо хотелось домой осуществлять наметившиеся планы.

Геннадий Павлович взял из лодки несколько пустых мешков, в каждом мешке сделал несколько маленьких отверстий, и сказал при этом:

– Мужики! Вы мне нужны для одной работы.

Через пару минут председатель, сопровождаемый попутчиками Карлом и Николаем, выходили на широкую, большую улицу райцентра. Николай, съедаемый любопытством, хотел спросить, куда идем, но передумал, потому что в голове стучал ответ на его вопрос: «Куда надо, туда и идем!»

У первого переулка зашли в старинную усадьбу крепкой постройки. В ограде стоял хорошо срубленный амбар с продолжением по-хозяйски устроенного навеса. Под навесом просматривались поставленные на хранение до зимы конские сани, морды на стерлядь. Резные тяжелые крепкие дуги с ввернутыми в них коваными кольцами висели на стенке амбара. Дуги остались после раскулачивания крепких зажиточных хозяйств.

Прошли в сторону скотного помещения, из которого вышла хозяйка, давно поджидавшая гостей. Хозяйка небольшого роста, с горячими красными щеками, с честными бесхитростными глазами. Все в ней: движения, речь – говорило прямо и открыто о биологической смеси остяцкой и чалдонской крови. Приглашенные хозяйкой мужчины зашли в скотное помещение. Тут они увидели аккуратно, по-хозяйски сколоченные два ящика, в которых, плотно прижавшись друг к другу, нежно похрюкивая после сытного обеда, спали поросята. Таисия, так звали хозяйку, подозвала к себе Геннадия Павловича, и они стали быстро нагружать поросят в мешки, которые принесли. Работа, сопровождающая поросячьим визгом, через пять минут была закончена. Взвалили мужики три мешка с поросятами и пошли к выходу. В ограде к ним дружно, подчеркивая свое превосходство, подбежали две крупные нарымские лайки, стали обнюхивать их мордами, оскалив зубы. Таисия тут же цыкнула на них, прикрикнула: «Нарым! Ко мне!» Крупный, упитанный кобель белой масти с черными пятнами мгновенно сменил воинственную позу на мирную. Его глаза стали ласковые, виляние хвостом-кольцом стало приветливым. Закрыв за собой калитку, колхозники пошли на берег реки к своей лодке. Забрались в лодку, оттолкнулись от берега и поплыли домой.

Река приняла путников. Лодка, удаляясь от берега, тихо поплыла вниз по течению. Латыш Карл – одновременно моторист и рулевой, главная фигура речного судна, приступал к своим обязанностям со всей серьезностью и ответственностью. Мотор работал

бесперебойно, набирал обороты, развивал максимальную скорость.

Проехав не менее двух часов, пристали к берегу, решили сделать остановку. На берегу развели костер, вскипятили чай, достали вяленой рыбы, остатки копченой, поели – и снова в путь. У всех была забота о поросятах, которые временами шевелились и похрюкивали. Стоял тихий теплый июльский вечер. На севере ночей в летнее время почти нет. Сгущаются сумерки ночью на короткий миг, не более одного часа. Темнота наступает совсем не такая плотная, какой бывает осенью, а нежная и прозрачная, что в лодке можно ехать, не повышая зрительную бдительность. И как только по времени наступит начало третьего, видимость с каждой минутой становится все лучше и лучше.

Колька под звуки мотора предался своим мыслям, сон куда-то ушел, как будто рукой сняло. Объятый какой-то тихой ласковой радостью, размягченный скрытой слезой, он любовался окружающей его божественной красотой легких сумерек. Бурая вода, звездное небо наполняли его разум мыслями, воспоминаниями прожитой пятнадцатилетней жизни. Вспомнился случай. Об этом ли сейчас думать, а вот вспомнил. Дядя его, Михаил Осипович Шмыков вернулся с войны весь израненный. Непревзойденный охотник, он, отдавая дань памяти своему погибшему на войне младшему брату Валентину, решил уделить внимание воспитанию своего племянника. Собрался Михаил Осипович на охоту побелковать в дальнее урочище. Хотелось ему чему-то научить Кольку,

увлечь охотой. Взял он племянника с собой. Кольке шел четырнадцатый год. Обо всем обговорил с его матерью Марией, красавицей, вдовой, красноармейкой, имеющей еще одного младшего сына, Володю. Так, мол, и так, беру с собой, Мария, твоего непутевого шалопаю, попытаюсь научить Кольку приемам охоты. Многие охотники за большую честь считали бы просто пообщаться с таким умудренным жизнью человеком, не то что иметь в наставниках такого опытного охотника-промысловика.

На сборы ушло два дня. Весь вид и настроение Кольки говорили о его готовности на полном серьезе приобщиться к охотничьему делу и перенять богатейший опыт промысловика у дяди Миши. На третий день встали на охотничьи лыжи. С собой провизия, ружья, нарты и собаки. И в путь. Идут по тайге между тихими спящими кедрами, стреляют белку. Дядю Мишу радуют удачи Кольки. Ближе к вечеру выбрали место для ночлега. Колька накормил собак, правильно развел костер. После ужина настелили пихтовую лапку на потухший костер и улеглись спать. И опять та же божественная красота: провисшие от ватного снега кедровые ветки, запах дыма потухшего костра, теплое дружеское касание рядом лежащих лаек.

– Из Кольки толк будет, – решает старый охотник.

Еще два дня с охотой, ночевками и вот она своя, сделанная охотничья избушка. На другой день Михаил Осипович ушел с собаками на охоту, а племяша оставил натопить избушку, приготовить хороший обед. Вечером старый охотник вернулся домой. Николая нигде не было. Обследовав место, опытный следопыт определил, что

Колька ушел обратно, домой. Нелегко было ориентироваться в дороге. На что рассчитывал охотник? Но молодой паренек перехитрил своего дядю. Он незаметно делал топором зарубины, метил путь, и по этим отметкам он сравнительно легко и просто вышел к своей деревне.

Моторная лодка уверенно бежала в домашнюю сторону. Еще раз на мгновение мелькнула у Кольки радостная мысль: «Перед тем, как уйти в армию служить, женюсь на своей деревенской девчужке Нюрке... А если возгордится, то возьму себе в невесты Машку Вялову...»

Утром пристали к берегу, вышли из лодки, на костре нагрели чай. Неплохо позавтракав, отправились снова в путь. Через два часа стали попадаться знакомые деревенские места. Солнце поднялось на небольшую высоту, путешественники подъезжали к своей деревне. Радости их не было конца. Латыш подрулил к центру деревни, пристал к берегу, заглушил мотор. Взяли мешки с поросятами, и все три путешественника вышли на центральную площадь деревни Пристань. На площади росла мягкая, густая, малая ростом трава-мурава. Бывало, идешь по ней, как по шелковой, а она мягкая, как перина, только и доходит до щиколоток, а ступней земли совсем не ощущаешь, хотя идешь босиком.

С трех сторон площадь окружена жилыми домами сельчан, а с четвертой, южной стороны течет Лаврушкин ручей, по которому они въехали в деревню. Вышли на самый центр площади, мешки с поросятами поставили на траву. Председатель крикнул:

– Красноармейски! Подходите, поросят привезли!

К этому времени из деревенских усадеб стал к приезжим стекаться народ: старики, женщины, дети. Подходили осторожно, с опаской, неуверенно. Многие из сельчан, даже преклонных лет за свою жизнь и свиней-то не видели, а ребятишки – тем более. Почти все жители деревни собрались на площади. Геннадий Павлович объявил:

– Женщины! Будете растить и разводить поросят, – и вывалил из мешков на траву веселых, суетливых свинюшек.

Вся деревня, не скрывая своих чувств, во все глаза рассматривала живых поросят, как какое-то кино, комментировала происходящее вслух. Люди не переставали дивиться, обсуждали все видимое бесконечным разговором. Долго еще вся деревня ходила следом за приезжей порослячьей ватагой. Особенно радовались ребятишки: шутили, смеялись, ползали по траве на коленях, изображая поведение поросят. Стоявший председатель здесь же предлагал женщинам брать домой по два-три поросенка, растить их. Сибирские люди, выросшие на природе и представляющие с ней одно целое, лишенные тесного контакта с цивилизацией, многого не видели. Поросята были им в диковинку. Смотрели во все глаза, от души удивлялись, ахали:

– Сколько лет живем, а такого чуда не видели!

Куча поросят стала уменьшаться, последних взял себе старик Кузьма Евгеньевич. Все взрослое население разошлось по своим домам. Прошло немного времени, час, а может немного больше, то у одного, то у другого дома стали раздаваться встревоженные голоса. Женщины громко кричали друг другу:

– Матрена, скажи, а чем ты кормишь его?

– Да я, Марья, сливок ему дала...

– А я творог дала ему из цельного молока, – кричала
Килина.

– Творог? Думаю, Матрена, он будет есть...

Вот так деревня изучала рацион поросят. Бедные чалдонки-красноармейки, никто из них не знал, не ведал, как кормить, как ухаживать за этой скотиной, свалившейся на их голову.

Но нарымский народ стойкий, привыкший ко всем невзгодам, основную часть жизни проводивший в условиях природы под открытым небом, терпеливо переживал все невзгоды, выпавшие на его долю. Разумно брали сибиряки от природы все, чем был богат их край. Коренные жители сурового края знали и понимали, что произведения земли и дикой природы нужно брать разумно, со смыслом, по Божьему благословиению, нужно думать не только о дне текущем. Нужно думать о завтрашнем дне, о своих потомках, оставлять приплод, делать так, как извечно жили их работающие мудрые деды и прадеды. Не бери от природы до последнего, сохрани ее, береги.

Но за прошедшие четыре десятка лет как неизвестно изменилась жизнь края! Приход новой власти, коллективизация, репрессии, Великая война нарушили, сломали в корне быт, традиционный уклад жизни сибиряков. Появилось бесконечное множество распоряжений, законов, инструкций! Регламентирована ежедневная жизнь! Инструкции, даже о том, как вести личное подворье, как обращаться с женой и домочадцами!

Поголовье скота, птицы – все было согласовано с распоряжениями начальства. Корову можно было держать только одну, куриц – четыре штуки. Лошадь иметь не разрешалось, технику – тоже. Чем беднее был житель деревни, тем больше это приветствовалось.

Подспорьем для существования сибиряков была традиционная ловля рыбы. Но со строительством Новосибирской ГЭС сильно изменилась и жизнь реки Обь. Весенний разлив реки стал неестественный. Рядом с ГЭС было сооружено огромное водохранилище, которое при весеннем половодье забирало воду, и этим регулировался ее сток. На бывшие заливные луга в отдельные годы вода не попадала. Рыбы стало намного меньше.

Когда Геннадий Павлович привез в деревню поросят, рассчитывал, что на столах сельчан, как подспорье, появится свиное мясо. Свиноводством никогда не занимались в нашем районе, вдоволь мяса было от скота домашнего и таежного. Сколько нужно брали, обеспечивали свои семьи впрок. Никакое свиное сало не могло сравниться с пойманным в реке осетром и посаженным на длинную пеньковую веревку за вбитый кол-кукан. Поймает нарымский мужик летней жаркой ночью осетра килограммов до пятнадцати, посадит его на кукан в курью и живет, питается осетр до поры, до нужного времени.

Совсем молодой я был. Рассказывал мне один старик лет восьмидесяти, дядя Толя Анисимов, о таком случае.

– Еще до революции это было. Посадил я осетра на кукан. Через день прихожу на курью. Был конец августа,

солнечный такой день. Смотрю, а мой осетр в метрах пятнадцати от берега лежит на воде кверху брюхом. Я испугался, заволновался, мне стало жаль моей добычи. Вот думаю, не повезло – сдохла моя рыбина. Стал веревку на себя перебирать. В тот момент как вздрогнет мой осетр! Хвостом ударил по воде, сам в воде оказался, а голова наполовину выглядывает из воды – смотрит на меня. Значит, настроение у него хорошее, питания ему хватает. Больше тревожить его не стал, пошел домой.

Да! Осетр – это большое подспорье! Настоящая в нем икра, настоящее мясо и много чего другого. Как сказал бывалый остяк: в осетре, как у хорошего хозяина в амбаре, – всего достаточно. Из головы готовится отличная уха, густая, наваристая. Пирог из осетрины, приготовленный опытной искусной хозяйкой, – не найдешь равного из другой рыбы. Из осетра габаритного размера вынимают десять-двенадцать килограммов икры. Черную, жирную маслянистую икру долго сбивают в тазу. Пленка, которая присутствует, отделяется от икры. Икрная масса становилась однородной, без всяких примесей. Чуть-чуть подсоленная, она поедалась ложками. Никаких бутербродов не знали. Икру, посоленную круче, можно было сохранить долго. Вообще, рыба употреблялась в пищу только свежая.

Помню рассказ одного ханта в полушутливом тоне:

– Я как-то по делу зимой ездил в Томск. Путешествую по городу. В одном магазине, торгующем рыбой, присмотрелся внимательно и вижу: лежит на витрине налим. Я сразу же его узнал! Три года назад я его поймал на Кулеевской протоке. Хочешь – верь, хочешь – нет!

Прошло уже достаточно времени, поросята выросли, благо, кормили их хорошо. Много им в корм шло не только рыбных отходов, но и самой рыбы. Время было зимнее. Шел декабрь месяц. Убрать свинью вопрос был не сложный, а вот, как и чем с туши удалить щетину – занимал население деревни не на шутку. Паяльных ламп не было, а как быть в данном случае? Пришлось задуматься и обратиться к деду Кузьме Евгеньевичу. Дед тут же суетился с ребятишками, но все помалкивал, потягивая свою вечную трубку. Вопрос, стоявший на повестке дня, оставался пока открытым, нерешенным.

Кузьма Евгеньевич сходил домой, позволил себе выпить стакан браги. Раздобрел, разговорился. Молодые ребята обступили его, слушают:

– Ведь я, говоря просто и понятно, – человек бывалый. Не раз за зиму на восьми лошадях ходил семьсот верст до города Томска. В Томск возил рыбу, пушнину, мясо, масло. Все, чем были богаты мы, сибирские люди? А из города, чтобы не пустым ехать, выполнял заявки деревни...

Тут дед спохватился, что нужно в дом сбегать, трубку табаком набить. Мы, конечно, догадывались, что кроме этой причины, есть еще одна, более веская. Через пять минут приходит старик, вытирает губы, бороду. Да протяжно, значительно, обводя нас взглядом, говорит:

– Я, конечно, человек непрстой, кое-что повидал на своем веку. Ребята, я ведь врать вам не буду. Я своими глазами паровоз видел на железнодорожной станции в Томске...

Мы стояли и внимательно слушали былые и не былые повести старого Кузьмы Евгеньевича, потому что вопрос наш деревенского масштаба был еще не решенным.

– Я ведь в верховских селах, в Кривошеинском и в Молчановском районах видел, как обрабатывают свинину. Даже лично помогал им по этой части. Знаете, что, ребята, давайте, тащите сюда сено, всякие железяки, разводите жаркий костер. Возьмемся за мою свинью прямо сейчас...

Ребята повеселели, воспрянули духом. Все вокруг Кузьмы Евгеньевича пришло в движение. Парни взялись за работу, опережая друг друга и подбадривая шутками. Работа закипела. Всем этим движением руководил Кузьма Евгеньевич. К вечеру все было кончено. Сидим в большой, жарко натопленной комнате деда Кузьмы. Сам он восседает в переднем углу в одной заштопанной косоворотке под образами письма Архангельской губернии. Ждем с нетерпением сковородку, в которой на большом жару журчат и прыгают вкусные куски свеженины, обдающие невероятным запахом приправы. На большом обеденном столе в три метра длиной и больше метра шириной стоят кружки, стаканы, лежат перевернутые деревянные ложки.

– Панисовна, какую халепу тянешь время, наливай хмельную брагу и подноси, угождай молодцам!

Молодцам тем было по пятнадцать-шестнадцать лет. Сковородка с летящими брызгами свиного жира оказывается на столе. Без всякого тоста, лишнего слова, кружка браги опрокидывается в рот. Не отрывая глаз от сковороды, приступаем к трапезе. Через несколько минут просьба деда повторяется:

– Настасья Панисовна, родная, подноси, благослови!

– А не частишь, Кузя? – отвечает хозяйка.

Сковорода больших необычных размеров, в наше время таких уже и не встретишь, стояла на столе наполовину пустая. Пошли разговоры. После сытной трапезы полилась дружная беседа, вечная спутница застоля. Все повернули головы в сторону уважаемого, известного всей округе старого Кузьмы Евгеньевича. Зашевелились губы, послышался характерный, с вечной хрипотцой голос. Рассказ был о лошадях, об обозах:

– Помню однажды очень суровой небывалой зимой, в лютый мороз...

Потягивая трубку, воркочет старик – старшему разрешалось закурить.

– ...между двумя постоянными дворами случилась у меня очень страшная авария. В пути один. Двадцать верст от одного постоянного двора до другого. Никто помочь не может. Надеюсь только на свою смекалку. У меня от мороза лопнула завертка. Это веревка, с помощью которой оглобля крепится к саням. Тогда я... – продолжает дед Кузьма.

Но тут не выдерживает бабушка Анастасия Панисовна, прерывает рассказ своего деда:

– Кузя, пятнало бы тебя пятном, хватит тебе, а то опять понесешь околесицу.

Дальше разговор рассказчика переходит в неприличное повествование:

– Панисовна, наливай третий бокал! А то чувствую, что те драться начали, пошлю третьего, пусть разнимет.

На этом закончили ужинать и разошлись по домам.

Опыт по разделке свиней был получен большой. После этого мероприятия прошло несколько дней. В колхозе имени Калинина состоялось общее колхозное собрание, на котором стоял один вопрос, ясный, проще некуда. Среагировали на него все по-разному. Эмоций было очень много, а разногласий еще больше. Вопрос заключался в следующем. Как сообщил наш председатель колхоза Смирнов Геннадий Павлович, пришло распоряжение из райцентра под грифом «Срочно» ликвидировать колхозное стадо овец. По этому поводу объяснений никаких. Только ниже слова «Срочно» шла приписка, разъясняющая слово «ликвидировать» следующим образом: на Севере в суровом краю нет смысла держать овец, ухаживать за ними, тратить силы, строить скотные дворы. Указание было конкретное – ликвидировать. Вот такую, труднообъяснимую весть сообщил нам наш председатель на общем собрании.

Много до нашего председателя у нас других побывало. И деревенских, и присылаемых из райцентра, но вот простого, умного, с живыми манерами общения, Геннадия Павловича, мы полюбили всей душой. Многих проживающих людей в деревне он был годами моложе, но несмотря на разницу в годах, шли к нему люди за советом, тянулись услышать умное слово, пообщаться, сделать вывод. Несмотря на тяжелые ранения, полученные в боях на фронте, он не жаловался, не сгибался, работал наравне со всеми. Много видел наперед в наших нуждах. Нежадный бесребреник, готовый прийти на помощь ближнему.

А часто бывали такие, которых по разрядке присылали править колхозом из райцентра. Бывают, пришлют с семьей на одной лошади, а через два-три года назначают в другую деревню править колхозом. Из нашей деревни везут уже на трех или четырех подводах. Поднимали ли жизненный уровень в колхозных деревнях, сомнительно, но свой уровень был заметным даже невооруженным взглядом.

Не успели со свиньями покончить, как пришел новый приказ районного значения, а может даже большего: убрать, превратить стадо в триста с лишним голов в баранье мясо. Сибирские мужики в повседневной жизни каждый день в лесу, на воде, умели владеть оружием, которое колет и режет. С детских лет умели держать его в руках. Оружие – это продолжение наших рук. С его помощью мы добывали себе хлеб, с его помощью делали достойную свою жизнь. Ну, а главный вопрос не выходил из головы: зачем, для чего пришло указание, посетило наше житье-бытие. Живем, никого не трогаем, ни к кому в душу не лезем. А вот надо же, пришла бумажка с написанным в ней распоряжением – делай и живи, как предписано.

Глубокие старики от многих прожитых лет, став седыми и белыми, умудренными разумом, крепко задумались, осмысливали происходящие события. Живем в настоящее время по инструкции Москвы, и чем ближе к коммунизму, тем инструкции изощреннее и жестче. И не отмахнутся от их записок с печатями, доставляемых нарочными. Как бы там не было, а приказ есть приказ, жизненный он или нет, а выполнять надо.

На второй день после получения из райцентра распоряжения вся деревня была погружена в работу. Дед Кузьма, давно уже не председатель колхоза, рад от души этому обстоятельству, что не надо больше участвовать в руководстве колхоза, прикладывать печать, но все равно, как человек совсем не равнодушный – в центре деревенских общественных событий. Неофициальный руководитель более или менее крупных дел деревни. Вот и сегодня с озабоченным видом, в шапке набок, с трубкой во рту командует бригадой ликвидаторов овечьего поголовья. Бригада состоит из семи человек от пятнадцати до семнадцати лет. Мужчины взрослые есть, хоть и не много их. Но они очень заняты постоянной работой и поэтому в бригаду Кузьмы Евгеньевича не вошли.

Кузьма все взвесит, знает каждого подростка, знает, кто на что способен, поэтому каждому определил, что и как делать, и работа закипела. На снегу, на морозе работа организована своеобразным конвейером: одни ловят овец, другие тащат на эшафот, третьи отделяют голову от туловища. В полуизорванной одежде, с забрызганными кровью лицами, руками, одеждой. То и дело мелькали ножи, во многих местах окровавленный снег – все это впечатляло и походило на пиратское нападение. Кузьма Евгеньевич, главная фигура разыгравшегося побоища, за всеми внимательно досматривал, произносил короткие фразы:

– Так! Ладно справляйтесь! – И, между прочим, добавлял:

– Панисовна ужин готовит и все остальное...

Зимний вечер наступает быстро. В большой комнате Кузьмы Евгеньевича горела керосиновая лампа. На огромной сковородке, раскаленной большим жаром, шипели, брызгались и прыгали в белом жиру куски баранины. На столе лежали перевернутые деревянные ложки. В углу под образами старинного искусного поморского письма сидел, как и всегда в одном и том же настроении дед Кузьма. Ели досыта, даже более того, ослабили ремни на поясах, пили хмельное в меру, не напивались никогда.

На большом лютом морозе тушки животных быстро застывали. За семь дней работы безостановочного конвейера все было кончено. Печать удовлетворения от исполненного долга мелькала на наших юношеских лицах. Временами подходили животновод Федор Иванович и председатель Геннадий Павлович, чтобы оценить, как вершатся дела согласно полученному распоряжению. У нас, у ребят в сознании стал мелькать вопрос:

– А куда девать такую гору мяса?

И тут же этот вопрос в нас затихал. Просто мы не могли отвечать на такой жизненный вопрос, требующий рассуждения. Мясо лежало в амбаре, и судьба его сбыта была в стадии решения. А тут неожиданно-негаданно приехал из райцентра инспектор на предмет проверки состояния дел в животноводстве колхоза имени Калинина. Федор Иванович Крымский был в одном лице и животновод, и зоотехник, и отвечающий на интересующие начальство вопросы.

– Федор Иванович, скажите, пожалуйста, в котором часу начинает жить деревня сельскохозяйственными

заботами? Как рано в летнюю пору вы выгоняете скот на пастбище? Партия придает этому очень большое значение, поэтому все должно делаться по регламенту, по инструкции.

Дядя Федя посмотрел на небо и сказал:

– Часов у нас отродясь не было. Встаем мы по пению первых петухов, с пением третьих петухов мы уже в скотных дворах. Скот выгоняем, как только солнце поднимется на сажень.

– Но ведь, Федор Иванович, саженью можно обнять все небо!

С этих пор производственный авторитет Федора Ивановича резко и бесповоротно пошел на убыль. Разговор состоялся при живых свидетелях – односельчанах. Ну и пошла молва в деревне, как изобразил дядя Федя нашу деревенскую жизнь перед районным начальством: мол, хозяйственные дела начинаются, когда солнце поднимается на сажень, первый петух прокукарекает, старики заспешат по-легкому и так далее... Цивилизация далека, а сказки рядом.

Через несколько дней решили, как быть с бараниной. Собрали конный обоз в тридцать лошадей, запряженных в сани. Грузенный бараньими тушками обоз двинулся по реке. Конечный пункт – Сангальский леспромхоз, в сотне километров санного пути. Это предприятие, промышленное производство, потому какие-никакие деньги там были. Продали мясо оптом по восемь рублей за килограмм. Булка хлеба стоила в то время пять рублей. Привез председатель шапку денег. Никаких финансовых изменений в нашем колхозе не наступило.

Раньше бывало, когда овцы свои были, шерсти овечьей хватало на рукавицы, на валенки, шарфы. Делали валенки самокатные, которые носили больше десяти лет. Чтобы описать, сколько и какие вещи изготавливали сибиряки из овечьей шерсти, не хватит и листа тетради. А ведь эти самодельные вещи из овечьей шерсти позволяли выжить людям в этом суровом сибирском краю. Не стало овец – не стало такой необходимой шерсти. Поехали за ней далеко. Поехали далеко. Даже с попутчиками заказывали шерсть в город Томск...

О лошадях

На страницах своих воспоминаний хотелось бы поговорить о таких прекрасных и умных животных, как лошади. Это верные спутники человека. Сколько помню себя, мир лошадей вошел в мою жизнь всецело и неотделимо со всей красотой и неотвратимой правдой. Мальчишеская память, как гениальный художник, рисует картины русской действительности. Видишь на этой картине переселение русского крестьянина-труженика, изработанного, изнуренного тяжким трудом, с надорванными жилами. Видишь и всю его семью, сидящую возле телеги в летний день за нехитрой трапезой. Видишь, как на фоне молодой зеленой травы, под голубым небом с плывущими по нему маленькими белыми кучками облаков, стоит корова-кормилица, исхудавшая, привязанная веревкой за телегу. Вечная кормилица крестьянской семьи. Тут же пасется лошадь, уставшая от долгого пути. Делай вывод: что важнее русскому переселенцу дотащить до места будущего проживания корову или лошадь? То и другое значимое, очень важное. Корова даст молока – дети будут жить. А лошадь-трудяга сейчас везет скарб. А даст Бог, доберется семья до нового места, лес поможет корчевать, землю вспашет, поможет крестьянину дом построить. Вместе будут тянуть трудовую лямку. Даст лошадка со временем и свое потомство. Без коровы семье с детьми очень трудно. А без лошади нет жизни, нет движения вперед.

С приближением весны снег начинает подтаивать, дороги становятся труднопроезжими, а потом совсем не проезжими. И лошадей в эту пору освобождают от работы. А во второй половине апреля их отпускают на волю. Лошади покидают деревню. Табун лошадей, возглавляемый жеребцом красивой масти и чистокровной породы, уходит от деревни подальше. Теперь они – семья, со своими природными законами. Уходит табун лошадей от общения с человеческим родом, чтобы слиться воедино с природой, почувствовать себя в первобытном состоянии.

По мере уменьшения снега в поисках корма табун все дальше уходит от деревни. Освобожденные от работы, за короткий период времени лошади начинают поправляться, бока лошадей начинают округляться, кожа блестит, лоснится. Бег их становится резвым, глаза горят красным огоньком. Начинают заигрывать с предводителем кобылицы: как бы нечаянно его коснутся или вообще положат свои красивые головы на его изящный круп. Жеребец вытягивает свою длинную шею. Красивый, с распущенным до земли хвостом, начинает он резвой рысью кружить вокруг табуна кобылиц, опустит морду, почти касаясь земли. Обежит так несколько раз, оценивая каждую, решая, кому отдать предпочтение в любви. Чувства переходят в спаривание. Красота продолжает красоту.

Жизнь рядом с человеком, с уздой и бесконечными заботами осталась далеко за горизонтом. А тут – жизнь настоящая, неповторимая, на воле, при табуна!

А современный человек сам себя задавил информацией: телевизионными новостями, звонками по

мобильному телефону, интернетом и рекламой. Утомленный всем этим, произнесет фразу: «Устал, как лошадь!» Хотя и лошадь никогда наяву не видел. Ну а если, в самом деле, устал, только лошадь-то причем?

Загрузил себя человек-наездник. Весь день в быстром беге. Не видит впереди никакого просвета! Выберет время съездить за кордон на горячие прибрежные пески, на некоторое время избавиться от повседневных дел, от гнетущих забот – и снова все сначала! Полюбуется чужой, не русской природой, вроде, как и отдохнул, как бы сорвал цветок за околицей своей деревни. Живет человек, и нет времени на душевное приветствие:

– Здорово были! – говорили наши и ваши деды.

Сейчас же только чуть мотнет головой, а может, даже и нет, просто чуть заметно моргнет, хлопнет ресницами, куда-то устремленных бессмысленных глаз. Не то, что поговорить – поздороваться некогда! А так хочется увидеть иные дела, других людей.

Уже в начале лета начинают деревенские мужики искать лошадей, где в каком месте, в каком урочище они находятся. Табун ищут молодые парни верхом на лошадях, потом гонят его впереди себя в заранее приготовленный из жердей пригон. Найденные лошади ведут себя, как будто никогда не знали узды: дико сверкают налитыми кровью глазами, гривы длинные, неухоженные, хвосты вздыбленные, изо рта рычащий хрип, на губах пена с пузырями. Тон всему этому поведению и настроению задает предводитель - жеребец. Жители деревни от мала до велика участвуют в загоне лошадей в нужное место.

Наконец, ворота пригона закрываются, жеребец отделяется от табуна, водворяется в специально построенное стойло. Любопытные ребятишки лезут на изгородь пригона, всматриваются в изменившихся лошадей. Взрослые тоже смотрят на них с удовлетворением в душе. Они-то знают, что как только начнется деревенская страда, вся эта настоящая краса пройдет, как цвет с опавших роз. Сейчас же вдоволь хотелось налюбоваться на эту природную красоту.

Помню, будучи совсем еще мальцом, немногим более шести лет, в середине лета, стою, прижавшись к теплой стене амбара своей спиной, в глаза светит солнце и греет грудь. Думаю сам себе: «Вот какой я смысленный! Одновременно греюсь с двух сторон!» Щурюсь, трудно смотреть навстречу яркому солнцу. А в это время проходит мимо молодая кобылица со своим двухнедельного возраста жеребенком. Жеребенок подбегает ко мне, смотрит своими глазками, затем разворачивается ко мне задом и лягает меня прямо в грудь! Наверное, не столько было боли от удара копытцем, сколько испуга от неожиданности. Кричал и плакал я, как будто пришел конец моей жизни! Долго бы еще издавался мой истеричный плач, если бы вдруг внезапно не раздался смех видевшего всю эту картину парня лет семнадцати. И тут все само собой кончилось: и боль, и рев, стало понятно, что со мной ничего страшного не произошло.

За свою деревенско-колхозную жизнь пришлось много поработать на лошадях, считай с самого раннего детства. Чтобы правильно обращаться с этими умными

животными, нужно было набираться опыта и понимать привычки и характер каждой лошади. Только такое познание животных делает работу интересной и увлекательной. В зимнее время часто приходилось работать на шести лошадях, чтобы в течение зимы регулярно возить сено общественному скоту. Получалось шесть повозок, но далеко не каждая лошадь хотела идти первой, возглавить данный обоз. В таком случае приходится ставить ее второй, третьей, а заставить ее идти первой практически невозможно. Будет куражиться, вредничать до тех пор, пока не добьется своего. А другая лошадь ни за что не хотела идти последней. Бьешься, бьешься с ней – ничего не выходит! И приходится находить ей другое место в обозе. Есть и такие лошади, которые с любого, даже совсем небольшого пригорка не могут сойти спокойно. В таком случае обязательно надеваешь на нее шлею, и тогда она осторожно, шаг за шагом, помаленьку спускается с пригорка, волоча за собой сани, груженные сеном. А иначе на нее нападает страх, она мчится с пригорка, что есть мочи, во всю прыть, может поломать оглобли или перевернуть воз. Надетая на лошадь шлея помогает спустить с горки воз плавно и безопасно.

Помню, был у нас в бригаде конек по кличке Огонек. У него были свои причуды. Бывало, стоят лошади возле стога и ждут своей очереди под загрузку. А когда наступает его черед – нет Огонька, и след его простыл! Он ушел к следующему стогу, стоящему в метрах ста. Бросаешь всю работу и бредешь по глубокому снегу за ним. Это

повторялось каждый раз. Стали его привязывать за предыдущие сани.

Помню одну лошадь по кличке Крыса. У нее особенный характер. Была она белой масти. Пока запрягаешь – ведет себя спокойно, берешь вожжи в руки – стоит. Но стоит только одну ногу поставить в повозку, она, в одно мгновение, как ошпаренная, берет с места в полный карьер! Этот трюк очень опасный, и для ямщика может кончиться плохо. Учли такой ее выпад, и когда ездовой, брал в руки вожжи, он просто падал без промедления в повозку и удерживал ее натянутыми вожжами.

Вообще надо сказать, что лошади – животные большого развитого ума. В этом мне приходилось убеждаться много раз. Однажды мы ехали верхом на трех или четырех лошадях. Нам было по девять-десять лет. Решили мы устроить гонки. Дорога была с большими изьянами, вся в колдобинах, в отдельных местах даже были пеньки. Лошади, почуяв азарт, разрезвились, разгорелись. Началась скачка, которая с каждой секундой становилась все отчаянней! Лошади обгоняли друг друга и не хотели уступать первенство. Помню, в момент бешеной гонки моя лошадь по кличке Вьюга обо что-то споткнувшись, упала, перевернулась, и я, не успев испугаться, оказался распластным на земле. Лошадь, на которой я стал исполнителем каскадерского трюка, была быстрая и очень резвая. Во время этого трюка она сделала все возможное, чтобы не покалечить мое маленькое тело. Только остались чуть заметные, тонкие в нитку ранки на моей спине, в районе позвоночника.

Был один сенокосный луг, принадлежавший нашей деревне. Мы на нем ставили до ста стогов сена. Ровный он, как ладонь, чистый. И вот мы, ребяташки, бывало, любили устраивать на нем конные соревнования, как сейчас профессиональные спортсмены говорят, конноспортивные игры. Соберемся человек по пять или восемь, и каждый берет свою лошадь. Раззадориваем друг друга: «Давай наперегонки! Моя лошадь сильнее! Моя сноровистее!» И пошло! И закипела страсть ребяташек и лошадей! Общий заезд был не менее одного километра. Потом начинались одиночные, индивидуальные заезды. Бывало, встанет Юра Крымский босыми ногами на седло Вьюги, в руках повод узды и скачет во весь карьер! И ничего – все обходилось. Вот такие деревенские забавы.

Бывало, отработаем весь день на сеноуборке. Уставшие после трудового дня идут с лугов женщины. С песнями, едва слышными. В руках у них цветы. Необычной небесной красоты луговые цветы.

А мы, ребяташки поздним летним вечером едем домой. Сидишь на лошади. Лихо на душе! Дорога идет по лесу. Тогда, после войны, разного зверья расплодилось много. Держишься одной рукой за повод, другой – за гриву лошади. Временами душа уходит в пятки. Но неусыпна бдительность лошади. Прыдет ушами, постоянно шевелит ими, водит из стороны в сторону. Все свое зрение и слух животное направляет на выявление другого запаха и шороха. Лошадь не подведет, обнаружит опасность вовремя. Держишься ручонками, весь в напряжении, не дождешься, когда кончится лес.

Председатель колхоза после окончания войны ездил на племенном жеребце, запряженном в нарядную кошевку. Она была обычно покрашена в черный и красный цвет. Сбруа на лошадь шилась из кожи. Все элементы сбруи были из желтого металла. Вниз по сбруе были пущены мягкие кисточки из тонкой кожи. Дуга была довольно тяжелая и массивная, по всей дуге была выполнена узорная резьба, обязательно крашенная. На самом верху дуги были устроены маленькие кольца для колокольчиков. Красивая, резвая, энергичная лошадь, запряженная в кошевку, выглядела необычно, очень красиво, глаз не оторвешь!

Отдельно хочется рассказать о жеребцах. В день появления жеребенка правление колхоза получало сообщение от конюха. Кличку жеребенка записывали в общую тетрадь: Астра, Кочубей, Рыбак, Котофей, Баранчик, Лось, Машка, Сливочник. Все эти клички соответствовали конкретному эпизоду или случаю из жизни. У нас одна кобылица принесла жеребенка 9 мая 1945 года. Жеребенок был необыкновенной красоты. Седой, серой масти в яблоках. Был он резвым и энергичным. Родившийся в такую знаменательную дату жеребенок при общем согласии очень в колхозников получил кличку Победитель. Изо дня в день он подрастал, набирал силу и рост. Он очаровывал своим бегом. Когда Победителю исполнилось немного больше года, он начал проявлять свою силу, вступая в единоборство с бывалыми жеребцами. Решено было оставить его производителем, ведь для этого просматривалось много качеств.

При коллективизации, когда из единоличных хозяйств создавалось общественное колхозное стадо, вели со своего двора лошадь в колхоз, а иной раз и силой брали. В связи с этим в хозяйстве появились лошади с кличками Костин Сивка, Степанов Лось, Котофей Федин, Богатырь Фролы, и так далее. Лежит на печи старый Филарет скулит, хнычет, приговаривает:

– Как же я без тебя? И жизнь – не жизнь! Забрали босяки коня! Не жалеют, он ведь им не родной!

– Хватит тебе! Надоел уже со своими вздохами! Не ты первый, не ты последний! – вразумляет его старая Пелагея.

Как-то ранней весной солнце ходило высоко над горизонтом. Снег заметно подтаивал. Белоснежные дороги потемнели, стали бурыми. В это время приехал председатель Геннадий Павлович. В упряжке был выездной жеребец по кличке Буян. Председатель остановился возле усадьбы Кузьмы Евгеньевича. Кузьма, обрадованный приездом такого гостя, бегал вокруг Буяна, суетился, помогал распрягать лошадей с шутками-прибаутками, чтобы ускорить дело.

Слава Богу, война закончилась. Идет мирная жизнь. Труд с утра до вечера. Кузьма Евгеньевич хоть и не занят на прямых работах (слова «пенсия» тогда не знали), но в просьбах и заказах нуждающихся жителей деревни не отказывал. Поймает хорошую большую рыбу и раздает вдовам. Обувь он ремонтировал всем нуждающимся. А бывало и так, что сам напросится в помощники вдовам: сено поставить, дрова привезти. Последнее время стал дед Кузьма горилкой грешить.

Любил председатель заезжать к старому деду. Семья деда сильно уменьшилась: поженились, разъехались по соседним деревням его сыновья. Анастасия Панисовна, бывшая красавица, к тому времени сильно постарела. Она с большим почтением приветствовала председателя колхоза. На стол ставила мороженой осетрины, стерляди, чашку черной икры. Кузьма Евгеньевич под образами сидел, напротив – авторитетный Геннадий Павлович, как два друга за большим обеденным столом. После выпитой кружки первоклассного самогона привечали друг друга, слова мягкие, добрые, угодные душе говорили. Кузьма Евгеньевич в растяжку, нараспев со своей хрипотцой:

– Палыч, я ведь человек бывалый... не так просто жизнь прожил... не только паровоз видел, я ведь в райцентре, в Каргаске... с партийцами водку выпивал... – и, между прочим, цыкает на свою сторбившуюся старушку:

– Наливай, Панисовна! Не видишь что ли, ведь угощаешь не простых людей, понимать надо!

А Панисовна в ответ:

– Пятнало бы тебя пятном в сердце! Как я устала за шестидесятилетнюю совместную жизнь слушать твою болтовню!

Геннадий Павлович выпил еще кружку чистой как слеза, градусов восьмидесяти, самогонки. Выпитая самогонка разливалась горячим теплом по всему организму. Утряслось нервное возбуждение после встречи с вышестоящими руководителями. На какое-то мгновение мелькнуло чудовище в виде немецкого танка, и он – Генка, девятнадцатилетний нарымский парень, с автоматом в

руках лежит засыпанный землей. Полузарытый, но главное – живой. «Так, наверное, пока дышу, и буду воевать с фашистским танком...» Чтобы прервать бред военных лет, Геннадий вскочил на ноги, заметал черную икру ложку за ложкой.

– Палыч, родной! Что с тобой? – заволновалась Анастасия.

– Панисовна, закуска царская – грех отказаться!

А тем временем мы с Юрой, моим двоюродным братом немного повздорили, кому вести за повод на водопой Буяна. Фортуна оказалась на стороне Юры. Он держал жеребца за повод, бежал впереди Буяна, а я трусил замыкающим. Буян шел быстрым и крупным шагом, ему не терпелось перейти на рысь, но впереди был Юра. Надоело это Буяну. Схватил он зубами мальчишку за телогрейку, мотнул своей большой головой из стороны в сторону, и через две секунды Юра торчал из снега кверху ногами! А повеселевший жеребец, подняв высоко голову, крутой рысью бежал по озеру к проруби. А я брел по снегу освобождать своего незадачливого брата.

Сибирские жеребцы были сильные, очень выносливые. С началом войны стали забирать и сибирских коней. Везли их в область, а оттуда по железной дороге – на запад, где были бои. Сибиряки расставались со своими любимцами с тревожной грустью, подбирали ласковые слова, трепали их за гривы. Понимали, что дожидаться мужчин с фронта – невелик шанс, а лошадей – шанса нет никакого. Дорога в один конец! Этим можно объяснить, как мы – ребяташки, старики и женщины – радовались каждому

рожденному жеребенку. Жеребята, оберегаемые всей деревней, вырастали и давали потомство. В связи с этим мы знали родословную лошадей до седьмого и даже восьмого колена.

Вот так просто и незатейливо пробежала наша жизнь. Жизнь, пропечатанная от съезда к съезду, по Конституции, которую никто никогда не читал и даже в руках не держал. Все было, как прежде. Одно и то же ружье, одна и та же лошадь, один и тот же обласок. Вот только жизнь наша шла без нашей инициативы, по готовому сценарию. И сценарий этой жизни не нами писан был. За нас все уже было решено.

Прочитал я, будучи призванным в армию, в каком-то журнале рассказ – письмо о казаке. Мужчина разыскивал своего родственника, потерявшегося в гражданскую войну. В одной казачьей станице жил паренек, лет пятнадцати, Семен. Всем он радовал своих родителей и родственников потомственного казачьего рода. Воспитывался в чести, в трудолюбии, в любви к ближнему. Отличался парень послушанием. Обладал Семен огромной физической силой. В свободное от работы время особенно нравилось ему упражняться с двухпудовыми гирями. Играя с ними, делал он такие трюки, что у станичников порой дух захватывало! По роду и укладу жизни много времени проводил молодой казак с лошадьми, с этими умными животными. Относился он к ним с большой любовью, кормил их, чистил, ухаживал, ежедневно лошадей купал в воде Дона. Смотрели на него тятя с мамой и думали: «Славный растет казачонок!» Бывало, подходило время сбора овощей, разной бахчи, и вся домашняя челядь и родители заняты были сбором

урожая. Вся семья старается на заготовке кормов, несут по целому мешку. А он недовольный, что должен себя порожняком гонять, менее двух мешков не носил.

В самую летнюю пору по донским степям случилось проходить с музыкой, песнями и плясками табору бродячего цирка. Пошел наш молодой Семен в цирк посмотреть на представление диковинных трюков. Десять дней стоял табор с цирком. Столько же вечеров ходил казачонок смотреть их представления. Как нежданно-негаданно появился бродячий табор в станице, так же исчез в неизвестном направлении. Исчез из семьи, из казачьей жизни навсегда совсем еще юный Сеня. Любовь к цирку, с его сверкающими представлениями, с поразительными конскими трюками превысила всякую другую любовь. Так тянула его новая, приглянувшаяся жизнь, так завлекала его в своеобразный круговорот, что порвал казак со своим прошлым навсегда. Куда только не обращались родители в поисках своего сына! Ответы были такие: как будто где-то видели, что-то слышали. Года через два Семен прислал записку с попутчиками, что жизнью доволен, объехал много стран, столько много, что и не упомнить все. Стал главной фигурой цирка, знаменитым и успешным. Необыкновенная могучая сила, данная Богом, принесли ему славу. «Не ищите меня, тятя и мама, кровные мои родители! Пока жив, буду славить имя Бога, вас и Тихий Дон!» Дошли слухи, что в первую Германскую войну попал он на фронт в казачью роту. Воевал, как положено.

Летним вечером заканчивался тяжелый кровопролитный бой. Много осталось лежать на поле

сражения иванов и фрицев, простых тружеников земной жизни. Под казаком Семеном был серьезно ранен жеребец донских кровей – Верный. С тяжелым сердцем в связи с отступлением оставил он боевого друга, лежавшего ближе к немецким позициям. Ни еда, ни путные мысли не шли в голову от тяжелой потери. Нарушилась спокойная жизнь казака, все тело охватило мелкой знобящей дрожью. Убитый суматошными мыслями, казак среди ночи решился на отчаянный шаг. Оставив свою позицию, пополз Семен к раненому коню. Подполз. Увидел Семен, как из больших глаз жеребца закапали крупные слезы. Сжал казак в комок свою волю, богатырскую силу, взмолился Богу о помощи и взвалил на плечи беспомощного боевого товарища. Шаг за шагом, ища спасение своему другу, тронулся в путь к своей стороне.

Было раннее утро. Чуть-чуть забрезжил рассвет. Даже птицы замолкли, не издавали ни звука. Происходящее, размазанное туманом, видели с немецкой позиции и с нашей передовой. Немцы были в большом замешательстве, не могли ничего понять! На фоне тумана что-то громадное, неопределенной формы шевелилось и продвигалось в сторону русских. Наши казаки тоже видели все это. Но и в их сознании никакой ясности не наступало. Православные казаки, как и положено, в необъяснимых случаях, неистово крестились.

– Слава Богу, – думал Семен, – что не стреляют.

Продвигался все ближе и ближе. Вот и рубеж! Вылечили боевого коня ветеринары роты, но воевать признали не годным. Главное – жизнь коня была сохранена.

Весть о произошедшем дошла до командования дивизии, потом – армии. Много офицеров приезжало в казачью часть, посмотреть на казака Семена.

Ну а потом, в одном тяжелом сражении казак был сильно ранен. С поля боя его вынесли немецкие солдаты. Нога была разбита, он часто терял сознание. Операцию вел немецкий профессор-хирург. Ранены были также немецкие солдаты и офицеры. Профессор сильно устал от проведенных за день операций. Вытирая потный лоб, он спросил помощника-солдата:

– Много ли еще там?

– Нет, – сказал солдат, – один русский казак. Совсем молодой, ранен в ногу.

– Ну, давай его сюда на операционный стол, ногу емуотрежем – и все на сегодня, – ответил хирург.

Занесли, положили. Сапоги разрезали, стали снимать армейскую форму. У профессора округлились глаза, очки полезли на лоб. Он произнес, ошалевший от увиденного, словно в бреду:

– Сколько лет живу, много лет провел за операциями, повидал многое... Но такое... Это и телом не назовешь! Это же скульптура древнегреческая!

А потом добавил:

– Нет! Такую красоту надо спасти!

Тело у русского солдата было не гладкое и ровное, а все в буграх, мышцах, словно перевито веревками и канатами, подчеркивало большую, просто богатырскую силу. Всю ночь, не покладая рук, трудился немецкий хирург, восстанавливал поврежденную красоту тела. Долго

после этого лечился Семен, проводил все возможные тренировки. В конце концов, трудолюбие и воля сделали свое дело. Человек восстановился физически полностью. Потом сведения об этом человеке прерываются. В большей части причиной неизвестности стала смена общественного строя в России. Куда ушел этот человек, никому не известно.

Вот вроде и написал, как мог, рассказ о лошадях, об этих чудных и умных, наделенных красотой природы животных. Еще полвека назад жизнь человека и лошади была тесно связана. Эта связь оставила на века картину правильного поведения человека в жизни. Такой жизненный уклад повлиял на появление целого сословия казаков. Казачество занимало особое место среди других сословий. Благодаря гармоничному естественному развитию, особому укладу жизни, быту, шло благочестивое воспитание достойного молодого поколения. Честного, умного, без всякой фальши любящего родные края...

Заводы приняли

В больших сельских школах нашего района обучение стало семилетним. Справедливости ради нужно сказать, многие ребята и девочки не очень-то хотели получать большую грамоту. Четыре-пять классов – и достаточно. Быстро повзрослев, считали, что хватит ходить с матерчатой сумкой, набитой книгами, познавать науки. Многие так и не заканчивали семь классов. А после пятого-шестого класса начинали искать работу. Если удавалось, покидали свою деревню, порывали с колхозной жизнью.

В те времена вырваться из колхоза – не значило просто собраться и уехать. Нужно было получить разрешение, бумагу с печатью. Это было равносильно героическому поступку – броситься на горячий, стреляющий ствол пулемета. Нужно было написать заявление в правление колхоза с просьбой дать разрешение на выход из колхоза. В заявлении указывалась причина: отъезд в город Томск с целью учебы в ФЗО и поступление на работу на завод. После этого смельчаку предстояло выдержать серьезный натиск со стороны руководства колхоза и односельчан. Срочно собиралось общее колхозное собрание. На повестку дня становился вопрос о рассмотрении заявления о выходе из колхоза Ваньки, Ленки, Нюрки и так далее, которым отроду было четырнадцать-пятнадцать лет. И тут начиналась проработка! Голосование проходило в накаленной обстановке. Податель заявления все это время стоял на ногах, ожидая решения своей участи. Находилось

множество причин, по которым отъезд для решившего выйти из колхоза был невозможен. И горькие слезы текли из их глаз, заливали все лицо. Противоречивые чувства боролись в тот момент в душах подростков, совсем еще не искушенных такой новой и трудно объяснимой жизнью.

Вот и я собрался раз и навсегда порвать с прошлым. Оставить все, что дали родители и предки с многовековой историей. Становилось не по себе, бросало в озноб, хотя на улице было начало лета. Чувство привязанности к своим корням заставляло громко стучать в висках сердце, захватывало дух. А другое чувство настойчиво стучало и кричало, что пора убежать от бесплатной принудительной работы. Забыть пьянящий густой запах лугового чая, скошенной травы, забыть все виды промыслов, охоту и рыбалку, забыть навсегда запах пота умницы-лошади, не видеть восхода и захода северного солнца! Плакала ничем не испорченная, незрелая душа, заливалась сладкими слезами! Но очень уж хотелось в город, о котором ничего не знал. Хотелось новой жизни.

На таких собраниях многие колхозники голосовали против отъезда молодых людей. Они считали, что все односельчане также должны продолжать безропотно трудиться, ничего не получая за свою работу, не пользуясь преимуществами наступающей цивилизации. По советской Конституции дети никогда не писали заявление о приеме в колхоз. Это делали их родители. Насколько это было добровольно – знает только история. По закону подростки не являлись колхозниками. Очень редко, но случалось, что молодые люди общим собранием отпускались из колхоза.

Им на руки выдавался документ, заверенный в сельском совете печатью.

Отпущенный отрок, прибывший в город, мог вполне законно получить паспорт, поступить на учебу или устроиться на работу. Кто был смелее, тот, несмотря ни на какие препятствия и трудности, уезжал в город. С собой брал и берег, как зеницу ока, «Свидетельство о рождении». В документе этом бывала масса разных ошибок. Родильных домов тогда не было, поэтому роды принимала повитуха. Где застанут родовые схватки, там и рожали: случалось, и в конных санях, и в лодках, и в стогах сена, и в тальниках. Снег или комары – ничего не боялся рождающийся. Пополнялась страна новорожденными. Помнила ли о них страна? Да! Помнила! Помнила, когда нужны были солдаты для защиты Отечества и для великих строек. Доберутся до сельсовета, чтобы оформить рождение ребенка по документу, называют дату появления ребенка, а сами точно уже и не помнят: не то третьего, не то тридцатого. Документ уберут в укромное место и лишний раз в него не заглядывают. Дни рождения детей тогда не отмечались. Живут, ну и хорошо, что живут. Пусть так и будет.

Покидали деревню ребята и девчата летом. Учеба в школе прекращалась. Садилась они на пассажирский пароход, покупали билет на деньги, с большим трудом собранные матерью. Пароходы были колесные, сделанные в купеческую бытность. Надежные пароходы с шикарной отделкой кают первого класса. Топились котлы пароходов дровами, но чаще углем. Через трое суток нога беглецов, вчерашних колхозников, ступала на речной причал города Томска.

Таким путем бежала из колхозной деревни первая моя сестра, Нюра. В деревенском одеянии оказаться в областном городе! В руках чемодан защелкнут палочкой. Это еще в лучшем случае. А то – просто перевязан веревочкой. Глаза девчонки горят. Все вокруг себя с любопытством рассматривает. Все интересно, ново, незнакомо. Но теперь нужно как-то добраться до местечка Плетневка. Доверчиво пытается расспросить девчонка об этом деловито шагающих горожан. После нескольких попыток кое-как понимают друг друга городской и бывшая колхозница, как добраться ей до нужного места. Ну как это у них в городе все запутанно! В тайге и то проще! Туда посмотрел, сюда, птиц послушал – иди дальше спокойно. Больше шла пешком с пристани, чем ехала на автобусе. Удачно нашла нужный дом.

– Тетя Валя! Это я, Нюра из деревни Пристань, – обратилась сестра к хозяйке дома. Пожилая женщина обрадовалась гостье, долго расспрашивала о деревенском житье-бытье, о родственниках и знакомых. Потом показала Нюре ее комнату, где ей предстояло жить. Так, постепенно, спустя время все три мои сестры из далекого колхоза оказались на квартире у гостеприимной тети Вали. Стали девчонки городскими.

Парням выбраться из колхоза было проще. Достигнув призывного возраста, ребята уходили в армию. Служба продолжалась три-четыре года. Потом после армии ехали в Томск. Многие ребята, демобилизовавшись, стали работать на заводах и фабриках. Имея на руках военные билеты, они могли получить городскую прописку. Устраивались жить

в общежития и частные дома. Так деревенские парни становились жителем города. Когда подошел мой черед, я тоже прошел все эти этапы. Многие не боялись получить образование, учились в техникумах или институтах. Надеялись они только на свое трудолюбие и выносливость. Ведь студенту обязательно нужна была материальная поддержка. Получить эту помощь было неоткуда. Отцы ребят погибли на фронте, матери-колхозницы, изработанные, рано состарившиеся, просто не имели денег. Мы, работая, надеялись получить вечернее или заочное образование. Впереди была вся жизнь. Город принимал всех.

В те далекие годы в Томске еще было много улиц и мест с сохранившимися старыми названиями: Обруб, Заисток, Волчья Заимка, Черемошники, Пески... Но все чаще привычные названия замывались, подменялись. С наплывом жителей из сельской местности в большом количестве появились новые переулки, целые улицы с характерными названиями: улица Асиновская, переулок Шегарский, переулок Зырянский, Парабельский, Нарымский... Частные дома люди строили в большом количестве, а улицам присваивались наименования своих бывших деревень. Советская власть целенаправленно увековечивала имена видных партийных и советских деятелей в названиях улиц: проспект Ленина, проспект Фрунзе, улица Бела Куна, улица Интернационалистов. Проходила одна смута, на смену ей приходила другая. Менялись названия парков, скверов, улиц. Менялся внешний вид города. Люди тоже менялись, как могли,

подстраивались. Старое, самостоятельное, уверенное и твердое заменялось временным, несуразным, несерьезным.

Жизнь молодых людей, покинувших свою малую родину, была беззаботной, уверенной, рвущейся вперед, полностью соответствовавшей планам области и государства. Работали много. Были предприятия даже с круглосуточным режимом. Жить было можно. На базаре были любые продукты. Ведро картошки стоило пять рублей, селедка меньше одного рубля за килограмм. Жилье освещалось электрической лампой. Было радио. В вечернее время – танцы. Все девчонки переодевались в новые платья, туфельки с белыми носочками. Баянистов и гармонистов было хоть отбавляй! Забыли девчонки про деревенскую парфюмерию: густую разжиженную сажу да красную свеклу. Все было по-настоящему, по-городскому: пудра, губная помада, тушь, духи «Гвоздика», а для мужчин – одеколон «Тройной». Для согрева тела, для бодрости духа перед танцами немного принимали перцовки, дешевой водки. А утром чуть свет на работу. Общественного транспорта не хватало, да не беда! Молодые ноги по бульжнику бегут, донесут до родного завода. С песнями и шутками встречали каждое утро.

На танцевальных площадках в городском саду или просто в цеху завода происходили знакомства милые сердцу. Часто просто оценивали друг друга по внешним качествам. Он высокий, да еще играет на баяне, а она – веселая хохотушка, работающая. Соединялись в пары, так и создавались новые семьи. Семьи очень часто были непрочные, следовали разводы. Кроме детских домов для

детей военных лет появились первые детские интернаты. После войны многое строилось: и предприятия, и жилье, но тут же шли и большие изменения. Заводы расширялись, колхозы перерастали в совхозы, доходили до своего апогея. Потом все это начинало сокращаться вплоть до полного разрушения. Во всех делах прослеживалось непостоянство.

Как-то давно я участвовал в ремонте проводки в старинном здании Томского краеведческого музея. В подвальном помещении я увидел голову от скульптуры Сталина, которая лежала прямо на полу. Посмотрел я и подумал:

– Скоро здесь будет еще одна голова.

Было это в сентябре-октябре 1964 года. Вскоре Хрущев был снят со всех своих постов.

В одной из комнат подвала краеведческого музея хранились архивные документы, газетные и печатные издания. В этой комнате в стене была железная дверь с красивым кованым узором. За этой дверью оказался подземный ход со сводчатым потолком. Хранительница архивной комнаты объяснила, что это ход расположен под проспектом Ленина, когда-то бывшей Миллионной, под зданием Дома Офицеров и идет дальше за Исток. Добавила, что год назад приезжала московская комиссия, пыталась обследовать состояние подземного хода, выяснить, куда он ведет. Но эта экспедиция не могла справиться с задачей перед ней поставленной, потому что проход оказался сильно загазованным. Хранительница архива рассказала интересную легенду. За Истоком, недалеко от магазина «Колокольчик» и общежитий мединститута современных

девятиэтажных по Московскому тракту было озерко. Через него был перекинут мостик изящного вида. И вот на этом мосту между русскими томичами и заисточными татарами проходили кулачные бои. Такая была потеха: бить друг друга в грудь, кто сильнее. Постепенно рвение и задор разгорались в болеющей толпе, и драка, начатая потехи ради, перерастала в сражение. Шли толпой заисточные на русских, русские – на татар. А подземный ход секретного назначения вел в подвал двухэтажного дома. Внезапно, откуда не возьмись, в самый разгар битвы выскакивал отряд русских молодцов в человек пятьдесят, и решал исход битвы в пользу русских. Озеро, на котором происходили кулачные бои, а затем побоище, находилось на месте, где была загородная автостанция.

Много всяких историй о городе, о его жителях хранит моя память. Делились ими со мной древние старики, родившиеся еще в XIX-м веке. Вписаны эти истории и их рассказчики в моей памяти надежнее, чем чернильные строчки в записной книжке.

Из деревень уезжала вся молодежь. Мужчины, ушедшие на войну, не вернулись, а женщины – их вдовы, всю жизнь занятые непосильным трудом, вырастив детей, полностью потеряли свое здоровье, оказавшись малопригодными для дальнейшей жизни. Деревня оказалась обескровлена. Чтобы как-то сохранить село, даже не село, а сельскохозяйственное производство, власти придумали объединять деревни. Из нескольких деревень, свезенных в одну, усиленной мощью техники, получались

более или менее дееспособное хозяйство. А затем на смену колхозу пришло новое предприятие – совхоз.

Город быстро пополнился молодыми людьми, выходцами из деревни. Болит материнское сердце о детях, живущих вдали от родного дома новой городской жизнью. Бывало, мама соберет маломальскую посылку, аккуратно положит все это в деревянный с фанерными стенками чемодан, благословит меня и отправит на пароходе в трехдневное путешествие по реке в Томск. Нужно передать моим сестренкам гостинцы от мамы, кое-что от односельчан родственникам, работающим на заводах. И вот я в городе. Он встречал меня запахом горячего асфальта, бесконечным шумом, мельканием проезжающих машин, людьми, одетыми в иную одежду, не деревенскую. Продвигаясь вперед, я то и дело расспрашивал встречных о месте с названием Плетневка. Путь, по которому я шел, большей частью был уложен брусчаткой, чем асфальтом. Шел и шел переулком Совпартшкольный, рассматривал старинные здания. Заглядывал на верхние этажи, любовался красивой работой древних мастеров. Зазевался и неожиданно споткнулся, из пальца ноги пошла кровь. Не помню, во что я был обут, что при ходьбе сорвал ноготь. Завязал ранку. Прихрамывая, пошел я дальше по переулку и увидел на своем пути пивную. Остановился. Здесь же рядом продавали мороженое и газированную воду! Я взял молочное мороженое! И на этом запас моих денег кончился.

Я с удовольствием уплетал мороженое и наблюдал за тем, что происходило в пивной. Внутри строения стояли несколько бочек с пивом, а на столе – много кружек из

толстого стекла. Очередь была в несколько человек. Мужчины подходили, выпивали и уходили. В это время подъехал шофер на машине-полуторке. Одет он был в кожаную куртку. На руках – не виданные мною ранее кожаные краги. Поздоровавшись с порога со всеми, он пошел к прилавку. Народ в очереди отступил назад, уважительно пропуская шофера. Машин в то время в городе было очень мало, их можно было сосчитать по пальцам. Шофер выпил кружку пива и пошел к выходу. Вся публика пивного киоска почтительно проводила его взглядами.

Решил я, что пойду пешком до Плетневки. Еще час ходьбы по городу – и я был на месте. Радостно встретили меня моя сестра. Обнимала, целовала своего братишку Ванюшку! А улыбчивая хозяйка все удивлялась и приговаривала:

– Да, деревенский он и есть деревенский! Тащил на себе через весь город чемодан, груженный вяленой, сушеной, копченой рыбой! Да тут еще и икра!

Вечером с работы пришли еще две сестры.

– Ваня, братик! Завтра пойдем отдыхать на наше любимое место. На Белое озеро! Там так красиво! Ты только потерпи и увидишь, что мы нисколько не обманываем!

Утром, позавтракав, мы пошли на Белое озеро. На берегу было много народу. Все хорошо одетые. Мамы гуляли, не спеша, с детьми. Тут и там стояли переносные лотки с мороженым и газированной водой. Я в своей жизни ничего подобного не видел, поэтому вкус мне казался невероятным! Там же, в стороне, среди старых больших

деревьев был построен летний кинотеатр. Конечно, просмотр фильма был обязательным мероприятием в программе выходного дня.

После прогулки вокруг озера, мы поехали на городской базар. Этот объект был в центре городе, на берегу реки Тотьма. Поразил меня этот базар необычной архитектурой. Построен он был в старое купеческое время в форме большого квадрата. Здесь было много магазинов, торгующих сельскохозяйственными продуктами: мясными, молочными, фруктами, а также одеждой и алкогольными напитками. Каждая дверь и окно магазина закрывались коваными ставнями. К базару примыкала большая базарная площадь, а по периметру стояли деревянные, кирпичные одноэтажные здания: магазины, склады, амбары, небольшие помещения, предоставляющие всякие бытовые услуги. На площадь имелся въезд и выезд. Вся площадь кипела от народа. Тут и лошади, и коровы. Под ногами попадался навоз. Невообразимый базарный шум стоял вокруг! Чем только не заставлена, какими товарами не изобиловала торгующая площадь: картошка, помидоры, капуста, лошади, сено, овцы, коровы.

Очень многое и необычное для себя я повидал в этот день. И до отвала наелся мороженого. К вечеру у меня поднялась температура. Сильно заболело горло. Мои сестры очень обеспокоены были этим. Очень испугались, что я заболел, собрали меня и повезли показывать врачам. Больница № 1, куда я был доставлен, находилась на улице Красноармейской. Так я попал в руки городского врача. Врачом оказалась женщина полного телосложения,

преклонных лет, как я узнал позже, с фронтовым стажем. Усадила она меня поудобнее на кровати, поглаживая по голове, сделала необходимый медицинский осмотр.

– Ванюша, – обратилась врач ко мне. – У тебя острейшая ангина. Жизнь твоя вся впереди, не будем вредить твоему маленькому сердечку. Гланды удалим без наркоза.

Еще раз погладила меня по голове и ушла готовиться к предстоящей работе. Тут же мне была сделана операция. До сих пор помню, как маленькие искорки густым скопом летели из моих глаз! Наркоза не было. Потерпеть при операции пришлось на совесть. При обходе женщина-врач ласково осматривала меня и говорила ободряющие слова. А в это время моя старшая сестра досаждала врачам:

– Как там мой братик? Как его состояние? А он будет жить? Смотрите, вы будете за него в ответе!

Мне было как-то неловко. Ну что поделаешь, такой беспокойной была моя сестра! Несколько раз мне по разным причинам пришлось ложиться в больницу для лечения. Заболевания были и серьезными, и не очень. Несколько раз приходилось лечиться у врачей, побывавших на войне. Я очень благодарен Богу, что судьба меня сводила с ними. Это были специалисты, в совершенстве знающие свое дело, люди немногословные, думающие. Другой раз, чтобы установить точный диагноз приходилось потратить немало времени. Женщины почти все были курящие, да и по внешности и по характеру чувствовалось их фронтовое прошлое.

Время, отпущенное на свидание с сестрами, закончилось. Нужно было возвращаться в свою деревню. Уехать, чтобы на следующий год повторить поездку в город Томск, но уже вдвоем с двоюродным братом, Юрой Крымским. Мы были с ним одноклассники, он старше меня был всего на восемь дней. В компании с братишкой паровозное путешествие было более интересным и насыщенным. Вот и город Томск. Дорогу до Плетневки я запомнил хорошо. Мы с братом благополучно добрались до места. Радовались нашему приезду сестры и тетя Валя.

Мы с Юрой часто были предоставлены сами себе. Нравилось нам изучать город с его улицами и переулками. Любили путешествовать на трамвае. Протяженность железной линии была совсем не большая, до остановки «Площадь Батенькова». Да мы и предположить в то время не могли, что когда-нибудь она будет проходить через весь город. Когда погода была жаркая, мы часто купались в Томи и Ушайке. Вода была настолько чистая, что ее можно было даже пить. Мы с Юрой – дети самой настоящей первозданной природы. Нас неведомой силой тянуло к воде. Мы были рады, что река протекала совсем рядом. В городе нам особо нравилось бывать на городском базаре, погрузиться в наблюдение за его шумной и суетливой жизнью. От Плетневки до базара добирались пешком, бежали рысью, реже ехали на автобусе.

Однажды, прибыв на базар, перед самым входом мы оказались рядом с группой мужчин, распивающих спиртное. Мужики были одеты в одежду военного покроя. Мы поняли, что эти люди побывали на войне. Место, где

фронтвики распивали водку, было небольшим и не ухоженным садиком. Невысокие кусты смородины, шиповника будто маскировали покалеченных героев войны. У одного нет нижней части лица, выбит глаз, у другого нет ноги, у кого-то – руки. Кто заглянет в их глаза, поймет, что их благородная чистая душа нуждается в ремонте. Но кто ее утешит и излечит? На траве в садике валялось много бумаги, мусора. Тут же на земле, нагретой солнечным летним днем, спали две приبلудившиеся собаки. По поведению, по отрывистым фразам мужчин было видно, что они не живут, а скорее доживают эту жизнь, в которой они хватили лиха сполна. Мы из детского любопытства остановились возле фронтвиков. На траве валялась бутылка водки, закуски почти никакой. Один из них, сидящий на траве, скорее всего старший по званию, уставился на нас:

– Ну-ка, пацаны, подойдите сюда, – мы сразу же подошли. – Вот вам деньги, сбегайте в булочную, принесите сайку.

Мы побежали. Булочная эта была встроена в стену завода резиновой обуви. В настоящее время здесь расположен главный вход в Богоявленскую церковь. Уже через пять минут мы вернулись с купленной сайкой для трапезы после выпитой водки. Так повторялось каждый раз, когда мы оказывались рядом. Иногда по их просьбе мы приносили зеленый лук и щепотку соли. Это было почти каждый день. Мы приезжали на базар и как бы даже не по своей воле оказывались рядом, значительное время проводили невдалеке от них, выполняли их просьбы.

Обычно группа состояла из трех-четырех человек. Иной раз к крепко захмелевшей компании подкатывал безногий фронтовик, калека-колясочник. Водку ему наливали, молча, с согласия всех. После выпитой дозы начинался тяжелый, раздирающий душу разговор о недавно пережитой войне, о госпиталях, об атаках кровавых на последнем вздохе. Брызгая друг в друга слюной, ударялись они в воспоминания. Как снаряды летели маты и слезы.

– А ты помнишь, когда мы познакомились с тобой, ты мне говорил, что академию оканчивал? – говорит один.

– Да, помню. Я ее окончил. Это академия Фрунзе.

– Мы ее с Федей тоже оканчивали, – отвечал другой.

Мы с братом из этого разговора ничего не понимали, но все равно стояли и слушали.

На углу проспекта Фрунзе и улицы Красноармейской был большой базар, как продовольственный, так и вещевой. И вот на этом базаре фронтовики пытались развеяться от ужасных воспоминаний, отогреть свою израненную душу, старались напиться и забыться, хотя бы до утра. Нужны были деньги на выпивку. А где их взять? Вот и пропивали герои войны свои боевые награды: ордена и медали. У них выработался свой лексикон. Да, заканчивали они академию Фрунзе. После этой академии уже не сияли и не сверкали ордена на груди боевых защитников Отечества. Виднелись только проколы для них на защитных гимнастерках и френчах бывших офицеров. Немного они просили у своего Отечества: какой-никакой угол в коммуналке, немного водки, хлеб с солью и помощь врача.

– Слушай, – говорит старший из компании. – Видел недавно героя с Московского тракта. Пятнадцать суток он отсидел. Живет на Московском в деревянном доме на первом этаже. Каждую весну его топят. Он пол поднимает, а вода прибывает все выше и выше. Не выдержал мужик, пошел в горисполком. Там применил рукопашный бой, который его выручал не раз. Гонял по коридору кого надо и не надо, крушил стулья, столы, кричал, называл небитыми, шел в наступление, пока контузия не взяла свое. Но все хрипел, через стон выдавливал из себя всю обиду, попранный несправедливостью:

– Мы там рисковали жизнью, умирали! А вы тут во всем кожаном! Окапались! Отъелись!

Наконец, силы его закончились. Уволокли его куда-то. Пятнадцать суток ночевал в кутузке. Работал на принудительных работах.

Все это было. Пришел герой после отсидки в свою квартиру. Вода ушла. Пол осел. Плесень осталась. И ржавчина в душе, которую нужно прятать и жить как-нибудь с опущенной головой, тоже осталась!

Прошли они с боями пол-Европы, совсем еще были молодые. После трудных боев шли парадом по красивым улицам. Шагали вперед, чтобы третий раз взять Берлин во славу русского оружия! Гремела музыка духовых оркестров! Море цветов, как разноцветная стая птиц! Под ногами звенела брусчатка. Чеканя шаг, шли молча. Качались знамена, на груди горели золотые Звезды Героев.

А на обочине среди освобожденных людей стоял старый русский казак, смотрел на победителей во все глаза.

Крупные слезы текли сначала по лицу, потом по кудрявой белой бороде.

– Родные! Русские!– шептали его губы.

Тоскливые мысли щемили его сердце. Даже запах пота, идущий от них, казался родным и милым.

– Все отдал бы, – как молитву твердил огромный боевой казак в георгиевских крестах, – чтобы упасть на родную землю, целовать ее, смоченную слезами, и лежать в придорожной крапиве на своей милой несчастной Родине...

Бал

Вспоминаются далекие детские годы, как будто закрытые нежной пеленой прожитых, давно минувших дней. Шел 1949 год. Был пасмурный день самого начала мая. Раннее утро в небольшой нашей деревушке Пристань начиналось, как всегда. Кто-то уже приехал в обласках с рыбалки и привез рыбы. А это значит, что все домочадцы сегодня будут сыты. Многие управлялись по хозяйству с домашней скотиной. Основная часть населения деревеньки привычно выполняло обычную текущую колхозную работу.

Река Обь освободилась ото льда. Вода сильно разлилась и теперь шла на прибыль. И вот в это утро неожиданно, без всяких предварительных сообщений, почти в центре деревни, благодаря большой воде, пристал паузок, ведомый небольшим катером. Жители нашей деревни стали быстро стекаться к месту остановки паузка.

С этого момента прошло почти семь десятков лет, а основное вспоминается четко и ясно. Перед глазами до сих пор картина, на которой кучка плохо одетых местных жителей. Верхняя одежда представляла собой на много раз чиненную, состоящую из разноцветных заплаток, ветошь. Обувь моих односельчан соответствовала их одежде: такая же разбитая, выдавшая виды. Вытянув свои шеи, и вытаращив свои ясные бесхитростные глаза на пассажиров паузка, коренные жители Пристани, аборигены и вечные чалдоны Нарымского края никак не могли понять, что это за люди к ним приехали. Рассматривали и нас прибывшие

на паузке незнакомцы. С улыбками на лицах, показывая на нас пальцами, они громко что-то говорили на не понятном нам языке. Показывали нам конфеты, протягивали их нам, потом стали бросать, крича при этом: «Пуйка!» Как потом мы узнали, это означало на их языке «мальчик». Так я, мальчишка, впервые в жизни попробовал конфету из рук «врагов народа».

Вот бросили трап на берег. Раздалась громкая команда сходить на берег. По трапу шли люди с ношами в руках, на спине. На лицах нет и в помине уныния, в глазах живые сметливые искорки. Были одеты они в не знакомую для нас одежду. На ногах хромовые сапоги, в которые заправлены шерстяные теплые галифе желтого и красного цвета. Большие тела обтягивали самотканые шерстяные свитеры, на головах картузы моды довоенного покроя. Женщины одеты были в шубы, пальто с меховыми воротниками. Впереди шел, как мы узнали позже, комендант. А завершал колонну сопровождающий их часовой с винтовкой. Мимо нас шли люди, готовые ко всему, позднее разделившие с нами суровые жизненные испытания. Кто-то из деревенских жителей перекрестился и сотворил молитву.

Этап во главе с комендантом прошел в сторону колхозной конторы. Приказ правительства освободить сосланные народы Прибалтики и разрешить им вернуться на родину пришел только в 1957 году. А пока нужно было обживаться. Работать по двенадцать часов в сутки и очень часто хоронить на погостах деревни, ставшей им новой родиной, своих родных и близких. Судьба нас, коренных жителей Сибири переплеталась с судьбами присланных к

нам народов Украины, Прибалтики, волжских немцев. Те и другие работали, не имея ни материального, ни морального вознаграждения по двенадцать часов в сутки, без отдыха, без выходных. Документов, удостоверяющих личность, кроме «Свидетельства о рождении», ни мы, ни они не имели. Ничем нарымчане не отличались от людей, сосланных по политической статье.

Так с нами в одной деревне стали проживать более десяти семей латышей. Мы полюбили этот народ, прекрасный как внутренне, так и внешне. Это были красивые жизнерадостные люди, никогда не унывающие, с задорными шутками и улыбками на лицах. Всех этих людей я помню: имена, их характеры, привычки, внешность.

Но хочется написать особо об одной латышской семье под фамилией Дамбитес. Глава семьи, Владимир Августович – могучий улыбчивый человек, хорошо говоривший по-русски в отличие от многих других латышей. У него было два сына – Улдис и Владимир, и дочь – Айда. Все они были очень высокие. Самый младший из них был ростом 185 сантиметров. Его жена, прибывши в Нарымский край нездоровой, вскоре скончалась. По этой же причине умерли многие из присланных к нам, не вынося сурового климата. Полураздетые, полуголодные по виду, казалось бы, могучие люди, один за другим уходили в могилу, найдя последнее пристанище в далекой сибирской ссылке. На время сборов латышам было дано два часа времени при неусыпном наблюдении сотрудников НКВД. Именно по этой причине сборы проходили очень спешно. Голова шла кругом. Стоял один вопрос, что из

вещей брать с собой? Одно было ясно – дорога предстояла длинная, в Сибирь. Многие взяли с собой в ссылку одежду, обувь. Застигнутые же врасплох люди не могли сообразить, что им по-настоящему пригодится, и брали с собой совершенно не нужные вещи. Владимир Августович, или, как его потом звали, дядя Володя взял с собой на место нового жительства очень много всевозможного инструмента: плотницкого, слесарного, кузнечного, рассудив так: «С инструментом я нигде не пропаду и везде пригожусь...» В скором времени как это подтвердилось! К помощи этого инструмента обращались жители нашей деревушки и, в первую очередь, правление колхоза. Это была воистину божественная помощь для всех нуждающихся. Дядя Володя от природы был прекрасным мастером, человеком трудолюбивым, с пытливым умом. К любой работе, стоящей перед ним, он подходил с творчеством, детально обдумывая каждую операцию. Работа в его руках выполнялась качественно и красиво, вызывая у людей одобрительные улыбки и слова благодарности. Пышущие здоровьем и искрящимся задором сыновья были под стать отцу, весь долгий день занятые работой. И, хотя работа в это время была нелегкой, они находили время для шуток и смеха.

Прошло совсем немного времени с появления латышей в нашей деревне, а коренные жители искренне полюбили их. Особенно по душе была всем семья дяди Володи. Отправляясь в ссылку в Сибирь, он прихватил с собой и музыкальные инструменты: скрипку и аккордеон. Все это характеризовало Владимира Августовича в глазах

местных жителей и самих латышей как человека необычного. Общаясь с ним, выслушивая его рассказы о том, что с ним происходило в разное время, все поражались этим удивительным историей. Время, проведенное в обществе дяди Володи, не было потрачено зря. Мы получали очень много необходимой и полезной информации.

После Великой Отечественной войны мужчин в деревне не хватало, всю самую тяжелую работу выполняли женщины. Даже колхоз временно возглавляла Трифонова Аксинья Ивановна, коренная жительница Нарымского края, человек с неиссякаемой внутренней энергией, очень трудолюбивая. Приглядевшись к дяде Володе, она предложила помимо основной работы в колхозе стать членом правления колхоза. Дядя Володя регулярно посещал заседания правления, но молчал, будто воды в рот набрал, ни по какому поводу не высказывался. Аксинья Ивановна однажды не выдержала и спросила:

– Владимир Августович, что ж ты на правлении молчишь? Ничего не советуешь?

– Так ведь я был членом совета колхоза до ссылки в Сибирь, в Прибалтике...

Председателю колхоза нечего было ответить.

Жизнь деревенская и колхозная шла дальше своим чередом. Мы, коренные жители по доброте душевной учили латышей всем приемам охоты, рыбалки, изготовления ловушек и прочим хитростям таежной сибирской жизни. Познать за короткий срок наш быт, приспособиться к нему и выжить, нашим трудолюбивым

ученикам было нелегко! Чтобы изготовить обласок и переправится на нем через реку, даже в самую страшную погоду, поверьте мне, нужно иметь большое мужество. Не зря Господь дал эту черту характера нарымским чалонам, чтобы жить наедине с природой и брать от нее дары хотя бы в небольшом количестве. Нужно было закалить свою волю и заниматься этим с детских лет. Прошло несколько лет, латыши в основном овладели навыками и приемами, так необходимыми в нашей сибирской жизни: хорошо охотились, рыбачили, колхозную работу делали качественно. В Сибири, в окружении первозданной природы нужно выживать упорным трудом, не покладая рук, иначе впереди ждет только смерть. Вот так сходились и сживались два народа. И никакие часовые и деятели правительства не могли помешать любящим друг друга народам. А любви была полная чаша, и она все возрастала и несла в себе радость и успокоение.

Находилось время и для веселья. Однажды зимой дядя Володя сказал ребятишкам, чтобы вечером, после ужина, они приходили к нему на бал. Не вечерка, как у нас говорилось, а вот так необычно – «бал»! И вот вечером, в темноте, мы, ребятишки, человек пятнадцать пробирались тропинками, чтобы увидеть и поучаствовать в не обычном для нас развлечении. В доме дяди Володи натоплена печь. На столе жировик, выполняющий роль светильника, освещал, как мог прокуренную, неизвестно когда беленую комнату. Ребята сняли свои старенькие телогрейки. Прошли в жарко натопленную комнату. В ней было тепло и уютно. И тут дядя Володя сказал:

– Приступим к открытию бала, – и взял на себя роль руководителя музыкального «оркестра».

Он встал во весь свой большой рост, в руках у него была сверкающая старым лаком скрипка. У сына Володи был аккордеон. Улдис стал играть на мандолине. Лилась музыка. Звучали национальные латышские мелодии. Дочь Айда, высокая ростом, с рыжими волосами схватила в охапку двух-трех ребятишек, бросилась в круг и завертелась в неудержимом танце. Все мы, ребятишки, весь вечер азартно и весело танцевали под исполняемую музыку. Необыкновенное чувство радости охватило наши детские души, так быстро и рано взрослеющие.

Иногда танцы прерывались, все мы садились за стол и пили мало-мальски заваренный чай с хлебом. После передышки бал продолжался. Засобирались домой мы уже за полночь. Помогая нам одеться, дядя Володя тихо произнес:

– Советская власть все равно кончится...

В это время шли сборы: кто-то искал свою шапку, кто-то варежки. Я уверен, что никто не обратил внимания на эти слова.

Шел я домой под впечатлением проведенного вечера и сказанных дядей Володей слов. В это суровое время, сколько себя помню, наученные взрослыми людьми хранить тайны, мы не совали нос в то, что нас не касалось. Много раз в жизни, в разное время приходили мне на ум эти слова, но я мысленно гнал их от себя. Теперь я понимаю, какая правда была сказана в далеком послевоенном 1949 году...

Гоголь

Однажды ранней весной, в начале мая 1950 года, после того, как по реке Оби прошел лед, из Каргаска в село Усть-Тым прибыл паузок. Грузеное судно причалили к берегу в устье реки Тым, возле сельповских магазинов. Паузок, груженный водкой, был пришвартован по всем правилам речного пароходства. Был уже поздний вечер, приближалась ночь. Начальство решило организовать утром выгрузку ящиков с водкой. Сторож паузка и ответственный за все имущество, находился в своей каюте. Приготовил себе на печи ужин, покусал и лег спать.

И как бывает всегда, как только река освобождается ото льда, поднялся сильный ветер, резко похолодало, начинался снегопад. Ночью сторож проснулся, и понял, что паузок тонет. Быстро выскочил из каюты, мигом покинул тонущий паузок и очутился на берегу. На глазах растерянного речника-шкипера паузок затонул. Село Усть-Тым не электрифицировано, телефона и другой связи в селе не было. Бежать, ставить в известность начальство, звать на помощь было бесполезно. Сторож, растерянный, обезумевший от панического страха, метался по берегу. В голове у него одно: за произошедшую аварию придется держать ответ! А наказывали людей сурово – не шуточное время было. Паузок, груженный водкой, был покрыт черной, как чай, водой. Тьма! Убит горем и страхом перед предстоящей расплатой речник. Неизвестна судьба исчезнувшего под водой груза.

Утром начальство ОРСА, которому принадлежала водка для реализации населению, стало решать, что делать с товаром. Конечно, интересная весть облетела село быстро, и жители стали думать: «Как быть? Что делать? Как оказать помощь, чтобы и самим себе не навредить?» Начальство, не без подсказки доброжелателей, предложило доставать водку из паузка на берег. На аварийную работу решили набрать людей из числа добровольцев. Расчет за работу такой: ящик водки достал – одна бутылка водки твоя. Охотников было не так много, но они нашлись. Вода была очень холодная, после вскрытия реки на берегу лежали еще отдельные глыбы льда. Добровольцами были, в основном, фронтовики. Один из них, Михаил Ефремов, с одной рукой, остальные тоже израненные, с поломанными костями и исковерканными душами, много лиха хватившие, люди отчаянные. Один из них даже повоевал в штрафниках. Бригада спасателей состояла из шести человек. Был среди них фронтовик-остяк. По имени его никто никогда не называл. Прозвище его было Гоголь, по названию одной из пород уток.

О нем хотелось бы сказать особо. Мужик доброй души, всегда с улыбкой на лице. Он был работающий, сметливый и смелый, никогда не выставяющий своего имени. Жил скромно, бесребренно, не имел своего капитального дома. А для жилья была изготовлена полуземлянка-карамо. И зимой, и летом занимался традиционным для народов севера промыслом: охотой, ловлей рыбы, собирательством даров природы. На это и содержал свою семью, тем и продолжал славить свой народ.

Началась работа по спасению груза. Протянули толстую веревку в трюм паузка к водке, под воду, и приступили к работе. Раздевшись на берегу, во временно сделанном сарае, спускались смельчаки по веревке под воду. В руках держали сетку из толстых ниток, нагружали в нее до десяти бутылок водки – и на берег. Прежде чем погрузиться под воду, выпивали стакан водки. Эта работа по спасению сельповской водки длилась целую неделю. Слава Богу, обошлось все без трагедий. Только почти все добровольцы потом болели долго. А один из них не мог оправиться от болезни, два года кашлял, чах и ушел из жизни в 49 лет. С войны вернулся, а тут не уберегся. Оставил после себя восемь детей. Звали его Сергей Стариков.

Вот и пришло лето в наш Нарымский край. Лето 1952 года. Появились в наших краях неизвестные нам работники – геологи. Советское правительство не жалело денег для организации работ геологических партий. Организации снабжались щедро: деньгами, дорогой современной техникой, катерами, бурильными машинами и самым необходимым. Мы, коренные жители, на себе стали ощущать самые первые и отрицательные, по нашему мнению, шаги современной цивилизации. Старая, понятная, привычная жизнь уходила в прошлое. У нас не было электрического света, радио, телефонов. Вся работа проводилась вручную, передвижение происходило на лодках, обласках, лошадях. Бытовых отходов на деревенской улице практически не было. На берегу озер лежали обласки. Любой человек мог использовать его,

чтобы поставить сети, а потом возвращал на место. Замки для запоров всего нашего деревенского добра даже не применялись.

С приходом геологов все это нарушилось. Прибывшие в наши края люди не считались с традициями, с укладом жизни коренных жителей. Все самое ценное, любовь к своему суровому краю рушилась, уходила в прошлое. Стали теряться обласки, коровы. Нередки стали случаи, когда развешанное на веревке для просушки белье исчезало. Это, по сравнению с тем, что не всегда в деревушках магазины закрывались на замок. Достаточно было продавцу приставить пешню к входной двери, это означало, что магазин закрыт. Появились какие-то люди с непонятными для нас привычками, люди под названием «тунеядцы». Было время, когда водка в магазине стояла годами, ее просто никто не покупал. У геологов были деньги, водку стали покупать и днем, и ночью.

Вот так пришло время с названием «советская действительность». Шли энергичные поисковые геологические работы. Стране нужны были нефть и газ. Шло широкое, без жалости к природе наступление на нашу вотчину, столетиями сберегаемую и охраняемую нашими предками. Огромные запасы нашего Нарымского богатого края стали остро востребованы.

Руководители геолого-разведывательных групп имели очень хорошие топографические карты, но очень слабо ориентировались в сложной природной обстановке. Нужны были люди, имеющие большой жизненный опыт в обращении с природой, люди, хорошо знающие дорогу из

одного пункта в другой. Выбор пал на одного из таких людей – известного нам остяка Гоголя. Этот человек прошел войну, сметливый, выносливый, трудолюбивый, хорошо знавший наш суровый край, потомственный охотник, рыбак, следопыт. Он по всем параметрам подходил для этой работы. Год-другой работал Гоголь в качестве проводника у геологов, отлично справлялся со своими обязанностями.

Однажды начальник сообщил проводнику:

– Гоголь! Я получил новый катер, мощность двигателя сто лошадиных сил. Завтра утром поедем в урочище «Старая Акка».

Это довольно далеко по реке Васюган. Таежные и болотные нарымские речки имеют способность круто и непредсказуемо менять свое направление по течению. Иногда этак виляют они, что делают почти восьмерку.

Гоголь ответил своему начальнику:

– Я не поеду на катере, а поплыву на обласке.

Капитан катера удивился:

– Я не понял! В чем дело?

Гоголь попытался объяснить, что если он поедет на обласке, то на месте назначения он окажется раньше катера. Капитан рассердился и предложил ханту заключить договор между собой, под интерес:

– Говори, Гоголь, свои условия!

– Согласен на литр водки...

Моторист пытался убедить капитана, что он проспорит и выигрыш будет за Гоголем, но начальник стоял на своем. Стукнули по рукам. Заработал мотор, и

катер тронулся в нужном направлении. Гоголь оттолкнул обласок от берега, уселся в нем, заработал веслом и бесшумно заскользил к цели. Соревнование началось! Капитан в душе ликовал, предвкушая несомненную победу.

Река петляла и открывала все новые и новые свои повороты. Где нужно было сократить, хант причаливал к берегу и, волоча обласок, совершал волок. Этим самым сокращал немного путь. Волоки делались по местам, известным только Гоголю. В другом месте он оказался в тихом водоеме и плыл по нему, тоже значительно сокращая путь. Затем сделал еще не менее двух сокращений. И вот, наконец, место назначения – Старая Акка. Обласок оказался на реке Васюган. Гоголь пристал к берегу, вытащив обласок на берег, перевернул его. Прошло несколько часов, прежде чем катер приблизился к Старой Акке. Тут моторист катера дернул капитана за рукав и указал на виднеющуюся вдали фигуру человека, сидящего на обласке. Капитан взял в руки бинокль и узнал в нем Гоголя. Хант сидел и задумчиво курил свою трубку. Катер сбавил скорость, причалил, и моторист выбросил якорь. Тут Гоголь крикнул приближающемуся разочарованному капитану:

– Капитан! Обласок высох! Я уже давно здесь. А сельпо открыто, иди, покупай огненную воду!

Капитану ничего не оставалось, как исполнить все условия проигранного договора.

Год за годом шло время. Наступила пора правления государством дорогого Леонида Ильича Брежнева. Жить стало как-то проще. Можно было менять работу, можно

было отпрашиваться с работы, а иногда, в случае похмелья, можно было и не выходить. Сплошь была отлажена пропаганда культурной жизни, лекции. Много пустых, ничего не значащих заседаний. В сельской местности шло большое строительство производственных помещений, жилья. Жизнь, казалось, кипела во всех направлениях. Стали отмечать праздник 9 мая – День Победы. Фронтовиков приглашали в школы, чтобы дети могли посмотреть на живых участников минувшей войны и услышать рассказы о ней. Подошел очередной праздник Победы. Фронтовики, оставшиеся в живых, надевали пиджаки с орденами и медалями. Гоголь, как бывший фронтовик, тоже надел пиджак со своими боевыми наградами. И тут ребята и земляки-взрослые как будто впервые увидели своего односельчанина. На груди остяка сверкали и звенели три Ордена Славы! Смотрели на него с восторгом и удивлением широко открытыми глазами. А у Гоголя лицо в слезах. Душа, кажется, светится, что невольно рядом находившиеся земляки притихли. Все вдруг в одночасье вспомнили его имя. Кричим, зовем, вопрошаем:

– Дядя Паша! За что?!

– За немцев, – слышим ответ.

– Дядя Паша, родной ты наш! И много же ты их?

А он в ответ:

– Я фашистов бил больше, чем белки за сезон.

Мы дали ему выпить за погибших товарищей и попросили рассказать о войне. Вспомни, фронтовик-хант, как бой гремел, как танк немецкий шел, как земля засыпала,

будто могилу тебе приготовила. Расскажи, как в жестоком бою пытались уползть куда-то раненые солдаты, как молодой солдат, семнадцати лет, с одной рукой пытался наложить на себя крестное знамение. Плакала российская земля кровавыми слезами. Расскажи и вспомни всех боевых друзей, которыми гордится вся земля русская.

Дядя Паша выпил, что-то закусил и начал свой рассказ:

– Меня, Павла Кулеева призвали на фронт в 1941 году из старой остяцкой деревни Кулеевой. Нас до военкомата в Каргаске везли по воде на пароходе. На пристанях выйдем на одну сторону борта, пароход переворачивается. Пароход протяжно гудит, народ плачет, кричит, стонет – сплошной невообразимый рев. Плач стоит одновременно от земли, от воды, сливаясь в воздухе с плачем самого парохода. Привезли на передовую. Сижу прямо на земле, ноги калачиком под себя, жду обеда. Подходит командир роты в звании капитана. Сходу заговорил со мной:

– Однако ты с севера?

– Да, я охотник с Нарымского края.

– И метко стреляешь?

– Да, я стреляю очень метко. Если бы я не попал белке в глаз, ни одна остяцкая дочь не пошла бы за меня замуж.

– Давай прямо сейчас и проверим. Адъютант! Ставь на позиции три пустые консервные банки и дай солдату винтовку!

Я взял винтовку и сделал три выстрела, и только одна пуля попала вскользь в банку. Командир выругался:

– А еще говорил, что охотник, житель севера!

Я осмелел и попросил другую винтовку. Приготовился, выстрелил – были прострелены две консервные банки.

– Ну что же, – говорит капитан, – это уже хорошо!

– Товарищ капитан, – взмолился я, – дайте еще одну винтовку.

Мне любезно дали другую винтовку. Долго прикладывался к винтовке, целился на совесть, плавно нажал на спуск курка. Один за другим три выстрела. Сбегали, посмотрели, все пули попали в центр каждой банки.

– Товарищ капитан! Вот как положил – вот это моя работа. Дай мне эту винтовку. Она не подведет, выручит, спасет, а те выброси!

Командир отдал мне эту винтовку, привел меня в блиндаж и назначил меня снайпером в роте.

Ну и жизнь у меня началась! Загляденье! Утром рано уползу за нашу передовую, выберу позицию, замаскируюсь. Появятся цели – открываю огонь. Как орешки щелкаю. Вечером стемнеет – возвращаюсь к своим. Счет идет. Капитан доволен.

Приду вечером с позиции, нальют мне половину кружки спирта, и так каждый день. Не жизнь, а малина! За большое количество пораженных в боевой обстановке вражеских целей награжден тремя орденами Славы. Прошел всю войну, закончил ее в Германии, имел ранение, вернулся в свой родной Нарымский край.

После войны выживал Гоголь, как мог. Остякам по закону в это время разрешалось отстрелить трех лосей, не больше. Нужно было мясо сдать в райпотребсоюз и оставить на питание себе. В другой раз, помимо разрешенного, отстреливал больше, чтобы сводить концы с концами. Нашлись люди – сообщали в сельсовет! Власти приезжали в красиво запряженной кошевке, стращали, пугая отобрать охотничье ружье, лыжи – подволоки, лишить всего. Мы писали письма Ворошилову, на несколько деревень находился один грамотный, он и писал. Ни на одно письмо ответа так и не пришло.

Прошли годы, отлетела душа Гоголя ко Господу. Похоронили его в старой заброшенной остяцкой деревушке. Когда-то эта деревушка кипела жизнью, но сейчас все это ушло в прошлое.

Прошло много лет, я посетил давно заброшенную и несуществующую остяцкую деревушку Подыкушку. На опушке леса отживал свой век старый, с незапамятных времен остяцкий погост. Разыскал могилу, постоял возле нее. Почистил от травы-дурмана. Рядом с могилой растет черемуха да буйное разнотравье. На могучем лопухе шмель соорудил свое огромное жильё. Сороки, скворцы, дрозды и все остальные жители лесочка пели свою нехитрую песнь. Постоял, многое вспомнилось, взгрустнулось, приглушил сладость сердца своего, мысленно сотворил молитву: «Упокой Господи душу почившего... прими и порадуй ее вечным блаженством...» Прости и прощай кормилец и защитник наш!

Потоп Кузьмы Евгеньевича

Стояла первая декада июня 1948 года. Большая вода, доставившая столько тревог и забот нашей деревушке, сначала остановилась, постояла на одной мере несколько дней, покатила на убыль. У нашего домика освободилось крыльцо, за которое был привязан обласок. В подполье дома была вода, половицы пола качались и при ходьбе издавали шум хлопающей воды. Мы то и дело отвязывали веревку, которой крепился обласок к крыльцу и ездили в магазин, по хозяйственным делам. Стали появляться наружу огородные изгороди, отдельные возвышенные места нашей улицы, деревни. Вода, стоявшая в огороде, стала теплеть до такой степени, что стало возможным купаться прямо в огороде. Там, прямо в огороде я мальчишкой и научился плавать. Вода хоть заметно и убывала, но возле крыльца была еще на высоком уровне. Стоял я на крыльце в ласковый солнечный день. Вода была чистая, прозрачная, можно было наблюдать, как жирненький елец-рыбка тут же стайками плавал. Мой глаз уже не мог смотреть на эту рыбу! Изю дня в день готовили из этого ельца блюда, какие только могли придумать. Елец жареный, пареный на сковороде, из него готовили котлеты, плавили рыбий жир, прозрачный, как слеза. Много солили, потом вялили вязанками тут же под навесом на крыльце. Интересная картина: над головой вязанками на веревочках висит заготовленный елец, а внизу, в воде, плавал тот же елец. Просто не картина, а идиллия. Кушать хотелось, но смотреть на заготовленную впрок рыбу уже не могли.

Отца своего мы, дети младшего возраста, не помнили. Пришла похоронка, что наш папа пал смертью храбрых при защите Ленинграда в 1942 году. Нас, ребятишек в семье осталось пятеро, и шестым мама была беременна. Двое старших, четырнадцатилетний Клавдиян и двенадцатилетняя Шура школу уже не посещали, а работали в колхозе. Картошка закончилась еще зимой, мука не помним, когда была последний раз. Корова наша, Муська с уцелевшим одним рогом должна была принести нам теленочка, поэтому третий месяц была в запуске. Так мы жили и всю войну, и после войны. Ни о каком голоде разговора не было, а просто тошнило от однообразия рыбы.

Хочется несколько слов сказать о нашей надежде и выручалочке, корове Муське. Наконец, на четвертом месяце стельности она приносила теленочка, а нам – много радости. Мама тут же доила ее, привязав за рог к крыльцу. Мы с кружками в руках сидели на крыльце, не дожидаясь конца удоя, черпали молоко и пили с наслаждением его, парное.

Деревня наша была небольшая, в двадцать один дом. Во время войны нужно было от коровы сдать в пользу государства тринадцать с половиной килограммов масла. Нарымская корова давала молока совсем немного. За неуплату налога коровы у крестьян изымались. К середине войны в деревне коров в частном владении почти не осталось.

Помню, такая же участь в 1944 году постигла и нашу семью. В разгар зимы, в самые короткие и морозные дни к нам приехали на красиво запряженных, сытых лошадях из райцентра Каргасок оперуполномоченные. Мороз на улице

все крепчал. Мама поставила самовар на стол, пригласила прибывших пить чай. А на стол из продуктов и положить нечего. Нам, детям есть нечего. Мы, младшие и стали невольными свидетелями того, какая строгая и загадочная власть ввалилась в наш дом. Забравшись на теплую русскую печь, мы во все глаза рассматривали представителей нашей Советской власти. Кобуры у прибывших расстегнуты, галифе сзади и на коленях обшиты кожей, ремни на гимнастерках формы НКВД кожаные, широкие, с большой звездой.

А пришла власть совсем неспроста. Нам было объявлено, что за недоимку, то есть неуплату положенного натурального налога у нас корову просто заберут в пользу государства. А как прожить такой семье без коровы-кормилицы? Существование наше становилось еще суровее и невыносимее.

Маме прибывшие к нам сказали так:

– Мы прибыли к вам забрать вашу корову за недоимку. Дом ваш крепкий, кулацкой постройки, жить еще в нем можно.

Потом добавили:

– Пожалеем мы вас за то, что муж героически погиб при защите Родины. Корову мы вам оставляем. Но приказ Главнокомандующего нашей страны мы должны исполнить. Мы опишем и заберем ваше имущество.

Не церемонясь, забрали перины, на которых мы спали, перьевые подушки. Забрали четыре охотничьих ружья, лыжи-подволоки, подшитые шкурой выдры, нарты, сделанные любовно и надежно. Все это было в хозяйстве,

ведь до войны наш папа был кадровым охотником. За добросовестный труд и блестящее выполнение плана по заготовке пушнины он был награжден орденом. Забрали дохи, тулуп. Сейчас люди иногда могут посмотреть такое в фильмах. Мы же, малые дети, смотрели этот живой невыдуманный фильм и думали, на чем будем спать, чем укрываться? Война еще шла.

– Благодарим нас, Мария Матвеевна, помни нашу доброту, что оставляем вам корову.

Так, не застегнув свои кобуры, усевшись в сани, укутавшись в тулупы, тронулись в путь. Увозили с собой наш скарб, последнюю дорогую для нас отцовскую память.

Наша мама, изработанная, состарившаяся раньше времени, придавленная нуждой и горем, сидела сгорбленная на лавке возле русской печки. Шел маме тридцать пятый год. Когда-то русые кудри покрывали умную голову, а теперь была она почти вся седая. Слезы капали, крупные, горькие слезы. Пелена от нахлынувших слез закрывала глаза, зрение помрачало, а ум прояснялся. И вслед ушедшим людям шептала свою молитву: «Господи! Не внемли им в грех... Приведи их к пониманию и благочестию...»

А я своим детским умишком подумал:

– Вот почему вскрывается лед каждую весну на реке Оби и приходит большая вода...

Это слезы наших мам по ушедшим на Колыму нашим дедам, по нашим папам, ушедшим на войну и не вернувшимся. Это слезы ссыльных кулаков Алтая – цвета русского крестьянства. Это плачут ссыльные народы

Прибалтики, немцы Поволжья... Слезы одаренных Богом людей! И течет соленая вода в отдельных истоках Приобья. От слез и горя река становится могучей, переполняет берега. Слава этих прекрасных людей, красивая река Обь несет свои мощные воды далеко на Север.

А мама все сидела на лавке и тихо плакала. Только чуть слышно было, как тихо она сказала: «Господи, помилуй! Дай поднять детей!» И еще, от всего сердца, не таясь своих слов, сказала:

– Ты ушел, сложил свою голову и ни о чем не думаешь, и нет тебе забот! А тут как хочешь, как можешь, в одиночку, тяни свою лямку.

– Дай, Господи, вырастить своих детей, не дай их похоронить от голодной смерти, – шептали ее губы.

Встала, затопила печку, дала кое-какие наставления, пошла в колхозный коровник. Каждый день, с утра до вечера работа! Работа на полный износ, работа в холодном неотремонтированном коровнике. Нужно два раза в день подоить пятнадцать коров, приготовить прорубь на озере, сгонять коров, попоить.

Изо дня в день полуголодные, полураздетые красноармейки, обремененные детьми и старыми людьми, справлялись с каторжной работой. Никогда об этом не говорили, но каждый день надеялись на Победу. Умные люди николаевской эпохи сердцем понимали всю трудность будущей жизни. В тылу и на фронте гиб самый цвет нашей нации. Большой частью на войне и в тылу оставались на плаву в живых люди меньшего человеческого достоинства.

Ну, вот пришла весна. После вскрытия реки ото льда пришло много большой воды. Воде радовались дети, взрослые, все жители Нарымского края, промышлявшие рыбой и охотой на дичь, зверей. Вода разлилась, как и полагалось в те годы. Разлив реки Оби доходил до двадцати километров в ширину. Рыба, белая и красная, по своим природным законам ходила по местам затоплений, нагуливала жир, пускала икру, давая очередное потомство. Господь любит своих тварей, особенно нас, людей: ребятишек, дедушек, бабушек. Теперь пришли теплые дни, можно домой забегать изредка, только покушать, если сегодня есть что, да поспать. А старики были заняты срочным делом: один делал новый обласок, другой накладывал мастерски заплаты на старый обласок, чинил его, а третий – молчаливый, тесал новое весло. Жил в нашей деревне очень старый дед, никогда не делившийся с другими своими мыслями. Уважали Степана Ефимыча, так звали его, за мудрость и рождение в 1865 году! За советом к нему жители деревни не обращались, знали, поморгает глазами, скажет что-то неопределенное и отойдет молча.

Женщины полоскали белье в реке. Мыла почти не было, поэтому применяли щелок. Деревня за зиму обовшивела. Люди, бывало для забавы, на спор, стоя друг перед другом, выискивали из-за ворота одну-две вши. Так загадывали, кто выиграет.

Вот и задумались две старухи, возможно ровесницы молчаливого Степан Ефимыча, напрягли всю свою память и припоминали способ приготовления мыла из рыбы. Способ приготовления мыла был известен еще со времен царя

Ивана Грозного. Вся масса, которая должна была стать мылом, готовилась на костре в подвешенном большом котле, постоянно помешивалась, что-то туда добавлялось. Масса будущего мыла представляла собой густую темную, как ночь, дурно пахнущую рыбную кашу. Но желание и упертость бабок были воистину негибаемы. Старались бабушки не за трудодни, не за славу, а думали о благом – хотели помочь односельчанам.

Вся эта жизнь протекала при Божьем свете, при солнечном тепле, на природе, при большой воде, которая остановилась и пошла на убыль. Но картина той деревенской жизни была далеко не полной. Эта картина полностью дорисовывалась и становилась понятной, когда взгляд охватил самую колоритную фигуру деревни Пристань – Кузьму Евгеньевича.

Наша деревенская знаменитость – человек полутораметрового роста, с большой, никогда не знавшей бритвы бородой, в больших сапогах – броднях. Был он совершенно беззлобный. Про этого деда ходили целые легенды не только в нашей деревне, но и далеко в округе. Имеющий свои суждения, множество своих сказов и историй, происшедших с ним в течение его долгой безгрешной жизни.

Вот приготовил Кузьма Евгеньевич сети к постановке на озере. Куда плыть и где поставить сети на карася в голове план был готов. А озеро, куда он направил свой обласок, называлось Митькино. Все озера, верети, покосы или просто известные места имели свои названия по какому-нибудь знаменитому случаю, так метко их

характеризующие: Ильево озеро, Петрово озеро, или озеро Босяково, покос Федин угол, а рядом на высоком красивом месте – Валентинов бугор. Вся деревня любила Валентина, этого веселого грамотного мужика. Совсем молодым ушел на войну и погиб. Вечная ему память, защитнику!

Кузьма Евгеньевич положил в корму обласка старую берданку. По годам она была старше деда, вполне может быть, что она – ровесница турецкой войны. Берданка пережила уже не один ремонт. В корме лежали также два фитиля.

– Их тоже поставлю, – думал дед.

С Божьим благословением и полный радостных мечтаний плыл дед в обласке, ловко веслом подрезая на пути водяные кувшинки. Из трубки шел дым. С отроческих лет Кузьма не расставался с этим грешным делом. «Хороший табак! Первая гряда от бани – опять ныне посажу!» – думал дед. А обласок все скользил по воде. Стояла совершенная тишина. Гладь озера была подобна стеклу. По воде далеко неслись звуки, трогающие душу: кукование кукушки, пение птиц. Другой раз, недалеко, слету падали в воду селезни, чирки. Кузьма Евгеньевич, как бы вбирая в себя все это неповторимое очарование ожившей природы, продвигался вперед к намеченной цели. Природа жила, цвела, аухала, пела и радовала глаз человека и душу. Дед ехал поставить сеть с редкой ячеей на карасей. Ему тоже приелись каждодневные ельцы, которые ему готовила вечная его спутница жизни, Настасия Апандистовна.

Подъезжая к озеру, он увидел торчащие из воды сошки, за которые можно было закрепить сети.

– Рубить и готовить сошки новые не буду, пойдут эти, прошлогодние, – решил рыбак.

Плавать Кузьма Евгеньевич не умел, с малолетства не приучен был к этому делу. Много стариков я знал, которые никогда не умели плавать, не загорали, хотя вырастали и умирали на воде. Круглый год проходила их жизнь на природе под открытым небом. Посмотришь и увидишь портрет человека-чалдона: лицо и пальцы рук в буром, даже черном загаре, а тело белое, до того белое, что поставь рядом с лебедем – не отличишь цвет.

Вот подъехал рыбак к облюбованной сошке. Она торчала из воды. Решил проверить ее на прочность. Сидя в обласке, взялся за нее двумя руками, нажал вниз. Старая сошка мгновенно сломалась! Дед Кузьма полетел в воду, мысленно прощаясь с жизнью! Обласок тут же перевернулся. Кузьма Евгеньевич, цепляясь за жизнь, изо всех сил ухватился руками за артопу обласка (борт по-остяцки – артопа). Проявив всю свою ловкость, поднялся повыше на обласок, ноги в воде, а сам держится руками за обласок, чувствуя под собой бездну воды. Повернул старик бородатую голову в сторону деревни, стал панически кричать, звать на помощь ближних. Крик о помощи беспрерывно несся над водой. По воде слышимость хорошая:

– Кешка! Тону! – небольшая пауза и опять.

Кешка – это один из его сыновей, которого он любил больше всех. Зов попавшего в беду человека был услышан в деревне. Люди переполошились, забегали, запричитали, зная, что он не умеет плавать, запаниковали вдвойне.

Через две-три минуты парнишки сидели в обласках. Оттолкнувшись от берега, что есть сил гребли к погибающему человеку.

– Кешка! Спаси! Тону! Кешка! – раздалось по воде протяжно, с плачем, и все умолкло.

Ребята не жалея сил гребли и гребли веслами, приближаясь к утопленнику. Вот осталось сто метров, вот осталось пятьдесят метров, уже видно, как из воды торчит лохматая, нечесаная голова и борода. Подъезжают – голова шевелится, глаза моргают, рядом с бородой плавает вечная трубка. Спасательная команда рядом. Кузьма Евгеньевич от страха и пережитого несчастья чуть слышно дрожащими губами промолвил:

– Вот халепа! – Это выражение «халепа» было самым скверным его ругательством.

Спасатели во главе с Иннокентием облегченно вздохнули, несказанно обрадовались, заулыбались:

– Ну, ты дед, даешь! Вверх ногами всю деревню поставил, до того нагнал страху!

А потерпевший говорит:

– Я держался за обласок, пока у меня хватило сил. Думал, пришел конец моей жизни! Потом сил не стало, руки разжались, я пошел ко дну. Ноги почувствовали твердую землю, а тут, Кеша, и ты с ребятами!

Когда смерили глубину, оказалось один метр двадцать сантиметров. Достали со дна берданку, подобрали весла и трубку, посадили деда в мокрой косоворотке, с мокрой бородой в обласок, тронулись домой, в деревню.

Шутники взяли происшедший случай на заметку в свой запасник, и как только подворачивался подходящий случай при виде деда Кузьмы, озорники кричали: «Кешка! Тону!» Так могло продолжаться до другого подходящего не менее комичного случая, который затмевал собой предыдущий.

Описание жизни Кузьмы Евгеньевича могло составить целую книгу, до того разнообразна на события и многолика была она. В моих небольших рассказах еще не раз будет упоминаться имя деда Кузьмы.

Так и шла жизнь в нашей деревне. Неправильно сказать, что не было цивилизации. Она была, только первозданная. А люди – соль земли...

Выборы

Дело было как будто вчера, а на самом деле в марте 1952 года. Хранит память, казалось бы, такие незначительные события. Сейчас гляжу в ушедший в прошлое мартовский день, и на память приходят лица, разговоры, как будто бы я с ними.

Выборы проходили в большом селе Усть-Тым Каргасокского района в семилетней школе. Плакаты на стенах огромного деревянного здания. В буфете два стола, покрытые красной материей. Поближе к буфету сидит на табурете с гармошкой гармонист. Пусть эта музыка совсем не современная, но вполне приличная. Исполняются песни военных лет, вальсы «На сопках Маньжурии», «Дунайские волны». Поступают заказы: «Сыграй, дорогой, русскую плясовую... Полонез Огинского...» Возраст гармониста небольшой. Вите Лапину всего восемь лет. Но слух у него отменный, стоит только услышать мелодию, тут же исполнит ее в лучшем виде. Поиграть на гармонике, повеселить людей на выборах дала разрешение его учительница Ольга Федоровна.

На организованные выборы приехали из соседних деревень на лошадях. Остяки большей своей частью приехали на собаках, запряженных в нарты. С отдельных стойбищ и охотничьих избушек остяки пришли просто на лыжах, а с верховья Тыма прибыли ханты на оленях.

Заходят люди в один из классов, как слышат тут же возглас учительницы: «Возьми бюллетень, подойди к этой урне, опусти в щель!» И так каждому, и весь день. Человек

проголосовал и крутит головой и глазами, кого-то ищет, где же он, так сказать, самый будет? Да вот он! Пойдем, чуть-чуть приголубим за тебя, за депутата, которого никогда не видели, но которого только что избирали.

В буфете продается водка, колбаса, стоят граненые стаканы. Все это стоит сравнительно дешево. На этот случай маленько денег есть. Попросили, заплатили, налили по стакану. Водка в сталинские времена была хорошего качества. Пошли разговоры. Двум-трем хозяйственным мужикам, тесно связанным общим промысловым делом, есть о чем поговорить.

В буфете появляются ханты. Дорогие нашему сердцу дети природы, остяки. Скромные, несколько застенчивые, словом, малоразговорчивые люди. Выпили по стакану, пока жевали колбасу, внутри зажгло, приятный огонь расползлся по всему телу. Захотелось повторить. Потом еще стакан, после чего огненная вода стала проявлять свою чудодейственную силу: лицо делалось то белым, то красным, тело местами щетинилось, пробежали мурашки, волосы на голове шевелились. Ум бегал от одного события к другому, язык что-то лепетал, то замолкал, то опять начинал говорить только что сказанное. Захотелось пить огненной воды и немного покушать. Так бы и жил в буфете, да вот прибывает народ, теснит, жмет. Смотрит остяк в упор на того, с кем только что зашел в буфет и чувствует к нему какую-то неприязнь, злобу:

– Давай пойдем на улицу. Поговорим, разберемся.

И пошли, полные ненависти и неприязни друг к другу. Как-то быстро улица, засыпанная до этого момента

глубоким снегом, стала заполняться разгоряченным народом. Чистокровные нарымские лайки, как бы предчувствуя грядущие события, быстро стекаются к ватаге остяков. Если учесть, что нарты запряжены шестью-восемью собаками, то какое большое число собак сбежалось к месту событий. От толпы остяков валит пар! Руки хватают грудь ближайшего к нему соседа, смертного врага! Летят на снег оторванные пуговицы, порванные шапки без ушей, надрываются глотки:

– А ты помнишь в этом году мою Парашу!?

Слышится голос еще громче:

– Ты почему мою собаку не спасал!?

Шум нарастал. Все в ярости! Каждый считал себя справедливым и правым, как никто другой.

– А ты помнишь, – кричал остяк с одной рукой, – когда я пришел с войны, у меня в карамо стало четверо детей, а уходил, было трое. Почему так? Я тебя спрашиваю, Федя? Как, зачем? Так я тебя спрашиваю! Хотя мне все равно... Мне не жалко... Но зачем так-то?

Шум, визг, рев нарастал. В этой битве не на жизнь, а на смерть уже невозможно ничего понять. По мере того, насколько убывала водка в буфете, настолько возрастала буйствующая ватага. Куча пьяных, разгоряченных хантов достигала уже высоты с большой русский дом. Верхняя одежда, собачьи дохи, шапки, унты, рукавицы – все это выбрасывалось из толпы и летело вверх. И еще нужно представить, как лайки, верные и преданные собаки, старались из последних сил заступиться каждая за своего хозяина. Суетились, кружились, лаяли и визжали, врезались

в самую толпу, пытаясь спасти своего хозяина. Совсем недавно белый пушистый снег школьной ограды был притоптан, в крови человеческой и собачьей. Огромный крутящийся человеческий клубок с меховой одеждой и перемешанный собаками представлял собой невообразимую картину.

Находились из зевак такие, которые, не зная психологии и характера остяцкой природы, пытались броситься в толпу и растащить дерущихся, но через минуту с расцарапанными лицами, отступали. Битва представлялась смертной и грозной. У каждого на боку висел нож в ножнах. Охотничий нож. Но применить его – избави Бог! Много шума! Много напускного зла! Раздирали ногтями лица друг друга. Кровь ручьем текла! Собаки покусали друг друга, повырывали клоки шерсти, дополняли грозную картину.

Недалеко в стороне стоял преподаватель школы, учитель истории и литературы, Грель Алексей Васильевич, прошедший всю войну рядовым солдатом, весь израненный, переломанный. В его голове крутились мысли. Где-то далеко, в древние времена устроили два народа на Чудском озере побоище на льду. А здесь в неизвестном селе Каргасокского района разыгралось подобное побоище, только на мягком пушистом снегу.

День заканчивался, солнце шло на закат. Гармонист Витя Лапин играл в коридоре школы, а красноармейки пели протяжную, с легкой грустью песню «Под окном черемуха колышется...». Остяки стали расходиться. Натиск людей друг на друга постепенно подходил к затуханию. Ватага

людей, недавно такая озверевшая, постепенно стихала и расплзалась. Кое-где слышалось всхлипывание, то ли от радости, то ли от непонимания смысла своей жизни.

Ночь прошла тихо и спокойно. Поутру виноватые, нечесанные, небритые ханты потянулись к буфету. Им подали безо всякой доброжелательной улыбки по стакану водки и не больше. Выпили. Повеселели. Обнялись. Поцарапанные, в дохах, порванных во многих местах, с песнями, шутками сели в запряженные собаками нарты, и отправились каждый в свою вотчину. «Погуляли, а если крови не было, то что это за гулянка!» – скажет остяк.

Были выборы. Кого-то выбрали депутатом, помощник у него всегда найдется. Но ватажное дело удалось на славу. Уехали люди, проголосовавшие за власть, чтобы через определенное время приехать и повторить все сначала.

После выборов прошло два с половиной месяца. Пришло лето. Лето было радужным и цветущим. Природа радовала человека своим первозданным видом, звала к жизни, к творению. Начался большой естественный разлив реки, бескрайнее половодье. Сначала затопило прибрежные кусты, сенокосные луга вместе с веретями, чуть позже – нашу деревню вместе с огородами. Рыба разошлась по большой воде нагуливать жир, откладывая икру.

Сетью ее поймать очень трудно, а кушать хочется каждый день. Старшие ребята-рыбаки решили: нужно ехать рыбачить в остяцкие места, где озера на высоком берегу. Рыба там есть всегда. С собой подготовили и собрали необходимое количество сетей, посуду, немудрый продовольственный запас – и в путь. Нужно было отъехать

от своей деревни сорок километров. Перевалили реку Обь, обласками вышли на устье реки Мили. Место выбирали защищенное от ветра лесом. Трое взрослых ребят и нас, мальчишек девяти-десяти лет тоже трое. Путь на место предстоящей рыбалки составил по времени около одного дня. Остановились в избушке одного остяка Кулеева. Она была построена с целью охоты и рыбалки. Размеры избушки были достаточны для проживания нашего коллектива. Она стояла в двадцати метрах от таежной речки Нимайки. Избушка представляла собой типичное остяцкое строение: первая половина избушки – просто землянка, вторая часть настроена четырьмя рядами из осинового леса, перекрыта на два ската колотым осинником. Кровлю заменяет земляной дерн. Одно окно небольшое, дверь внутри маленькая, печь для сна, нары. Так изнутри выглядело остяцкое жилище – карамо.

Приехали, определились. Пока было светло поехали на озера ставить сети. Утром рано с восходом солнца поехали проверить, освободить от рыбы поставленные сети. Так прошло несколько дней. Рыба ловилась неодинаково: иногда хорошо, иногда не очень.

Как-то, став утром, сварили из рыбы уху на костре, приготовили чай, собрались завтракать. Тут как-то подозрительно засуетились наши собаки. Все признаки показывали в стороны реки Нимайки. Подошли к воде, глянули и увидели – внизу по течению в нашу сторону очень быстро приближались два обласка. В каждом было по четыре гребца, в корме сидели собаки. По движению гребцов, по манере рулить обласком мы поняли, что в

обласках находятся остяки. Они стремительно приближались.

Вскоре пристали к нашему костру. Вышли на берег, поздоровались с нами, протягивая каждому руку, и в первую очередь спросили закурить. Один из наших парней курил и потому поделился с ними махоркой. На плохом русском языке стали рассказывать ничего не скрывая, что с ними произошло. Жили они выше по течению речки Нимайки. Их селение состояло из трех семей, значит, и трех карамо. Река неширокая, метров двадцать пять. Весной и до середины лета она очень полноводная и быстрая. Карамо расположены в шести метрах от речки.

И вот рассказывают остяки:

– Ой, беда! Ой, беда, паря! Мы вчера выпили огненной воды. Вроде не хотели пить, но потом бутылку водки начали – и пошло. Словом, гуляли всем стойбищем, все три семьи. Соседи пришли со своей посудой. Слово за слово. Стали вспоминаться старые события. Забытые обиды всплыли заново. Разгорелся скандал, драка. Остановиться уже не могли. Сначала я бросил в свою жену Манефу котелок, только в нее не попал, а улетел котелок в речку. Она бросила в меня кружку, тоже улетела та кружка в Нимайку. Гонялись друг за другом, барахтались, царапали друг друга, пока большая часть скудного скарба не оказалась в реке. Река очень быстрая, вода холодная, а мы плавать не умеем. И вот так, в одночасье, разорились!

Одно ясно было: ни уху готовить, ни чай вскипятить они уже не могли. Мы пригласили бедняг покушать ухи, попить чаю. Перед тем, как начать кушать, они встали на

колени лицом к солнцу и троекратно помолились. Сели тут же у костра, поджав ноги под себя калачиком, принялись за еду.

Их путь лежал вниз по реке. В тридцати километрах находилось большое село Усть-Тым. Там в селе еще раз расскажут историю, происшедшую с ними. Купят водки, много хлеба, булок сорок, накормят собак и тронутся в обратный путь. Заедут к нам, отдадут махорку.

Посмотришь на уклад жизни хантов со стороны, то невольно по-хорошему позавидуешь. Во всем просматривается гениальная человеческая простота, уход от избытка, излишества, роскоши. Жизнь свою строили они так, чтобы жить, существовать в единении с природой, в слиянии с ее естественным ходом развития.

Ставили свое карамо и жили в определенном месте, пока природа давала свои естественные дары. Новшества входили в жизнь хантов постепенно. Никогда никуда они не спешили, брали и потребляли столько, сколько требовала на то жизнь и их душа. Селились всегда на берегу таежной речки или озера. Всегда есть возможность поставить ловушку, добыть рыбы и накормить себя и семью. Употребляли охотничьи продукты и рыбные только свежими. Рыба готовилась, когда она еще шевелилась и открывала рот.

Жители наших современных городов строят большие рынки, куда привозят продукты со всей страны, а в наше время и со всей планеты. Остяк же своей семье добывает все необходимое в радиусе своего жилья, самое большое несколько десятков километров. Ягода боровая, болотная,

луговая, лесная заготавливалась по мере потребления. Немного сушеной ягоды, немного копченой лосятины и немного сушеной рыбы хранилось в кладовой – действительный запас на черный день. Постоянное ежедневное движение, потребление свежих природных продуктов делали человека здоровым. Аптека была в его окружении. Огородным делом не занимались и не тянулись к нему. Вековая история приучила обходиться без этого. Рождался ребенок, пеленок не было. Клали белый мох на дно люльки и укладывали ребенка. В зимнее время вынесут ребенка из карамо для дезинфекции, потрут снегом, приговаривая при этом: «Остяцкая кровь на морозе горит!» В летнее время в берестяном кузове брала мама-остятка на спину своего ребенка и вместе с ним ходила на охоту и рыбалку. В летнее время, бывало, привяжут люльку к ветвям двух рядом стоящих кедров, ветерок слегка покачивает ее, а мама в это время собирает ягоду, шишку. Ханты никогда не держали коров. Дети их не знали коровьего молока. Новорожденных детей поили искусно приготовленной карасьей ухой.

Жизнь шла. На смену русскому купечеству в Сибирь пришла Советская власть. Внесла свои правила, законы, постановления в жизнь и быт народов Севера, заставила повиноваться, трудиться на производстве. Для чего? Зачем?

Я помню, в советское время ученые умы из Ленинграда писали букварь на языке хантов, так и не написали. Из остяцких поселений создали колхозы «За власть Советов», колхоз имени Чапаева, колхоз имени Микояна. Стали читать лекции. Помню, на полном серьезе

остякам читали лекцию, как вести себя в современном ресторане. Планировали за них, сколько им закончить классов, сколько родить детей.

Когда я был ребенком, своими глазами видел остяток и остяков очень преклонного возраста. Чистейший кислород, таежные промыслы на свежем воздухе, многими веками продуманный уклад жизни: пища, одежда – все это делали по-своему интересную жизнь хантов долгой, до глубокой старости.

В 1959 году, когда я служил в армии, была Всесоюзная перепись населения. Хантов числилось двадцать шесть тысяч. Сейчас их практически нет.

Дядя Федя

Федор Иванович носил фамилию известную в Нарымском крае. Дед и деда дед по отцовской линии назывались по фамилии Крымские. Высланы они были в Сибирь за участие в восстании. Потомки казаков, и сейчас проявляют эту унаследованную самостоятельность, свое собственное мнение. Мастера на все руки, славились они упорным характером и большим трудолюбием. Со временем род Крымских разросся, крепко пустил корни на Сибирской земле. На многие десятки километров в округе жили ближайшие родственники. Много по деревням, стоящим на берегу Оби, было их добротных домов, охотничьих избушек, рыбацких амбаров, в тайге, так называемой нарымчанами, черной стороне – сотни гектаров векового кедрача. Господи! Да что опять об этом?! Стоит ли беречь душу?! Она и так болит!

Родился дядя Федя, вырос здесь. Даже по-остяцки говорить умел, пусть не так чисто, но понимал неплохо, знал их уклад жизни. В первой половине лета дружно и буйно цветет шиповник, пускал запах розы. Это верный признак того, что карась отлежался в озере, вылез из донного ила и пошел по озеру в праздное путешествие, покормиться, нагулять жирок. Настолько бурно проходит это перемещение карасей в озере, что даже сама вода в этот момент имеет вкус карася. В это время все, кто мог – мужчины, женщины – ехали на озера.

Мы, ребятишки от восьми до десяти лет, ехали на намеченное озеро на всю ночь заниматься рыбалкой. Брали

лошадь, привязывали к ней обласок, в него складывали все необходимое: сети, посуду, полог. К вечеру были на месте, чтобы засветло поставить сети. При этом на озере соблюдалась строжайшая тишина, чтобы не спугнуть расхोдившегося карася. В течение ночи сети несколько раз освобождались от рыбы. Выловленную рыбу помещали в садки. Большую досаду приходилось переживать от несметного гнуса. Ночи очень теплые. Погода стоит тихая, безветренная. Рот откроешь – уже полон комаров. Тело защищали, как могли, мазались дегтем. Посередине обласка стояло ведро с тлевшим куревом. В курево подкладывались губки (грибы), которые росли на березах и осинах. Исходящий дым имел приятный запах и не ел глаза. Карася за ночь ловили очень много, мешками.

Именно в это самое время собралась бригада мужиков в четыре человека. Пригласили с собой на рыбалку Федора Ивановича. Бригада остановилась в избушке. Озеро, на котором собрались мужики порыбачить, называлось Пьяное. Расстояние от избушки до озера было полкилометра.

Дяде Феде недавно перевалило за шестьдесят лет. Много повидавший на своем жизненном пути, он имел инвалидность. Молодым парнем, охотясь в осиннике на лося, одной ногой попал в самодельную ловушку, поставленную остяками на медведя. Огромные стальные крючки впились в ногу. Страшная боль пронзила все тело. Захотелось реветь, кричать, звать на помощь людей – это было бессмысленно. Нашел один выход, достал из ножен нож и стал вырезать крючки из тела. До скрипа в зубах

терпел невыносимую боль, из глаз сыпались искры. Но продолжил операцию, лишившись с помощью ножа части икры на ноге, наконец, освободился. Перевязал рану. Стал передвигаться в сторону дома. Долго болела нога, частично высохла и стала короче другой на несколько сантиметров. После этого была сильная хромота в походке. Иногда земляки его называли Федя-хромой. На войну его не взяли – признали инвалидом.

Лошадей, на которых рыбаки приехали, спутали волосяными путами тут же возле избушки. Рядом с ней после ушедшего паводка росла бойкая цветущая трава. Дядю Федю на рыбалку на Пьяное озеро не взяли, сказали:

– Ты, дед, оставайся здесь. Будешь готовить уху. У тебя это получается здорово!

– Ладно, – согласился дядя Федя, с детства привыкший к рыбацкой и охотничьей жизни. – Уху приготовлю, как надо! Будете не раз вспоминать добрым словом!

Рыбаки собрались и с обласками пошли на Пьяное озеро, известное очень большими карасями: достаточно положить четыре карася в ведро, и оно будет полным. Ушли рыбаки. Все стихло. Только было слышно, как фыркают кони да сильно бьют себя по крупам хвостами.

Федя разжег курево в старом ведре, чтобы выгнать комаров из избушки, сел на лавку возле стола, седой, давно небритый, задумался. А думать он умел. Да и что греха таить, мысли приходили в его голову мудреные, даже озаренные. И пошла череда мыслей и меняющихся картин в голове, замелькали кадры из прошлой жизни.

Хоть и хромым был с большим дефектом в молодости, женил его отец на красивой статной девушке по имени Клавдия из села под названием Даурское. Тогда еще живо было правило, по которому брачный союз заключали между молодыми людьми их родители. И это традиционное правило было жизненно устойчиво. Сосватали, отгуляли свадьбу по всем правилам на загляденье, по-сибирски: с пельменями, осетрами, с огромными чашками на столах черной, красной, белой икры и многим-многом разнообразием блюд, которое можно встретить только на славных праздниках в Нарымском чалдонском краю. Умели сибирские чалдоны работать, а в праздники – гулять, хранить свою честь, а если надо было – защищать Отечество Российское.

Потомки сосланных казаков, от души любили они свой суровый сибирский край. Блюли и хранили законы самодержавия. Каждый год или раз в полтора года пополнялась семья новым ребенком. А впереди, казалось, столько еще много времени, и старость придет нескоро, и умирать нескоро.

Иван Афанасьевич не хотел отпускать от себя тихого, скромного, способного на все руки, хромого Федю. Дом Ивана Афанасьевича был двухэтажный из кедрового леса, стоящего на лиственничных столбах, и если бы не обновления, политые кровью, стоял бы дом моего деда сто лет. Большая насыщенная история наполняла дом. Много повидал он на своем веку. История дома была потревожена большой смутой. А заезжали люди из органов НКВД – раздавались выстрелы в округе.

«Ладно, – очнулся от дум Федор Иванович. – Пойду, посплю. Я ведь так могу и сидя за столом уснуть. Утром-то вставать рано...» Поковылял к нарам. Лег, заворочался, разбередил душу давними воспоминаниями. Жена Клаша хоть и была очень красивая, но ума была небольшого. Вечно открытый рот, говорит всегда громким голосом, речи несодержательные, самые примитивные. Ни писать, ни читать нет соображения. Да хоть взять по хозяйству: ни починить одежду, ни пищу с искусством приготовить! Да что ни возьми – ни на что не годна! Доверили ей пасти на пастбище летом малых телят, а зимой в телятнике кормить и ухаживать, вот и все. Но что денег не умела считать, так их просто в колхозе не было. Очень много было работы. Вот и прожил с ней Федор Иванович почти целую жизнь. Колхозное стадо коров, лошадей, овец в колхозе с каждым годом росло по численности.

В начале войны зашел в правлении колхоза разговор, что нужен деревне свой специалист – зоотехник. Долго совещались, думали-рядили, и выбор пал на дядю Федю. Как-то вызывают его в контору и говорят: «Пошлем тебя на курсы зоотехников. Грамота у тебя подходящая». Три зимы в школу ходил. Деревенские знали его очень красивый почерк: ровный, с завитушками, крючками. И, правда, залюбуешься таким почерком! Учился недолго, дали аттестат по специальности. Так стал дядя Федя зоотехником колхоза имени Калинина.

Поболает немного овца и сдохнет. Так же и теленок. Бегут за Федором Ивановичем, пристают к нему: «Ты – главный врач. Давай, осматривай и пиши заключение о

смерти...» Дядя Федя подходил к умершему животному, пристально всматривался, бросал оценивающий взгляд на тушу. Затем шел в контору, садился за стол и писал своим необыкновенно красивым почерком: «Антипанид – (здесь обязательно шло тире) вздутие живота...» Получивший справку колхозник мямлил:

– Это что?

– Это болезнь! Это диагноз! – отвечал зоотехник.

Сначала деревня не могла запомнить слово, понять. А когда эти случаи стали частыми и много раз повторялись, заучила на память. И фраза стала притчей, и пошло-поехало, стала шуткой в адрес дяди Феди: «Антипанид – вздутие живота». С работой зоотехника, в общем, он справлялся. Ум у него был пытливый, внимательный, в лени никто упрекнуть не мог. Лечил лошадей, коров и другой скот.

За каждый случай промаха или ошибку нужно было давать ответ. Соответствующие лица тут же допытывали, допрашивали, поскольку это дело подходило под ту или иную статью, под случай вредительства колхозу или стране. Так однажды произошел в нашем колхозе имени Калинина падеж животных по причине несоблюдения норм санитарии. Подошло пятьдесят овец. Состоялось расследование. Суд в Каргаске. Приговор в то время никогда не был щадящим. Дали три года лишения свободы, и пошел Федор по этапу в Кемеровскую область. Срок в заключении Федор Иванович отсидел полностью. По отбытии наказания вернулся в свою деревушку сразу же после Победы. Ни в характере, ни в привычках родные и близкие особых изменений не заметили. Та же скрытая

человеческая мудрость в его душе, та же добрая улыбка на устах его. Никуда не делась, не переменялась его искренняя простота, его постоянная тяга к труду.

Вот давно закончился его жизненный путь. Давно просел бугорок его могилы. Только каждой весной и летом поют свою, то грустную, то веселую песню птицы. Давно не ловит взгляд хромой походки этого человека, но память о нем осталась в душах людей, и не дает его забыть.

Много в той старой жизни было людей, о которых говорила народная молва: мастеровой, искусный во всех делах. Выполнит любую работу основательно, со всем прилежанием. Многими навыками и умениями владели эти люди. Дядя Федя мог сделать своими руками отличную сбрую. Не стыдно было бы запрячь в царскую карету донских лошадей! А на резной, с причудливыми узорами дуге, сделанной руками мастера, краска держалась не менее двадцати лет.

В лесочке рядом с деревней у него была площадка со всевозможными приспособлениями для выделки и изготовления кожи: красных, черных телячьих кож и овчин. Все подробности описывать нет смысла. Просто это был кустарный цех. Мне ребенком приходилось наблюдать, как дядя Федя в строгой последовательности по дедовской технологии изготавливал товар – кожи, из которой потом шилась кожаная обувь, бахилы, кожаные рукавицы.

Сани-дровни он делал тоже от начала и до конца. А охотничьим, рыболовецким ловушкам, изготовленным его руками, просто не было числа. И вот такие люди, которые были самыми настоящими мастерами, неудобны были

новой власти Советов. В характере их постоянно чувствовалось собранность, уверенность и независимость. Независимость эта давала повод к нелюбви властей к простому мастеровому народу. Находились, выискивались причины недовольствия такими людьми. Поэтому нескончаемым потоком шли нарымские мужики из Сибири в Сибирь, в Магадан, Колыму, Салехард, прозванные врагами Советской власти, врагами народа. Прошедшая война 1941-1945 года своей кровавой бойней довершила свое дело. А из пришедших с войны солдат большинство поумирало от ран. За три десятилетия на глазах растаяло общество, называвшее себя чалдонами. Ушел в неизвестность крепко слаженный уклад жизни со своими порядками и традициями.

Дядя Федя по сырой густой летней росе, по воде услышал пение вечного жителя деревни – петуха. До слуха старика донесся глухой звук ботала, привязанного на шею лошади. Пора вставать. Хватит спать, нужно заняться приготовлением ухи. Растопил печь. А мысли все лезут в голову. Одна картина прошлых лет сменяет другую.

С детьми, вроде, все нормально, кто хотел, тот учился, получил образование. Так, сын Иван окончил политехнический институт. Стал успешным инженером. Работал по науке в институте. Ездил даже с докладами во Францию. Французы после прослушанных лекций удивленно говорили о том, что в далекой Сибири рассматриваются и изучаются технические темы будущего века. Участвовал в строительстве первого атомного реактора в Томске.

Но больше всего его беспокоил сын Юрий. Смысленный, быстрый, он был очень смелого горячего характера. Он, не раздумывая, приходит на помощь любому человеку, если тому грозила опасность или случалась беда. Когда подрос, в возрасте шестнадцати лет Юра покинул родную деревню Пристань. Потом объявился. Работал матросом на пассажирском пароходе «Каганович». С приходом зимы снял под жительство квартиру в Томске. Работал кочегаром на конфетной фабрике «Звезда». Стал посещать любительский авиаклуб. И так шла жизнь...

Однажды на пароходе произошел с Юрой такой случай. Зайдя в галюнь, он увидел по полу огромную пачку денег. Недолго думая, он собрал все. Не сообщая никому о своей находке, Юра стал искать виновника этой потери. Парень он был сообразительный, стал думать, кто же мог быть этим человеком? И тут выяснилось, что уже несколько дней едет пассажир первого комфортабельного класса, гуляет, все время проводит в ресторане, тратит деньги бессчетно направо и налево. Юра Крымский встретился с этим человеком. Им оказался мужчина в годах, не один год проработавший геологом в экспедиции. Тогда им платили деньги немалые. Скопил геолог достаточно большую сумму. Сошлись, познакомились. Геолог был искренне рад знакомству с семнадцатилетним парнем и удивлен столь благородным поступком. Деньги Юра отдал все до копейки. От вознаграждения в знак особой благодарности Юра решительно отказался. Но приглашение в ресторан Юра принял с удовольствием. Хорошее застолье в ресторане парохода продолжалось до Томска.

Зимой Юра учился летному делу. Стал сам водить учебный самолет. Вскоре он был призван в армию. Стал военным летчиком. В одном из тренировочных полетов случилась беда. Военный летчик погиб. Было Юре двадцать два года. Не успел он даже обзавестись семьей. Товарищи привезли его в Томск, похоронили на военном кладбище. Господи, помяни душу усопшего раба твоего, допусти его в вечную блаженную жизнь! Храни память об этом веселом, жизнерадостном, бескорыстном парне!

Уха у дяди Феди была практически готова. Снаружи избушки послышался шум, разговор, смех. В избушку ввалились искусанные комарами, уставшие рыбаки. Дед Федор разливал горячую уху трудягам.

– Все готово, мужики! Проходите, садитесь и угощайтесь!

Перед каждым стоит чашка ухи с икряным карасем.

– Молодец, дядя Федя! Какой ты славный!

Один попробовал горячую уху и, оцепенев, бросил ложку на стол рядом с чашкой. Все посмотрели на этого рыбака, потом на дядю Федю.

– Пересолена! – кричит рыбак, испробовавший уху.

Вся бригада рыбаков колюче смотрит, с подозрением на повара. Дядя Федя спокойно, сосредоточенно берет ложку, набирает ухи, берет в рот, проглатывает, берет еще раз, но уже в другом месте чашки, проглатывает, и так три раза. Попробовав уху из трех мест, спокойно произносит:

– Местами солена, а местами – нет.

Раздался смех всей бригады. Взяли в руки ложки, стали хлебать уху, несмотря на то, что она была изрядно пересолена.

Так в деревне на одну шутку стало больше.

Бывало, когда раздавят желчь в рыбе, а уху сварят, вспоминают, попробовав:

– Местами горько, а местами – нет.

Дядя Федя на шутников не обижался. Спокойный, уравновешенный и не держащий обиды и зла ни на кого из людей, продолжал он жить обычной жизнью.

рис. Ольги Викторовны Алексеевой

Дети хантов из интерната

Много остяцких детей проживало в интернате. Учились они в Усть-Тымской семилетней школе. К первому сентября их свозили, в основном, водным путем из глухих таежных селений, стойбищ Васюгана, Тыма, с бесчисленных таежных истоков. В интернат привозили больше ста детей: мальчиков, девочек. Детей встречали воспитатели, завхоз, повара, дворник, истопник печей – весь обслуживающий персонал. Всех ребятишек вели в жарко натопленную баню, мыли. Многие из них вообще не знали о такой бане. Потом одевали во все новое. Одежду давали с ног до головы. Давали вельветовые куртки, костюмы, шубы. Одежда была необыкновенного цвета, очень теплая и красивая. Все, конечно, вызывало у нас, чалдонских детей, определенную зависть. Государство не жалело денег на учебу и содержание детей-хантов. Кормили тоже очень хорошо, несравнимо с нашим деревенским питанием. До сих пор помню их сладкий чай, чего мы в своих семьях не видели.

Остяцкие и русские дети сидели в классах за партами вперемешку друг с другом. Я сейчас хорошо помню их имена, фамилии. Имена у них обыкновенно русские: Иван, Анатолий, Клавдиян. А вот фамилии... Их просто чувствуешь, что они остяцкие. Когда, бывало, услышишь произнесенную фамилию, душой понимаешь, остяцкая она. А фамилии дорогих моему сердцу людей такие: Чинаков, Ирабиров, Кулеев, Ольжигин, Саиспаев. На память могу назвать множество фамилий. Учились дети-остяки в школе,

нужно прямо сказать, неблестяще, а многие даже ниже среднего. Но по таким предметам, как рисование и физкультура мы, дети русских, часто им уступали. Недавно научившиеся держать в руках карандаш, они так рисовали, что никогда по этому предмету не получали оценку ниже пяти. Редко, кто из наших ребят мог состязаться с ними при ходьбе на лыжах или меткости стрельбы из ружья.

Долгими зимними вечерами, когда за окном порошил снег да слышался лай собак мы, дети, собирались в интернате. Это было уже после войны, никаких развлечений, коллективных мероприятий мы не знали. Собравшись вместе и усевшись кружком, мы вели между собой нескончаемые разговоры. Редко перебивали друг друга. Один заканчивал рассказ, затем начинал рассказывать другой. Рассказы наши были простые, бесхитростные, из нашей немудреной жизни.

Остяцкие ребята, да и их родители особой перспективы, да и желания в обучении не видели. Рыбалка, охота, жизнь под открытым небом, ежедневные большие переходы – зимой на лыжах, летом на обласках, умение пользоваться тысячью примет вплоть до звездного небосвода, делало жизнь совсем непохожей и далекой от жизни в городской квартире с туалетом и ванной. В старших классах им учителя говорили о Татьяне и Онегине, о Наполеоне, о химии и физике. Жалко порой было видеть детей остяков, получающих все эти знания, сознание которых просто не воспринимало их. Поэтому, погружаясь в рассказы о своей жизни, сидя возле горящей печки, они мысленно переживали, все, что было в их простой

бесхитростной жизни. Во время детских бесед мы пили сладкий чай с шиповником, а другой раз заваренный белоголовником. К этому мероприятию мы были приучены, сколько помнили себя.

Помню рассказ остяченка, Вани Кулеева. Сильно он нас захватил своим содержанием! Дело было в хорошую солнечную погоду в конце мая 1947 года. Молодой мужчина, остяк, занимался в половодье ловлей рыбы вблизи Лаврушкина истока, давно полюбившегося, знакомого места. Пойманную рыбу посадил в садок. Развел костер и занялся изготовлением вешалов, приспособлением для сушки сетей. Работа эта известная, привычная, но дело в том, что на этой стороне истока, где расположился рыбак, не росли молодые подходящие осинки, что нужны были для вешалов. Василий, так звали отца Вани Кулеева, переехал в обласке на другой берег истока и пошел срубить тонкие подходящие осинки. В то время из леса вышел медведь и решительно направился в сторону Василия. Большая вода, все скрывавшая под собой, не оставила кормов и значительно сократила базу кормления зверей. Это состояние зверя хорошо понимал и рыбак Василий. В общем, зверь был голодный.

Мгновенно сработала мысль: нужно спастись, не делая ни одного лишнего движения. Бросился к обласку. Рыбак понимал, что медведь тоже бросится в воду вplash и в два счета догонит беглеца. Василий плавать не умел. Что делать!? Ширина истока была метров пятнадцать. Василий подбежал к речке, набрал полную грудь воздуха и, что было сил, бросился в воду! Нырнул и от резкого

движения, по инерции быстро приближался к другому берегу. Почувствовав под ногами дно противоположного берега, стал медленно и незаметно поднимать голову из воды.

На другом берегу истока, где остался его неприятель, охотник увидел следующую картину. Мишка стоял в воде, точно в том месте, где нырнул Василий, наклонился, опускал глубоко в воду лапы и черпал, цедил воду. Рыбак понял, что у Мишки в это время было самое большое желание достать сбежавшего и нырнувшего в воду человека именно в этом месте. Медведь, недоуменно черпал и будоражил воду, стараясь отыскать пропажу. Добычи след простыл!

Рыбак, что есть силы, выскочил из воды и бросился в сторону – там заряженное ружье. Схватил ружье, взял наизготовку, решил дать отпор, последний бой нападавшему зверю. Медведь заметил противника издали и мощными взмахами лап греб, плыл вразмашку, как будто сильный мужик! С каждой секундой приближался он к костру в сторону человека. Собаки Василия визжали, лаяли и грозно рычали, готовые броситься на помощь своему хозяину. Выскочил из воды, даже не отряхнувшись от воды, медведь поднялся на задние лапы! Огромный, уже не молодой, с сединой в шерсти, которую можно было рассмотреть с восьми метров (именно на таком расстоянии стоял Василий, держа наизготовку ружье). Зверь двинулся на человека! Верные собаки-лайки наскакивали на зверя, рвали его шкуру. Шагнув навстречу медведю, охотник выстрелил. Зверь упал у ног человека и не шевелился,

сраженный самодельной пулей. Собаки свирепо терзали тушу убитого.

Василий привязал к ракитовому кусту собак, достал нож и стал привычными движениями снимать шкуру с убитого медведя. Освеживал тушу сноровисто, со знанием дела. Желчь, печень, внутренний жир, мясо, шкура – все это имело свою ценность и значимость. Все сложил в берестяные туеса, обласок, успокоил собак, засобирался в свою деревушку. Сделал вешала, на них повесил сети, высушить на весеннем солнце. «Приеду домой в свою деревню Бульвар, немного медвежатины оставлю себе, остальное раздам селянам, родственникам», – с этими благими мыслями он сел в обласок, оттолкнулся от берега и стал энергично грести навстречу течению в сторону дома по Бульварской протоке. С обоих берегов протоки свисала цветущая черемуха, издавая дурманящий аромат. Впереди и сзади мелькали нарядные весенние птицы. В корме сидели две собаки. И вскоре обласок скрылся за поворотом.

Все мы сидели тихо возле жарко натопленной печи. Переживая мысленно только что рассказанную историю, молчали.

– Я бы тоже хотел рассказать историю, произошедшую с моим отцом, – сказал Яша Ольжегин, совсем еще мальчишка, совсем юный отрок, но уже хороший охотник, который мог пройти при случае на лыжах до семидесяти километров. Посмотрел на наши чуть видневшиеся в сумерках лица, получил наше молчаливое согласие, начал вести рассказ с подробностями из своей жизни:

– У нас в роду издавна ведется такая привычка: сидит медведь в ловушке, пойманный. При виде охотника мечется, рвется, рычит! А человек, вместо того, чтобы пустить пулю, сделать последний выстрел из ружья, вел со зверем разговор. Медведь вставал во весь свой рост, а остяк ему:

– Ну, что, паря! Беда тебе пришла, Миша, отбегался, отходил! Вот и я, Алексей, пришел определить твой конец. Прощайся, Миша косолапый, со всеми, кого знаешь в этой жизни!

Медведь ни секунды не стоял на месте, рвался вперед, вертел головой, отбивался от собак. Тонким тросом все ту же затягивалась петля на шее зверя. Медведь ревел, не жалея глотки, знал, что остяк стрельнет после того, как вдоволь выскажется. Алексей нажал на курок. Выстрел... Пуля попала в трос, перебила его, и зверь на свободе! Второй выстрел из-за мгновенной реакции зверя не получился. Медведь в ярости схватил несчастного охотника, в одно мгновение снял скальп с человека. Противно запахло свежей человеческой кровью. Медведь не может терпеть такого состояния! Бросил жертву, свалил по ходу на лежащего человека старую черемуху и рванул от этого злополучного места! Остяк не потерял сознания, борясь с болью, вылез из-под черемухи и в полубредовом состоянии стал пробираться в сторону речки. Приладив кожу на голове, обтираясь от крови, скрипя зубами, шел намеченным путем. Повезло негаданно. Тут же недалеко проходил по своей охотничьей тропе хант Клавдиян Ласкин. Еще издали своим ухом промысловика он

услышал глухой выстрел. И вот встреча! Клавдиян помог соплеменнику. С помощью своих верных лаек приволок раненого охотника в свою деревню Мыльджино. Покой, постоянное накладывание самодельных мазей, сделали свое дело. Через два месяца Алексей выздоровел. Только стал совершенно лысый. Постепенно это происшествие было забыто.

Так за рассказами время пролетало быстро и незаметно. Вот уже и дрема навалилась, а истории следовали одна за другой. Это были всевозможные случаи, произошедшие на охоте или рыбалке с нашими родителями. Вот слышим сквозь легкий сон, как говорит рассказчик с речки Васюган:

– Всю зиму ходил мой дед Семен на охотничьи места по одной и той же лыжне, чтобы не топтать каждый раз новую. По лесу идет лыжня, видно, где идет. А вышла на чистое место – там он ставит легкие вешки, метит лыжню. И так ходит охотник к основному месту охоты почти четыре месяца по одной и той же лыжне.

В середине февраля зимний сезон охоты заканчивался, у животных начинался гон, то есть образование семьи. Жили люди с соблюдением норм закона тайги. Нарушил старый хант закон природы. Стал на добротню сделанные лыжи-подволоки. Рассудил про себя: «Пройдусь по лыжне, хоть не поохочусь, так просто посмотрю следы зверушек больших и малых, птиц, и на душе станет легче. Греха же нет в этом, никто плохого слова не скажет».

Было начало апреля. Весна в том году была очень дружная. Снег, накопленный в течение зимы, убывал на глазах, ночью слегка подмораживало. Пошел дед Семен по своей зимней лыжне. Лыжи подшиты хорошим мехом, бегут по лыжне и бесшумно, и быстро. В одном месте, поднимался охотник на небольшой бугорок. Под ним неожиданно образовалась яма, в которой в один миг оказался старик. И не просто оказался в какой-то теплой яме, он и сидел-то на чем-то теплом и мягком! Этот момент, полный неожиданности, длился не более трех секунд. В следующее мгновение теплое и мягкое вскочило вместе с дедом, выбросилось в проделанное отверстие и бросилось бежать по снегу со скоростью современной техники. Дед от такого полета какое-то время лежал на снегу, соображал, что же произошло. В полуверсте мелькала задняя часть перепуганного зверя. Дед Семен, кряхтя, поднялся на колени.

А произошло вот что. Лыжня проходила точно над зимней квартирой Михаила Ивановича. Подтаяло. Тепло подточило берлогу. Перекрытие не выдержало. Вот он и случай, который чуть не привел к несчастью. Побрел старый охотник в свое карамо, потрясенный таким оборотом дела. Шел, погруженный в мысли о минувшем событии, и никак не мог прийти в привычное состояние. Медведь спокойно досыпал в берлоге, видел последний в этом сезоне сон, тут такое! Что-то неожиданное, страшное, непонятное! Самое надежное – дать деру!

Но тут роль рассказчика перехватил Володя Чинаков, сын ханта Ермолая Чинакова:

– Мой папа, когда ставил петли на медведя, то не привязывал их к растущей березе или осине. Он поставленную петлю предварительно натирал черемухой и еще душистыми травами, тем самым смешивал запах с природным. К поставленной петле крепил очень надежно два чурака внушительных размеров. Попавший в петлю зверь страшно бился, пытаясь уйти, волок за собой чурки в небольшом радиусе. Ермолай шел на место охоты, наблюдал, читал и восстанавливал всю картину. А однажды, когда пришел на место, то увидел, как медведь взял чурки в лапы, стоя на берегу озера, бросил чурки в воду. Чурки летели в воду, а следом за чурками летел и сам Мишка. Пока медведь с чурками вылезал на берег, остяк вел с ним последний душевный разговор: «Вот, паря! Опять попался. Если бы ты был, Миша, умный, как я, ты бы своими лапами снял петлю с шеи, а раз ума нет – вот и попался!»

Медведь, измученный, кряхтя, поднимался на берег озера, волоча за собой чурки. Красными, налитыми от злости глазами смотрел на человека и, поднявшись на задние лапы, шел в последний бой. Прогремел решающий выстрел. Остяк достал нож, взялся за привычное дело. Собаки, не сдерживая злости и ярости, бросились на поверженного зверя и принялись его неистово рвать.

Вся жизнь хантов Нарымского края была связана с природой, собаками. Постоянная опасность была на их пути. Жизнь, полная захватывающих историй и приключений. Чтобы выжить в этом суровом крае, нужно было постоянно быть готовым к трудностям. Походная жизнь зимой и летом – это умение остановиться на ночлег,

приготовить покушать на разведенном костре, быть готовым к любым испытаниям. В этом нужна сноровка, знание тонкостей охотничьего дела и маленьких хитростей лесной жизни. С приближением осенних холодов, собираясь на ночлег, разгребет остяк-охотник костер. На это место набросает пихтовых лапок, укроется старой дохой и спит, не просыпаясь до самого утра. Даже бывает, припорошит снегом всего спящего. Рядом надежные часовые, верные спутники жизни – лайки.

Как ни вспомнить так любимую и проводимую каждую осень по первому снегу охоту на белок. У хантов это называлось «белковать». Возьмет с собой легкие, прекрасно сделанные нарты, запряжет парой крепких собак, соберет незаменимый предмет для этой охоты – ружье тридцать второго калибра, очень легкое, мешок приготовленных по-своему рецепту сухарей, очень калорийных и питательных, и тронется по одному ему известной охотничьей тропе. Шел на лыжах охотник от своей избушки двести-триста километров. Ружье для охоты на белку заряжено совсем малым количеством дробинки. Нельзя портить шкурку, нужно было попасть точно в глаз. Шкурки готовились к сдаче заготовителю очень качественно, с любовью. Охотники-ханты особенно в этой части заслуживают доброго слова.

А русские мужики, выносливые трудяги! Ни в чем они не хотели уступить своим коллегам-остякам. Жили они в Сибири в точно таких же полевых условиях ни одну сотню лет. Я знал множество чалдонских охотников, которые ни по какой характеристике не уступали профессиональным

качествам остяков. Во время охоты на белку была незаменима наша нарымская лайка. Шустрая, неугомонная труженица, была она охотнику лучшим помощником. Половину удачливой охоты нужно отнести к работе собаки. Чует только одной ей известной интуицией, подбежит к кедру, отвлечет своим лаем, охотник стреляет, подойдя к белке совсем близко. Стреляную белку лайка несет охотнику к ногам. Лайка продолжает охоту, ищет, высматривает новую добычу, и так весь световой день. Шкурку белки охотник снимает на ходу, для освобождения шкурки ему требуется три-четыре минуты. Шкурки складываются в торбу. На улице стоит мороз. Мороженые шкурки через полтора месяца придут на нартах домой, и только тогда попадут на пальцы и будут доведены до кондиции. За два месяца охоты охотник с помощью лаек добудет шестьсот-семьсот белок. Идет охотник с нартами в одну сторону, и, как только осталась половина продуктов, поворачивает назад в сторону дома. Трудная эта работа, не зря была поговорка: «Охота пуще неволи!» Эта работа была на выживание без права на отпуск и отдых. Дома ждет семья, зачастую, немалая. Современная охота, на кого бы она ни была, совсем не похожа на то, что было когда-то, в то давнишнее время. Охота закаляла людей, делала их выносливыми и смелыми людьми, способными к взаимовыручке, готовыми к любым трудностям. Не зря наши враги говорили, что русские солдаты вообще очень стоящие, но среди них есть народ, полуазиаты - сибиряки, которые не боятся мороза, могут спать прямо на снегу и питаться сырой птицей. И это правда, тут нет ничего выдуманного.

Анна Мартовна

Жила в нашей деревушке Пристань замечательная простая доброго характера с добрым сердцем русская женщина, Старикова Анна Мартовна. Я ее помнил с самого раннего детства. Она была уже в годах, лет пятидесяти пяти. Прожила она долгую, далеко за девяносто лет, замечательную жизнь. Статная, негнибаемая в самом прямом смысле этого слова, она была всегда лидером. Ее, компетентную, серьезную признавали все жители нашей деревни. Даже мужчины, наделенные властью, пасовали перед ней, встречая ее на своем пути, как вросшую в землю глыбу, стараясь обойти ее стороной, чтобы не пересекаться с ней. Бывало, идет по деревне Анна Мартовна прямой, негнущейся походкой, остановится, посмотрит на встречного человека своими спокойными ясными глазами, произнесет два-три слова. Примет встречный человек сказанные ему слова, и, развернувшись, спешит скорее выполнить сказанное теткой Анной.

Шли первых полтора года войны, самый тяжелый период войны. Случилось так, что все мужчины, годные к войне, были призваны на фронт. Крепкие, красивые и даже некоторые грамотные, все ушли на фронт спасать Россию. Самая большая должность в коллективной жизни колхоза имени Калинина оказалась незанятой, свободной. Даже колхозную печать положили на стол, и ушли воевать.

А стране нужно давать продукты питания: масло, мясо, рыбу, пушнину, шкуры животных. Да что там говорить, нужно было нашей державе все необходимое. Из райцентра Каргасок пришли планы для колхоза больше

прежних. Интересный случай при новой власти: есть должность, а занять некому! Есть старики в глубоких годах, но ни писать, ни читать не умеют, да и много новых слов навывдумывали, что и при желании не выговоришь. А были и такие, которые шарахались от этой вакансии, чувствовали, что война идет тяжелая и будет долгой. Кто перевесит, не знаем. То есть занять должность нахалеву сознательно избегали. Боялись прогадать.

Прибыл уполномоченный из райцентра на лошади. Собрал общее колхозное собрание. Стоит вопрос номер один – выбрать на данное время председателя колхоза. На собрание пришла вся деревня: от девочек и мальчиков двенадцати лет до стариков. Долго и бурно толковали жители деревни, кого же поставить во главе колхоза. Решали, судили – в конце концов, выбрали Кузьму Евгеньевича. В самое тяжелое для деревни время председателем стал старик почти семидесяти лет. Тут же при всех ему лично вручили печать колхоза. Как ей пользоваться, куда и как прикладывать, объяснили на словах. Ни писать, ни читать, ни расписываться старик не умел. Но чтобы не доводить его до тяжелой моральной болезни, предложили всем собравшимся народом официально выбрать ему помощника. Будет заместителем председателя колхоза и одновременно животноводом, то есть за все дела колхозные нести ответственность.

Всем понравилось. А кого? Вышли на улицу покурить. Вернувшись, разговорились, заспорили. Кого? Кто-то от печки крикнул: «Анну Мартовну!» Ну, тут началось, поехало. До первых петухов шла битва, пока

кто-то не крикнул: «Пора заканчивать собрание! Скоро кончится в лампе керосин!» Все замолчали. Встала во весь свой прямой рост серьезная женщина, погрозила кулаком всей конторе: «Согласна. А теперь все по домам! Завтра работать!» Потушили керосиновую лампу, пошли по домам по выпавшему снегу.

Придя домой, тетка Анна разделась, отпихнула от себя мужа, белого, как лунь, в прошлом непревзойденного охотника, а теперь с трясущимися ногами: «Семен, уйди! Муторно!» Подошла к иконе старинного письма, лет двести назад привезенной из России, упала на свои крепкие колени. Принялась прямо и открыто, четко выговаривая каждое слово, молиться:

– Господи! Прости меня, грешную, научи, вразуми меня, как в такое лихое время спасти народ деревни, сохранить здоровым скот! А главное, прошу за детей и женщин, помоги нашим мужикам сломать фашисту шею и вернуться домой! Спаси, помилуй!

Перекрестилась тяжелой рукой и пошла отдыхать. До работы поспать два часа.

А Кузьма Евгеньевич тоже пришел домой, в потемках шарился в сенках. Через три ступеньки открыл дверь в дом. И тоже на ходу, как мог, вспоминал Бога:

– Господи! Помилуй, рассуди, кому перешел дорогу. Пусть я грешный, признаю свои грехи!

Поставит бабка, бывало, брагу в лагушке, позовет женщин по случаю праздника, сядут за стол, глядь, а браги нет – одна гуцца на дне. Всю дед выглотал по причине устатка. И каждый день – с устатка.

– Грех, конечно, признаю, но не смертный, жить можно. Сейчас открою дверь и скажу ей: «Открывай, Настасья, двери. Я, Кузьма, к тебе пришел! Но не просто Кузьма, а колхозный председатель!» Ох, как бы с ней что неладное не случилось!

Пережила, конечно, Панисовна с Кузьмой столько историй, что всего не упомнишь. Оба всю ночь не спали, ворочались да кряхтели. Дядю Кузьму должность председателя нисколько не возвысила, а наоборот, заставила еще больше работать, быть в самой гуще колхозных и деревенских дел. Делал самую нужную работу, подставляя свое умение и руки, не отлынивая. Едет с молодыми ребятами заготовить и привезти из леса дрова, нужно успеть поставить на реке или озерах рыболовные снасти, добыть для нужд деревни рыбы, отремонтировать колхозные скотные помещения. Нужно срочно отправить в Каргасок четыре подводы от колхоза по плану заготовленное мясо, масло – все необходимое. Это самое главное на сегодняшний день. Нужно не забыть положить связанные из овечьей шерсти ребятишками носки, рукавицы – подарок бойцам на фронт.

Тут пристала с просьбой уже немолодая женщина:

– Кузьма Евгеньевич, родненький! Ради Христа, будь добрым, почини ребятишкам валенки. Одни на троих! Совсем ходить не в чем!

И так каждый день. Другой раз западут мысли в голову: «Если бы кто с войны пришел по легкому ранению, я бы ему сразу печать, быстро. Он бы и очухаться не успел, как я охмурил бы его! Вот наше воинство, команду! Одни дети да женщины. Лучше молчать и не думать!»

Не из тех людей была женщина Анна Мартовна, чтобы отступать от трудностей. Молча, с сибирским упорством преодолевала любую работу, заботу. Вот и вчера пришлось вмешаться в судьбу женщины Марии Вяловой, двадцати четырех лет с двумя сынишками на руках. Принесла почтальонка с почты соседнего села извещение о гибели фронтовика, ее мужа, Валентина Вялова. Ревет на всю деревню, то к себе прижмет, что есть сил двухлетнего, то на пол бросит, орет по-страшному, не по-человечески. Бросила все тетка Анна, пришла к ней. Ребятишкам дала творогу, а молодую маму прижала к груди, обняла ее и заговорила, запричитала:

– Ты, Маня, молодая, красивая, работающая, не хорони прежде смерти себя, ты посмотри вокруг себя. Подумай, слезами мы не спасем себя, тем более детей. Несмотря ни на что, жить надо. Сломают наши мужики хребет немцу. Придет время, придет и в твой дом светлое счастье. Господь, он все видит и всех милует.

Помаленьку успокоила, как могла.

– Ты знаешь, Маша, что у меня у самой два сына на фронте, Иван да Андриан. От Ивана давно писем нет, говорят, будто в плен попал... Ну ладно, идти надо... Ты ладно, Маша, хоть в горе ревешь и мечешься, а вот Килина похоронку получила, сжалась вся в железный комок, обхватила голову руками, уставилась в одну точку и молчит. Вот, сегодня утром идет корову доить, посмотрела на нее, она черная лицом стала, сжала рот и молчит. Ты уже переживи, Маша. Мы должны вытерпеть, стать добрыми и злыми одновременно.

Колхозные собрания проходили часто. Сначала перед собранием в контору приходил сторож-инвалид, затапливал печь, в конторе становилось тепло и как-то уютно. Вечером при свете керосиновой лампы начиналось событие деревенского масштаба. Дом под контору был кулацкой постройки, сделан добротно и красиво. Внутри стены были обтесаны топором и гладко обструганы рубанком, имели цвет сливочного масла. Потолок был умащен широкими плахами и разукрашен картинами сибирского пейзажа. Сначала фоном была нанесена голубая краска. Краска была изготовлена во времена хозяйствования купцов, была очень прочная и держалась не один десяток лет. На картине в одном углу медвежата, в другом – белки, кедровые ветви с шишками. Изображение сохраняло приятную свежесть. Хозяин этого дома был осужден за то, что умел и хотел много трудиться, за то, что любил не коллективную, а одиночную жизнь, и наказан на много лет лагерей.

Место в президиуме заняли председатель колхоза и его заместитель, два человека, выбранные народом. На самом деле, дед Кузьма никакой властью не обладал. Он только прикладывал печать к документу колхозного значения, да и самого его как шахматную фигуру выдвигали вперед при появлении из райцентра оперуполномоченного или приезда в деревню сельсоветчика. Перед началом колхозного собрания поднимался со скамьи во весь свой полутораметровый рост дед Кузьма, разглаживал густую седую бороду и говорил, обращаясь ко всему сходу:

– Дорогие сельчане, собрание колхоза Калинина, – говорил и до конца не понимал, чьего имени, какого-то Калинина, – считается открытым!

Садился на лавку. Поднималась Анна Мартовна и начинался галдеж, спор, переходящий в крик, всхлипывали от безысходности женщины. В скотных дворах замерзал скот: стены, крыши – все прохудилось, двери закрываются плохо, в окнах вместо стекол набито сеном. Скот болеет, болят люди. Основное лекарство, хина уже не помогает. Дядя Федя, став колхозным зоотехником, лечил лошадей и другой скот креолином. Этого лекарства была целая бочка. Как сейчас помню ее содержимое: что-то среднее между дегтем и смолой.

Вставала Анна Мартовна со своего места, оглядывала все живые души своей деревни, поднимала сжатую в кулак руку. Ее взгляда было достаточно, чтобы присмирить нарушителя. Ее умные и справедливые слова всегда безропотно принимали.

– А ты, – обратилась она к Федору Ивановичу, – не посмотрю, что сродни мне доводишься. Посмотри подальше своего носа, люди скоро в деревне умирать начнут, на погост понесем. Разуты, раздеты, да и целый день работают на морозе. Пошарься по своим кулацким заначкам, поищи меховой одежды. Ты лучше меня знаешь, где сейчас твой тятя срок мотает по 58-ой, как враг народа. Еще скажу, что в тридцатых годах вы со своей родней закопали в землю много стекла в ящиках. Сама не видела, но вот сорока-белобочка на хвосте принесла. Помогите людям, и Господь даст нам еще увидеть и внуков, и правнуков. А сейчас иди домой, набирайся мудрости!

Сидел Федор Иванович, все слышал, каждое ее слово, съежился, втянул шею в себя. Потускнели умные глаза, затянуло их влагой. Ни на кого не глядя, пошел он к выходу. Чуть-чуть задрезжал рассвет, через сенки, по основательной лестнице поднялся на чердак и стал в охапку собирать с вешалов шубы, дохи, рукавицы-мохнашки из собачины. В другой мешок складывал добротную самодельную кожаную обувь. «Пусть оденутся, пусть согреются, ведь многие из них – мои родственники! И ты, Господи, помоги моему тятю во славу свою!» Все стаскал и положил в кучу посередине дома.

Клавдея говорила громко, чуть ли не криком.

– Ты лучше, Клавдея, поори завтра, сегодня не надо. А то я на твою харю наркоз наложу. Меня учили на курсах.

Бабушка Аксиныя, многое пережившая и многое потерявшая в своей жизни с приходом новой власти, молчала. Муж находился в лагере на Колыме. Сын, забран по линии НКВД восемнадцатилетним парнем, осужден в какой-то лагерь без права переписки. Вот идет уже четырнадцатый год без вести. Сердцем чувствовала, жив любимец Сашка. Юркая, жилистая, с умными глазами, молча, заметалась по кухне, не проронила ни одного слова. Чувствовала, что не тот момент, когда надо запретить, отказать, полностью покорилась судьбе.

Сел за стол, закурил свой выращенный табак Федор Иванович. Взошедшее солнце осветило в окно лицо, грудь, саму душу. Сделал все, как сказала Мартовна. Подумать надо на счет стекла. Надо помочь людям, без них я тоже никто. И так захотелось жить, несмотря на свою инвалидность, несмотря на все трудности.

Во время собрания Кузьма Евгеньевич сидел и думал свою думу: «Скоро собака ощенится. Баню надо срочно ремонтировать. Корыто деревянное, в котором рублю топориком, мельчу выращенный табак, изнашивается, надо бы новое сделать. Заплату надо на обласок положить. Прямо беда за бедой!»

Пропели первые петухи. В бок толкнула Анна Мартовна. Встрепенулся, встал. «Граждане колхозники! Собрание колхоза имени Калинина считается закрытым...». Все стали вставать, громыхать лавками, пошли на выход домой. Дед Кузьма открыл столешницу у стола, положил туда колхозную печать и тоже пошел домой. Дома ждала Анастасия Панисовна. На ужин приготовила заваренную муку в горячей воде, положила на стол два сушеных жировых ельца. Поставила на стол чайник с горячим чаем: «Садись, Кузя, трапезничай, да собирайся на работу!»

Так жила деревня: каждый своей заботой и колхозной – тоже. А за всех вместе ломала голову тетка Анна, переживала, решала, судила. Вольная казачка, от природы с несгибаемым сильным характером, не льстила, не подхалимничала. На всякую неудачу умела дать сдачи, не уронив своего достоинства. Ее дед, Ападист Егорович, большой, крупный, красивый внутренним и внешним видом, с черной кудрявой бородой, кудрявым чубом, по фамилии Стариков – житель Тогура неизвестной биографии. Почему и как оказался он в глухом сибирском месте, никто не знал. Да и в те времена не старались задавать вопросы на предмет, откуда родом и куда идешь. Лучше не любопытствовать. Тайга и ее люди умели хранить

тайны. Глазами видели и делали вид, что ничего не видели, ушами слышали – и будто ничего не слышали.

Много полезного для жизни передала своей любимой внучке Ане мудрая бабка Авдотья, славная хранительница традиций рода Стариковых. Кроме мудрости повседневной по жизни была Аня с малолетства научена бабушкой Авдотьей лечению людей и скота целебными травами, а также бесчисленному множеству православных молитв. Молитвы всегда были с ней в голове, душе и на языке. Лечила весь живой мир от увечий, переломов, ушибов. Бывало, в летнее цветущее время природы выйдет за околицу, внимательно оглядится вокруг себя. Спрашивают ее:

– Что ты рассматриваешь траву, словно корова?

Она в ответ:

– Рассматриваю живую, Богом данную аптеку (природу)...

Все запоминала Мартовна. Сколько людей и скота, малых детей излечила за свою долгую жизнь. От каких только болезней не избавляла род человеческий. Кроме всего принимала роды – принимала участие в божественном явлении. Молитва и целебные травы – основные исходные для ее мудрых рецептов. Дипломированных врачей с их таблетками мы не видели ни до войны, ни во время войны, ни сразу после нее. Никто из детей и взрослых не умирал почем зря. Если случалось, умирал ребенок, то по самому откровенному недосмотру, просто некому было водиться, нянчиться. Сейчас смотрю – аптеки переполнены, в основном, придуманными людьми

лекарствами. А лекарства предлагаются не только в аптеках, а просто в мало-мало приспособленных местах, даже в закутках продовольственных магазинов.

Как мы знаем, у Анны Мартовны два сына-богатыря воевали на фронте. Младший, Иван, не был еще женат, а вот старший имел жену и дочь Гутю (Августу), родившуюся в 1939 году. Перед самой войной тяжело заболела жена Андриана, проболела недолго. Помочь ничем не смогли. Тихо как-то, что даже деревня не заметила, ушла из этой жизни, как бы от земного царя вышла в дверь и вошла в дверь Царствия Небесного. Была молодая, чуть больше двадцати лет. К концу войны пришло тяжелое горе в дом Анны Мартовны – смертью героя на поле боя погиб ее сын, Андриан. В тяжелом горе сжалось в кулак, съежилось большое сердце мудрой женщины. Ходила на работу, выполняла, как и всегда, возложенные на нее обязанности.

Судьба вручила ей маленькую внучку Гутю, единственную дочь Андриана. Теперь она несла полную ответственность за нее. В то тяжелое время не бросали своих детей, своих ближних. Жил в людях страх Божий, люди имели совесть.

Случилось Мартовне в апрельское время весны пойти пешком в поселок Усть-Тым. На выходе из деревни низко над землей пролетел аэроплан. Вытянув руку, сжатую в кулак в сторону маленького фанерного самолета, как только умела, она крикнула громко, четко обращаясь к улетающему летчику, произнесла:

– Летаяшь тут, бездельник, вместо того, чтобы быть на войне с нашими мужиками, бить фашистов, прячешься за нашими юбками!

Самолет улетел, а она пошла дальше на Усть-Тым по своим делам. Прошло дня три, приехали в деревню двое с кобурами, с папками. Вызвали тетку Анну в колхозную контору, стали расспрашивать, допрашивать:

– Ты на днях ходила в соседнее село, Усть-Тым?

– Ходила, – отвечает.

– Ты кричала нехорошие слова в сторону летящего самолета?

– Так было.

– Ты знаешь, что по законам военного времени это все относится к подрыву Советской власти, к агитации народных масс на ее свержение?

В общем, пошло и поехало. Через два месяца Мартовну вызвали в Каргасок. За то, что два сына защищали родину, оставили без лагерного наказания. С должности заместителя председателя колхоза сняли. Дальнейшую жизнь она дожила в деревне Пристань. Нисколько не изменилась, какой была, такой осталась.

Дед Иванов

Дом нашей семьи стоял посреди деревни. Рядом, в нескольких метрах от нашего дома, стоял деревянный дом, в котором находилось сельпо, другими словами, торговая лавка. В определенное время лавка открывалась, в ней можно было купить спички, керосин, хлеб. Денег у людей почти не было, поэтому торговля шла не так оживленно. Многие просили продавца отпустить товар в долг под будущие деньги.

Напротив нашего дома стояли два амбара, принадлежащие колхозу. Давно, с самого детского возраста, я узнал дорогу к деревенской торговой лавке. Помню, сижу на крыльчке нашего сельпо. Было раннее июньское утро. В тот год лето было очень теплое, за ночь много выпадало росы. Ночи летние были очень короткие, сумерки до полной темноты не успевали сгущаться. Когда рыбачили ночью, то пойманную рыбу в сеть можно было выпутывать, особенно не напрягаясь. Сажу босиком на крыльчке, то и дело отмахиваюсь от комаров, паутов, а солнце начинает щедро меня заливать восходящими лучами. Смотрю, двое мужчин, шедшие по дороге, как раз напротив меня встречаются. Оба фронтовика. Один из них Михаил Осипович, другой, пришедший с войны по ранению, Иван Семенович, во время войны побывал в плену, потом – в трудармии. Шел он на рыбалку, а Михаил Осипович шел с рыбалки.

– Ну как, Михаил Осипович, улов?

– Да, поймал неплохо, в основном, красных (рыжих).

– У нас на севере вкуснее, да и нежнее считается белый карась.

Говорили, не торопясь, очень тихо, весь разговор я их слышал, не напрягаясь. Михаил Осипович, который шел с добычей, с легким юмором, едва уловимым иносказанием, говорит:

– А ты как думаешь, с чего им быть белым-то, их же в восемнадцатом году перебили, остались только красные.

Посмотрев друг на друга, улыбнулись, и каждый пошел в свою сторону. Дорого бы, очень дорого стоил бы им услышанный мною разговор. Да слишком мал я ростом и мал годами, чтобы обращать на меня внимание, как на свидетеля. Прошли годы. Всю жизнь я помнил разговор в шутиливом тоне между двумя бывальыми мужчинами.

Так же рядом стоял еще один дом. Хозяином этого дома был Иванов Степан Ефимович, человек глубокого возраста. Высокий, довольно стройный, жилистый, с белыми усами, белой бородой, голубыми глазами, производил собой приятное впечатление. На здоровье не жаловался. Жаловаться, значит говорить, а Степан Ефимович был молчуном. Редко услышишь его голос. Было это несколько раз, потому и запомнилось. Стоит однажды возле своего дома, смотрит вверх на крышу дома, а я рядом, и говорит: «Надо крышу перекрывать...» Крыша от нужды была покрыта большими листьями бересты. Потом, спустя полгода, стоял также возле своего дома, делает легкий ремонт нарт для собак и произнес: «Пришла пора готовиться к зимней рыбалке...»

Жил он тихо, незаметно, без лишней суеты, никому не мешая, и незаметно жизнь отсчитывала прожитые им годы. Конечно, почти все знала про него его жена, Апра辛ья Ефимовна. Помню ее, возраста далеко за семьдесят лет, маленькая, шустрая. Бежит, бывало, зимой в стайку в стрекучий мороз, телогрейка расстегнута, на ногах черевички (это сшитая из кожи обувь наподобие домашних тапочек). С соседями-женщинами говорила и говорила. Но что-то связанное и вразумительное, касающееся деда – ни слова. Вспоминается случай. Было это ранней весной. Недавно сошел снег. Сидим мы, полная изба ребятишек. Как всегда, голодные, маковой росинки во рту не было с утра. Вдруг приносит бабушка Апра辛ья зеленый свежий сочный лук-батун. Мы съели все мигом и еще ждали. Никогда не забуду, какой он был вкусный тогда!

Ну а дед, как и многие мужики того времени, был мастер на все руки, многое умел, и все спорилось в его руках. Был он рождения, примерно, 1870 года. Много и очень много я знавал таких людей в своем мальчишестве, людей дивных и необыкновенных. Таких людей по характеру и с таким множеством профессий сейчас просто нет. А людей, берущихся за любое дело и делающих его кое-как, множество. Эти люди, прожив долгую жизнь, никого не обидели, даже мухи убить не могли.

Каждое лето за Обью от нашего колхоза жила бригада по заготовке сена для общественного скота. Там же за рекой на ее берегу, на опушке лесочка стояла маленькая аккуратная избушка, построенная Степаном Ефимовичем. У нас в бригаде как-то закончилась соль. За солью

отправили меня. Я сел на лошадь и поехал к деду. Некоторое время ехал я вдоль длинного узкого озера, потом по хорошей протоптанной дорожке, которая привела меня к самой избушке. Привязав лошадь, цыкнул на сердитый лай собаки, зашел внутрь избушки. Дед не вышел меня встречать, молча, стоял посреди избушки. Я изложил свою просьбу. Дед вышел в сенки, насыпал соли в холщевый мешочек, молча, подал его мне. Было там килограммов шесть. И я, поклонившись Степану Ефимовичу, ушел в свою бригаду заниматься заготовкой сена.

На реке, под горой, напротив избушки дед в большом количестве ставил переметы. Ловил стерлядей, язей и хороших крупных осетров. На заливных лугах, на заросших хвощем озерах, любил он пленичничать, то есть ставить особым способом сплетенные из конского волоса пленицы (петли). Так он промыслял водоплавающую птицу. На берегу озера лежал вверх дном обласок. Поедет на обласке, проверит петлицы, иной раз попадет очень много. Увезет в Усть-Тым, сдаст в приемный пункт по схожей цене, не торгуется, деньги положит в карман и гребет в домашнюю сторону.

Зимой окружит старыми сетями, наставит кружковье петлицы и в большом количестве ловил северную куропатку. И вся эта рыбалка-охота недалеко от избушки. В зимнее время станет на лыжи, а летом на обласке, съездит домой, снабдит Апрасинью пропитанием, помоеся в бане, отлежится и опять в свою вотчину.

Многое знал этот старый человек, с самого детства был приучен к христоролюбивому православию, много

молился, много просил Господа и много благодарил. Некоторые из деревенских жителей догадывались, что многое знает дед, о чем говорить не положено. Особенно многое случилось повидать и познать в момент прихода новой власти, в момент коллективизации. Умел старик хранить свои и чужие тайны. Вот вроде и человек совсем простой и обыкновенный, а подойди к нему с открытым сердцем, да загляни в его душу, и увидишь много необыкновенного. Что он только не умеет делать, и что он только не знает! Ни к кому из людей он не лезет с вопросами, советами, а просто живет, каждодневно трудясь, молясь Богу. Любую работу начинает с благословения, приносит он пользу себе и людям. Те дары природы, которые он брал своим трудом, щедро раздавал людям и лишь самую малость оставлял себе. Шла война, не на что было купить соли, ниток, спичек, не говоря уже о муке, которой просто не было в наличии.

Не все люди были с такой доброй душой. Находились те, кто в ужасное военное время значительно обогатился. Не гнушались такие люди красноармейкам продать ведро картошки за обручальное кольцо. Таких людей было совсем мало, и не о них мой рассказ.

Многие века текла река Обь тихоходная, спокойная. Правый берег Оби большей частью отлогий, песчаный. Потом хорошая, тихая курья, всегда полная рыбы. За курьей стояла деревня Пристань. Шириной Обь напротив нашей деревни была более двух километров. В момент весеннего разлива половодье доходило до пятнадцати километров, а в отдельных местах и шире.

Вся наша жизнь в пойме реки требовала передвижения с одного места на другое только с помощью обласков или лодок. Еще можно было передвигаться с помощью лошадей. Других средств передвижения просто не было. Поэтому испокон веков в каждой нарымский семье эти средства были.

Степан Ефимович редкий год не мастерил себе новый обласок. Садился в него, ехал в вершину курьи, валил на землю подходящую ветлу и принимался за работу. Делалось это ранней весной, когда только что освободится река ото льда. К обласку никогда не делал бортов, по-нашему называется артопа. Откуда пришло это название? Остяцкое, а может заимствовано у архангельских поморов. Нам, чалдонам, было привычнее слово артопа, чем-то несуразным веяло от слова «борт», в нашем понимании. То, что Степан Ефимович не ставил, не крепил на обласке артопу, приводило к мысли о сильной воле и духе коренного жителя Чалдонии.

Когда в младенчестве прочитал я рассказ нашего русского путешественника Арсеньева «Дерсу Узала», на всю жизнь представил портрет этого замечательного следопыта и зверолова, коренного жителя Уссурийского края. Также и портрет жителя нашего чалдонского Нарымского края нельзя представить иначе, как с обласком, ружьем и собакой. Еще мальчишкой, плутая по нашим бесконечным просторам зимой и летом, днем и ночью, поздно вечером, приготовив себе немного ухи, кормил собак и воображал, что где-то сейчас, подобно мне сидит с ружьем и собакой уссурийский мальчик, мой одногодок.

Однажды, как обычно, собирался старик навестить свою бабушку. Долго грузился. Пустой никогда не ездил, всегда груженный. Погода начинала портиться. Потянуло северным ветром. Оттолкнулся от берега, испросил благословение у Бога и привычно заработал веслом.

Ветер все сильнее поднимал рябь по воде. Ветер с севера – это ветер против течения. Волны могут достигать больших размеров. Обласок двигался наперерез течению. Путешествие началось, и, как сказано в Писании: «Назад не оглядываться!» Конечно, как кормчий, как рулевой обласка, Степан Ефимович был очень искусный и многоопытный. Ветер нарастал с каждой минутой и набирал силу. Волны бежали одна за другой, и просто на глазах вырастала их высота. Волю и весь свой дух собрал в кулак бывалый старик. Обласок нужно вести точным курсом. Никаких приборов. Все зависит от человека да от благодати Божьей.

Волны уже совсем большие, просто огромные, нужно точно работать веслом, регулировать своим телом балансировку, потеряешь управление – перевернется обласок под ударами волн – и конец. Темно, волны, гребни их стали белыми шипящими, раскатистыми. Суденышко постоянно летало вверх-вниз. Боковые волны со страшной силой били обласок по дну. Сотни брызг вокруг завихревались, попадали в обласок. Вода в нем прибывала, из стороны в сторону плавал груз. Необходимо было отчерпывать воду из суденышка на ходу. В речном шторме – совсем не простая работа. На берегу от ураганного ветра падали вековые тополя. Над взыгравшей водой

свистел, гремел, рычал ветер огромной силы и скорости. Старый рыбак мокрый с ног до головы.

– Господи Иисусе! Сохрани и убереги, – шептал не теряющий присутствия духа Ефимович. – Пока держусь, пока двигаюсь...

Самую середку Оби прошел. Берег все ближе и ближе. Видно, как на берегу народ, крайне встревоженный, мечется, суется. Дед вел обласок к берегу, собрав последние силы. С трудом двигалось суденышко вперед. Старик стал читать молитву «Живый в помощи Вышняго...». Как-то быстрее и увереннее пошел обласок. Дед уже слышит возгласы с берега:

– Родной! Еще совсем немного... Еще чуть-чуть...

Наконец, обласок толкнулся носом в твердую почву. Старик положил весло на колени. Руки женщин и ребятишек подхватили обласок, вместе с дедом вытащили на берег. У рыбака лицо и борода стали как бы белее. Поднялся, взял в руку весло и пошел к дому.

Юркая Апрасинья, маленькая, в широченной юбке бегала вокруг своего деда. Хлопала его по спине, по груди руками, приговаривала:

– Всю жизнь тебе говорю, ставь артопу к обласку, а ты все по-своему!

Молчал Ефимович, только думал про себя:

– Господь со мною...

Зайдя в сенки, он чуть слышно сказал:

– Всю добычу, какая в обласке, отдай людям. Перекрестился. Переночевал, утром встал, вышел на улицу, определил погоду на сегодняшний день и ближайшие

десять дней. По всем видимым и невидимым приметам предсказывал дед погоду очень точно. Досужему человеку это может показаться недостоверным, но это так. Для того, чтобы давать такой прогноз, нужно просто родиться в таком суровом краю, когда жизненных привилегий никаких. Этот вопрос был самым насущным. Нужно было головой думать, чтобы выжить, чтобы знать, что тебя ждет через час, через два месяца. Умение определять погоду зарождалось от хозяйствования. Как заготовить сено, как провести сезон охоты, как провести промысел рыбы. От заготовленного урожая, от добытой рыбы, пушнины, заготовки кедрового ореха зависела жизнь не одного человека, а порой целого рода. Примет было очень много, и они подтверждали одна другую. Господь помогал людям наблюдательным, с пытливым умом. Жить их становилось легче, если протекала она в единении с природой и по ее законам.

Стал перед образами Степан Ефимович, прочитал несколько молитв, считая их необходимыми. Пошел к обласку, спихнул его на воду, сел, спросил Божьего благословения, тронулся в путь через реку к своей избушке. Дед спешил, основания для этого были. Вода остановилась на одном уровне. Два дня постоит и пойдет на убыль. Погода стояла теплая, тихая, ласковая. А это значит, что рыба язь жир нагуляла предостаточно. Вода затопила луга и стояла долго. Язь откормился. Почему разговор о язе, да потому что как только начнет убывать вода, язь тронется одним из первых из озер, с лугов, по протокам пойдет дружно. Будет он скатываться в большую реку, не задерживаясь. Степан Ефимович все это знал. Ловушка у

него заранее готова. На рыбалке нужно вести себя очень тихо: ни говорить, ни шуметь, ни греметь веслом об обласок. Для этого цевье весла – часть, выше лопасти, нужно хорошо обмотать тряпкой, вот тогда стука не будет точно.

Ну, а теперь на озеро Большое, на место хода язя, наставить всевозможную ловушку. Рано утром он пойдет большими стаями. Подъезжает рыбак к ловушке, проверяет улов и начинает вытаскивать из сетей язей. В этом году и в прошлом поймал он около двух центнеров. Сегодня на Усть-Тым приходит пассажирский пароход «Карл Маркс».

Управляет старик обласком и думает:

– Нагружу полный обласок, прикрою мокрой травой – и в путь. Все должно получиться, как раз к стоянке парохода подрую.

Причалил к берегу рядом с пароходом, траву с рыбы убрал, чтобы ее было лучше с парохода видно. Позиция рыбаком выбрана правильно. Все видно. Со второй палубы два матроса свешали головы, кричат:

– Дед, почем рыба?

– Три рубля штука, – отвечает.

– Дорого!

В это время раздается протяжный первый гудок парохода. Дело продавца и покупателей резко обостряется. Еще остается два гудка – и пароход уйдет окончательно. Полный обласок жирных язей, упитанных, с красными опереньями, с широкими спинами, часто открывают рты, блестят на солнце. Рыба еще живая, не меньше двух

килограммов каждая. Дед сбавляет цену, пароход скоро уходит:

– Два рубля за штуку...

Нашлось несколько покупателей, рыбу понемногу разобрали. Раздается еще один гудок.

– Дед! Решай вопрос с ценой – скоро отчаливаем!

– Берите по одному рублю! – сдается старик.

Пассажиры и матросы стали быстро набивать свои кулемки. Рыба убавилась неплохо.

Пароход дает последний третий гудок, покидает пристань. Пассажиры на берегу и на пароходе на прощание машут платочками. Торговля закончена.

Степан Ефимович погреб в домашнюю сторону. «Немного посолю, немного закопчу, остальных язей раздам сельчанам...» С такими благими мыслями возвращался старый рыбак домой, в избушку, в свою вотчину.

Старый Томск

Впервые я оказался в городе Томске тринадцатилетним мальчиком. Это было в начале лета. По полноводной реке Обь четыре дня я добирался до города пассажирским пароходом. Ехал я четвёртым классом. Эти места располагались на металлическом перекрытии трюма, где находилась монотонно работающая паровая локомотивная машина. С визгом и скрипом передавала она своими шестерёнками механические усилия на колёса, которые были установлены по бокам парохода. Давлением пара регулировалась скорость вращения колёс, тем самым менялось скорость судна. Скорость против течения достигала восемнадцати километров в час и двадцати двух – двадцати четырёх километров в час по течению.

Мы, пассажиры старались занять места ближе к стене, отделяющей нас от работающей машины. Потолок машинного отделения, а для пассажирских мест четвёртого класса – пол был всегда тёплым, даже слегка горячим. Размещались мы прямо на полу на своих мешках, чемоданах, узлах. Нам, ребятишкам очень интересно было наблюдать за тем, что происходило внизу. Свесивши головы через металлические перила, мы подолгу могли смотреть за работой матросов-кочегаров.

Паровая машина работала на каменном угле. Два матроса-кочегара, постоянно орудуя лопатами-углянками подбрасывали в топку уголь. Матросы были по пояс раздеты. По их разгорячённым телам стекал струйками пот. Вокруг клубилась угольная пыль, которая прилипала

к обнажённым телам кочегаров, делая их смуглыми, чёрными. То и дело кочегары открывали тяжёлые чугунные дверцы топок. Раскалённое добела месиво топлива обдавало жаром работающих матросов. Периодически они подходили к крану, открывали его и обливались водой, пытаясь сбить жар своих раскалённых тел. В таком горячем ритме продолжалась вся смена. По окончании трудовой вахты, которая длилась шесть часов, шли они отяжелевшей походкой, медленно поднимались по металлической лестнице, уставшие, закопчённые. Только глаза да зубы сверкали на их чумазных лицах.

А пароход шёл и шёл, останавливаясь на пять-десять минут в селениях, где ему предписано расписанием. Почти на каждой пристани к прибывшему пароходу выходили крестьянки. В руках они несли лукошки, корзинки, вёдра, наполненные куриными яйцами, варёной курятиной, копчёной рыбой, творогом, молоком. Предлагали они пассажирам парохода всё, что имели сами. Деревни в это время были почти без мужиков – не так давно закончилась война. Продуктового изобилия в деревне просто не было. Но чтобы заиметь хоть какую-то копеечку, женщины продавали эти малые крохи. Вот и маме моей, чтобы отправить меня на пароходе до Томска, пришлось немало постараться, чтобы наскрести сорок два рубля на билет. Были свои чуточные запасы, какую-то часть заняла у деревенских земляков.

С пропитанием в деревне в те годы было очень трудно. Запомнился мне такой случай. Было это в мае месяце. Мы с мамой и сестрами работали на огороде,

готовились к посадке картофеля. Огород находился за деревней, на берегу Оби. Воды в реке было много, она разлилась, и с другой стороны огорода образовался залив, метров семьдесят в ширину. Работаем мы, между собой о чём-то разговариваем. Тут неожиданно появляется на берегу залива незнакомый мужчина. Был он высокого роста, обросший бородой. Подошёл незнакомец к краю залива и вдруг, скинув с себя телогрейку и обувь, бросился в воду и поплыл. В нём виден был хороший пловец. Взмахи его рук были сильными, уверенными. Мы невольно поёжились. Ведь совсем недавно прошёл на реке лёд, и температура воды была градусов восемь! Для человека очень опасно такое переохлаждение.

Приглядевшись, на противоположном берегу залива мы заметилидохлую овечку. Живот у неё уже вздулся, значит лежит она уже не первый день. Видимо, нестерпимый голод загнал мужчину в ледяную воду. Проплыв водоём, он выбежал на берег, схватил овцу, взвалил её на плечи и бросился в обратный путь. Ноша была тяжёлая, и плыть назад незнакомцу было труднее. Но вот он уже на берегу. Мы, забыв о работе, кинулись к нему на помощь. Быстро развели костёр, смастерили вешала для просушки одежды. Мужчина развесил на них свою немудрёную одежонку, сел у костра обогреться. С благодарностью и нежностью смотрел он на нас, ему было несколько неловко. Мужчина этот оказался нашим деревенским, переселенцем с Поволжья по фамилии Швайбер. Он перебросился несколькими фразами с мамой. Чего-то мы, дети, в их разговоре не поняли, а то и сделали

вид, что не поняли, о чём шла речь. Отогревшись, мужчина разделал тушу.

Никогда никому я об этом случае не рассказывал, хотя произошёл он более семидесяти лет назад, чтобы ненароком не попасть в свидетели «государственного преступления». Ведь та овца принадлежала когда-то колхозу, а колхоз – государству. Господи! Когда же мы, люди не на словах, а на деле будем любить друг друга, как самого себя?

Прости меня, читатель, что я прервал пароходное путешествие случаем из прошлого.

Много лет прошло с тех пор. Стал я городским жителем, томичом. В молодые годы мне много пришлось работать в старинных томских зданиях: в двухэтажных деревянных домах и в кирпичных особняках старой постройки. Старинные дома, построенные ещё в XIX веке, к началу шестидесятых годов века XX-го представляли собой сооружения замечательной привлекательности и крепости.

Я, участвуя в электроремонтных работах, убедился на собственном опыте, как основательно, на века строили старые мастера жилища. Внушительные перекрытия между этажами и на потолке, надёжная звукоизоляция, толщина пола до восьми сантиметров – всё это удивляло, приводило в восхищение и преклонение перед строителями минувших веков. Плахи, лежащие рядом, они соединяли для крепости шкантами. Между полом и потолком насыпали мелкий плотный сыпучий материал. От потолка настилали войлок, толщиной в два сантиметра, также войлок стелили и с другой стороны, от пола второго этажа. Общая толщина

такого перекрытия достигала семидесяти сантиметров. При устройстве пола гвозди не применялись, качание плах было исключено. Стены дома были не оштукатурены, а гладко выструганы, затем покрыты естественной олифой, отчего стены светились на солнце приятным золотистым светом, как янтарные. Кровельное железо было так обработано и покрыто специальной краской, что не подвергалось воздействию природы многие годы, поэтому на протяжении всего советского периода кровли старинных особняков не менялись.

Особенно привлекала взгляд на таких домах деревянная резьба. Резные деревянные кружева были на фронтонах крыш, наличниках окон, углах домов, на крыльце. Такая резьба – не просто набор великолепных рисунков, а продуманная мудрым художником неповторимая композиция. Настоящий мастер своего дела того давнего времени – это человек большого пытливого ума, безграничной внутренней чувствительности и исключительного трудолюбия. Мастер резьбы по дереву учитывал всё: и геометрию рядом расположенных строений, и природу, и рельеф улицы. Приметив всё, делал наброски, а потом в своей столярной мастерской долгими зимними вечерами по воле Божьей выполнял задуманный узор, любовался им, с чистой душой трудился над каждой деталью композиции. А когда устанавливалось это деревянное кружево на нужное место фасада дома, сливалось оно воедино с окрестностью. И стоял такой дом веками, вдохновляя мимо идущих людей, делая их добрее и чувствительнее к прекрасному.

Помню, в конце восьмидесятых годов шёл частичный ремонт кровли здания, где располагается сейчас магазин «Тысяча мелочей». Старый Томск знал его как магазин «Пассаж» купца Второва. Мне всегда были интересны такие работы. Взял я в руки старинный железный лист, да загнул его уголок. Металл поддался, но не сломался, а просто согнулся, как корка общей тетради. На листе железа я увидел оттиск печати, на котором стоял год выпуска и имя мастера. Оказалось, что этому железу ровно сто лет! Вот каких мастеров знавала матушка – Русь! В большинстве своём это безграмотные, но порядочные и смиренные душой люди. Любую работу они делали с любовью и честью, без суеты. Ехали они в Томск из больших городов России. Много умелых и искусных мастеров ехали со своими инструментами в нашу суровую Сибирь. Славили они наш город добрыми строительными делами.

Мне пришлось некоторое время жить в Томске в районе спичфабрики. За несколько лет неплохо ознакомился и узнал много интересного об этом микрорайоне. В самом центре этого своеобразного посёлка, недалеко от фабрики была баня. Построена она была в бытность купца Кухтерина, хозяина спичечной фабрики. Любил я в молодые годы по-настоящему попариться в бане, погонять по жилам кровь. Да вот какое дело – не брал меня никакой пар, наверное, сердце моё было выносливое. Иногда бы и попарился ещё немного, а приходилось перед людьми делать вид, что упрел, отдохнуть бы надо. Но речь не обо мне. Часто приходил в эту баню очень старый дед. Высокого роста, отменного здоровья, с крепкой памятью.

Обычно, попарившись, он долго сидел на лавке. Со временем я узнал, что от роду ему восемьдесят семь лет. В молодые годы он работал у купца Кухтерина на фабрике. Много он вспоминал о старой жизни. Бывало, сидим с ним, подолгу неторопливо ведём беседу: о том, как до революции жили, работали. Немало я узнал из его воспоминаний. Так, при фабрике Кухтерина была столовая. Работала она каждый день и почти без перерыва. Утомится рабочий человек за день, спички-то в коробки набивали вручную, проголодается и идёт в столовую передохнуть, подкрепиться. Столовая среди рабочих называлась «обжорка». Плата за питание с рабочего не взималась.

Недалеко от фабрики стояли два аккуратнo срубленных дома. В каждом доме жили по три семьи, рабочие фабрики. Тут же, недалеко стояла церковь, построенная купцом Кухтериным. Сложена церковь была добротно, из красного облицовочного кирпича, с орнаментом. С торца здания вниз, в подвал вели широкие ступени лестницы. Когда почил хозяин фабрики, похоронен он был склепе подвала церкви. В советское время в церкви был устроен клуб. Рассказывали, что томскими историками была предпринята попытка вскрыть захоронение фабриканта, уже была демонтирована мощная металлическая дверца склепа. Но по каким-то причинам Егором Кузьмичом Лигачёвым был дан запрет на вскрытие могилы. Было объяснено, что купец Кухтерин сделал много хорошего для города и прах его не следует тревожить.

Много и других случаев было в городе. Под видом установления исторического факта проводились

изыскательные работы, а на деле осуществлялся поиск запряганных драгоценностей. Старожилы микрорайона спичфабрики рассказывали, что на его территории во многих местах были выкопаны ямы, куда сваливали разный мусор. Почему? Зачем? Ведь в старые времена, при купце на фабричной площади нельзя было увидеть даже брошенной щепки! Всегда поддерживалась идеальная чистота.

Другие были порядки. Человеческие. Так рабочие имели в своих подворьях животных: лошадей, коров, мелкий скот. Когда наступало лето, купец Кухтерин освобождал своих рабочих от фабричных дел. Те летом сажали овощи, сеяли зерно, косили сено, готовили дрова. А осенью снова возвращались на фабрику. В версте от фабрики, на улице Сенной, на большом пустыре было место для хранения сена, которое привозили из деревень для продажи горожанам, имеющим скот. Вот так было.

До революции город Томск населяли сорок пять тысяч человек. Тридцать восемь церквей украшали и хранили старый Томск. С приходом советской власти все до единой церкви были закрыты, некоторые разрушены, многие осквернены и переоборудованы под клубы, хранилища или ремонтные мастерские. Зато в городе в срочном порядке были открыты сорок восемь тюрем! По своей работе мне часто приходилось бывать в таких местах и повидать их своими глазами. В каких только помещениях их не устраивали! Одна из таких тюрем находилась в подвале здания, что на углу площади и проспекта Ленина. Сейчас в этом здании находится онкологическая больница.

Строение это имеет давнюю историю. На рубеже XIX-XX веков древний Томск пережил подобие золотой лихорадки. Среди горожан упорно распространился слух, что в его окрестностях обнаружены залежи золотых руд. Повалил в сибирский город лихой люд, охочий до разного рода авантюры. Оказались среди них два брата, прибывшие в Сибирь аж из Америки. В самом центре города, напротив Богоявленского собора построили они здание для размещения своей фирмы. Кроме всего прочего в подвале строения оборудовали они специальное помещение. Это помещение было ни что иное, как пыточная, предназначенная для проведения допросов с пристрастием. В подвале здания было несколько одиночных камер метра три в длину и чуть больше метра в ширину. В стене была устроена ниша в человеческий рост. Эта ниша закрывалась тяжёлой металлической дверью с кованым прочным засовом через всю ширину двери. Человек, помещённый в такую нишу, находился в вертикальном положении без всякой возможности сделать какое-то движение, согнуться, присесть. Вот такая изощрённая фантазия бывает у лишённых души людей. Для большевиков, пришедших к власти после октября 1917 года, эти подвальные помещения, построенные американцами, оказались настоящей находкой. Сколько добрых и честных людей прошли там страшные испытания! Никто этого сказать не сможет.

В то же время на берегу речки Ушайки было выстроено здание роскошного вида под названием «Славянский базар». Здесь размещался ресторан высшего

класса. Работал он почти круглосуточно. Дорогие изысканные блюда, продукты для которых привозились из Заполярья, Камчатки, Китая и Европы. Отборное заморское вино лилось рекой. В ярко освещённых залах «Славянского базара» звучала музыка: жалобно, с надрывом пела гитара в руках искусного цыгана, звучали благородные аккорды фортепиано. Заливались переборами до безумия шуйские и тульские гармошки, необыкновенно красиво пели расписные тальянки. Тут же шли игры за биллиардными и карточными столами. Веселье, игры не прекращались всю ночь. Были и другие развлечения. Совершались здесь и разного рода деловые операции. Где-то в укромных уголках, закутках происходили хитрые обмены, заключались сомнительные договоры, не всегда честные сделки. Деньги большими потоками переходили из рук в руки. Как только выносили стены «Славянского базара» множество далеко не безобидных дел и поступков!

Были от ресторана прорыты тайные ходы. Хорошо укреплённые, надёжно замаскированные, вели они один к Ушайке, другой – к Томи. С этими тайными подземными ходами связано множество жутких историй: и реальных, и выдуманных. Все они похожи на такую картину. Представьте: вчерашний бродяга-золотоискатель, давно не мытый, только что переодевшись в дорогую одежду, натянув её на грязное вонючее тело, изрядно употребил самой дорогой водки «Смирновской» и важно разгуливает по «Славянскому базару». С безобразной хмельной рожей куражится перед ресторанным приказчиком, показывает, да так, чтобы все видели, с огромным трудом намытые

золотые самородки, потряхивает перед носом ресторатора заветным мешочком. С трудом шевеля языком, цедит: «Да вы знаете, кто я!? А вы кто такие? Я вас всех куплю без разбору и выброшу в реку, как мокрых котят!» В этот момент, откуда ни возьмись, появляется ярко наряженный цыган. Обнажив красивые белые зубы, нежно, с дребезжанием в голосе затянул давно известную песню «Соколовский хор у яра...» над самым ухом буйного посетителя. Перебирает струны гитары чуткими пальцами, пританцовывая, выкидывает коленца из цыганской пляски, потряхивает кудрями темнее смолы. А тут же недалеко швейцары с широкой грудью да в летах молодых, наблюдают, всё видят вокруг. А уж с такого объекта на двух ногах, у которого золото в мешочке, глаз не спускают. В определённое время откроется потайная дверца в сторону Ушайки или Томи – и исчезнет в крошечной тьме разнаряженное тело бродяги. А мешочек с ценным содержимым с золотого прииска мелькнёт в другой стороне. Умный сибирский мужик стал называть такие дела «концы – в воду». А на реке – тишь да благодать, ничто не шелохнётся!

Сейчас через реку Ушайку со стороны магазина «Тысяча мелочей» сделано железобетонное перекрытие, закатанное асфальтом. Когда-то через Ушайку был перекинут деревянный мост. В другом месте через Ушайку был построен каменный мост. Деревянный мост был покрыт толстыми плахами. За мостом, по правой стороне Ушайки стоял кирпичный одноэтажный дом старинной постройки. Длиной метров восемнадцать, с небольшими

окнами, по фасаду – незатейливая каменная резьба. Покрыто здание было железной кровлей. Сколько лет стояло это здание, и сколько себя помню, был в нём всегда продовольственный магазин. Находился магазин на бойком месте, недалеко от старого центрального рынка, поэтому выручка в магазине была, надо полагать, неплохая. Кроме множества продуктовых товаров была налажена торговля разными винами и водкой. Из Грузии привозили разливное вино в бочках. Купцу-хозяину этого магазина пришла в голову идея для забавы. В один прекрасный день он объявил: кто сможет удержать за уздцы тройку лошадей на полном скаку, мчащуюся по улице Миллионной, получит в награду магазин. Первое условие: путь должен пролегать от его магазина до дома золотопромышленника Асташова, а это, немного – немало, больше километра. Сейчас в этом доме располагается областной краеведческий музей. А другое условие было таковым, что наездник должен был быть совершенно нагим! Вот такая прихоть! Была назначена дата гонки. При большом скоплении народа на набережной Ушайки собрались смельчаки показать свою удаль, бесшабашную лихость. В условленное время подъехала тройка резвых сильных лошадей. Первый из смельчаков, пытающихся поймать удачу за хвост, подбежал к несущимся мимо лошадям, схватил мёртвой хваткой узду и, что было силы, старался удержать её. Кони приходили в бешенство, мотали головами, били передними ногами, храпели, захлёбывались пеной, мчались сломя голову. Один за другим соперники бросались к коням, пытались счастье, но терпели неудачу. Некоторые из них попадали под

копыта коней, получали тяжёлые, а порой страшные, несовместимые с жизнью увечья. Городская публика, наблюдавшая это горячее зрелище, приходила в неистовство. И вот, наконец, одному участнику этой дикой скачки, израненному, приложившему неимоверные усилия, удалось добиться желанной цели. Магазин тут же перешёл в его собственность. Купеческое слово было верное!

Много ещё случаев из купеческой жизни хранит людская память. Немало их было: чередовались эти купеческие потехи и забавы, доходили иногда до безумства и жестокости, труднообъяснимой человеческой логикой.

Был и такой случай. Медленно, с большими потугами поднималась повозка одного крестьянина по длинному крутому Воскресенскому взвозу. Тщедушная лошадёнка была запряжена в повозку с дровами. Из последних сил тянула она свой неподъёмный груз. И так старался возница и этак, ничего не получалось: слишком крут был подъём для его клячи. Наконец, выбившись из сил, стала лошадь посреди дороги, раскатились сани с дровами поперёк взвоза, перегородив его. И нет, не хватает сил ни у лошадки, ни у крестьянина, чтобы исправить положение! И тут со стороны ближайшей к Воскресенскому взвозу улицы навстречу горемыкам, резвясь и играя, со звонкими колокольчиками под дугой, вылетела тройка тёмно-вороних упитанных мерингов. Полный красы и здоровья лихой кучер едва сдерживал разгорячённых лошадей. И вдруг взвилась тройка на крутые дыбы! В яростном беге кони чуть не раздавили бедолагу-крестьянина! Из кареты, запряжённой в разудалую тройку, не спеша вышел в

соболей шубе купец-промышленник Евграф Кухтерин, некоронованный властитель Томской губернии, владелец сибирской ямщины. С важным видом подошёл к крестьянину и спросил, нет ли у того топора. «Есть, хозяин...» – робко промолвил дрогнувшим голосом бедняк и рухнул на колени прямо в снег. – «Только барин, жалься не тронь... Полная изба ребятишек!» Резко взмахнул купец ладно сделанным топором прямо в лоб крестьянской лошади! Трясущаяся мелкой дрожью лошадь разом опустилась на колени, коснулась зимней дороги Воскресенского взвоза и навечно замерла, отработалась. Выскочили из кареты добрые молодцы, помощники богатящего купца, оттащили лошадь вместе с повозкой на обочину. Достал Евграф Кухтерин приметный кошелек не нашей работы, вынул три рубля и протянул крестьянину, так и стоявшему на коленях в снежном сугробе: «Возьми! Купи на них лучшую лошадь, а не кляче больше не езд, не мешай людям!» И медленно пошёл к своей шикарной карете. Пронзительно свистнул бесшабашный кучер, и тройка вороных коней резко пригнулась, захрапела, сверкнула дикими глазами и рванула с места в карьер. Неповторимую мелодию запели под дугой тройки колокольчики, привезённые из центральной России. Через секунду разудалая тройка скрылась из вида, исчезла в городской дымке. Как будто ничего и не было. Мужичок, потрясённый произошедшим, ещё стоя на коленях, медленно поднял бородатую голову к святым крестам Воскресенской церкви и, шевеля бескровными губами, прошептал: «Господи, помилуй... Господи, помилуй... До неба высоко, до царя далеко...» Так оно было.

А в двенадцатом году XX века в Томске стали показывать кино. Немое. Кинотеатр был устроен на месте существующего и ныне кинотеатра «Киномир». В первую очередь увидели фильм самые важные люди города. Это были представители городской власти, томское купечество, мещане, лавочники. Знакомство с такой диковинкой всех удивляло. Но вскоре пошли разговоры, мнение многих совпадали в том, что не до конца отражают фильмы жизненную действительность. К примеру, смотрят фильм о Севастопольском сражении. А где дым? Где скрежет сабель? Где грохот пушек и стрелкового оружия? Всё молчит на экране, только картинки мелькают. Даже как-то скучновато становится! Стали купцы думать да гадать, фантазировать. А что, если сделать так: посадим за ширму человек пятнадцать, дадим им ружья, заряженные холостыми патронами, а другим дадим барабаны. Во время показа штурма они будут мощно кричать «Ура!», бить в барабаны, стрелять из ружей. Можно дать им поджигать порох маленькими дозами, чтобы был запах. Во время движения конницы мужики будут топать и ржать лошадиному. На том и порешили. Тогда же разрешили курить в зале. Что же получилось? Идёт картина... И начинается весь этот маскарад, невообразимый шум, приближенный к звукам боя: выстрелы, победные крики, лошадиное ржание, дым по всему залу! Дышать нечем! А в зале то и дело раздаются восторженные возгласы, ликование. После фильма толпа зрителей вываливает на улицу. От произошедшего события шумит в ушах, перехватывает дыхание. Старые купцы, вытирая друг другу

платочками слёзы, целуются, громко обмениваются впечатлениями... И так было.

На улице Миллионной старого Томска, в самом центре города было здание, где располагался государственный банк. А на противоположной стороне размещалась городская телефонная станция. Так вот, задумал один из тогдашних предприимчивых людей возвести здание, в котором ныне размещена телефонная станция. Строительство шло очень медленно и длилось три года. Приходилось застройщикам поднимать грунт, а его возили на телегах. Это замедляло темпы работ. Но вскоре оказалось, что не только это стало причиной долгостроя. Цель у предпринимателя была далеко не благочестивая: от строящегося здания через улицу Миллионную хозяин задумал выкопать подземный ход под банк и осуществить ограбление. Но вскоре план мошенников был сорван, а сами они разоблачены. И так было.

Ещё хочется мне рассказать об одном томском магазине, который хорошо был известен старым томичам. Он располагался в месте перехода теперешней улицы Пушкина в Иркутский тракт. Неказистое одноэтажное, на деревянном основании строение, расположенное напротив тюрьмы, однако, имело большую популярность у жителей окрестностей. В народе этот продовольственный магазин назывался «Лавка Морозова». Стоял магазин уже сто лет. Приходили и уходили своей чередой верховные правители, менялась местная власть, а народ всё называл магазин «Лавкой Морозова». Только тогда, когда очередной руководитель распорядился снести лавку до самого

фундамента и построить на его месте многоэтажное здание, всякая память об этом магазинчике оборвалась. И это было.

Старые горожане по давней томской традиции очень долго содержали в своих подворьях лошадей, коров, свиней. Многие разводили домашний скот для маломальской поддержки своих семей, чтобы хоть как-то прокормить детей и себя. Такое подспорье для выживания существовало до тех пор, пока у руля государства не оказался всёвидящий реформатор Никита Сергеевич Хрущёв. Доходчиво объяснил он народу, что немислимо советским людям держать в городских дворах скотину. С одной стороны, специфический запах портит всякое впечатление о городе, а с другой – равняться надо на развитые страны, там такого явления нет! К 1963 году у томичей было насильно изъято и отправлено в близлежащие колхозы до восьмисот голов крупнорогатого скота. Коровы эти были высокоудойные. За каждой ухаживала ласковая хозяйка. Домашние коровы совершенно не были приучены к общественному стаду. Некоторые из них бежали назад в город. Многие так и не привыкли к колхозной жизни. В деревенских загонах жалостно мычали коровы, а в городах голосили их хозяйки. Да и колхозники не очень были рады такому прибавлению в общественном стаде. Кормов-то для городских коров не было припасено. Вскоре коровки эти погибли. Мясокомбинат в те годы работал круглосуточно. И так было. Эксперименты продолжаются...

Костя Новосельцев

Об этом человеке я знаю совсем немного, но не вспомнить о нём не могу.

Во второй половине войны руководителем Усть-Тымского леспромхоза был назначен Константин Константинович Новосельцев. В трудное время пришлось ему заняться тяжёлой работой. Люди жили одним днём, работали, не зная, что будет сегодня к вечеру, завтра. И непростой человек был поставлен им в руководители. Высокого роста, крепкого телосложения, с большими могучими руками – вот портрет этого человека, каким выхватила его моя детская память. Был он молчаливым, говорил с людьми только по конкретному делу, по долгу службы. Такой отпечаток оставила в характере Константина Константиновича колымская жизнь. Осуждён он был на двадцать пять лет. Арест молодого, честного, имевшего на всё своё особое мнение сибиряка-чалдона происходил ночью. Ведь зачастую все воровские нечистые дела творятся в тёмное время суток. Отправили Костю, осуждённого тройкой по линии НКВД, в Колымский лагерь на долгие годы. Кто знал истинную причину такого жестокого наказания, тот давно ушёл из этой жизни. Население Колымы увеличивалось быстро. К началу войны в лагерях находилось до трёх миллионов человек. Нужно было выполнять и перевыполнять поставленные властью планы. Людей очень слабо кормили, кое-как лечили, потому рабочая сила обходилась государству очень дёшево. Дешёвая рабочая сила поднимала экономику страны. Но

от тяжёлых болезней и невыносимых условий Крайнего Севера умирали до трёхсот тысяч человек ежегодно. А пополнение рабочей силы шло и шло. С началом войны приток арестантов снизился – нужно было отправлять солдат на фронт.

Много умных сметливых людей встречалось в лагерях. Часто они выполняли такую работу, с которой никто не мог справиться. Так однажды перед лагерным начальством встала задача срочно выстроить мост через реку. Строительство моста было сопряжено с огромными трудностями технического характера: вечная мерзлота, тяжёлый грунт горных пород и много других препятствий усложняли работу. А высшее начальство НКВД торопило, никаких объяснений не принимало. Ведь шла война, нужно было вывозить сырьё при любых обстоятельствах. По-другому и быть не могло.

И вот тут заключённый Константин Новосельцев доложил начальству о возможном варианте решения проблемы. Начальство сразу же ухватилось за Костины рассуждения. Ведь в случае невыполнения задачи им грозило лишение должности и даже головы. Костя тоже рисковал, взяв на себя ответственность непосредственного исполнителя сложного задания. В случае промедления или неудачи мог потерять жизнь.

Руководство лагеря создало приемлемые условия для проведения изыскательских работ на местности, выполнению чертежей будущего моста. Арестант много и упорно работал, проявляя немалый природный ум, смекалку. Прошло время, и на строительстве закипела работа.

Плотников и рабочих других строительных профессий на Колыме было – хоть отбавляй! В самые короткие сроки мост был построен. Начальники лагеря торжествовали, что сложный вопрос решился быстро, мирно, благополучно. Получили они за это награды. Не оставили без внимания и Костю, значительно сократив срок его пребывания в лагере. Решено было направить заключённого Константина Новосельцева в Нарымский край, домой. Колымские лагеря были заменены ссылкой в родные места, не менее суровые, но родные.

Ликовала зачерствелая от тяжёлой участи душа сибиряка-арестанта. Спрятал он наворачнувшиеся на глаза слёзы. Около десяти лет провёл Костя в заключении, теперь вернулся домой со справкой с печатью. В самое кратчайшее время нужно было забыть о том, что такое пятьдесят восьмая статья. Теперь он уже не враг народа, а честный труженик, строитель самого справедливого общества.

Районное руководство назначило Константина Константиновича Новосельцева начальником крупного леспромхоза. В зимнее время в леспромхозе занимались заготовкой леса в большом количестве: валили его, трелевали. Лесные массивы были огромные. Потом лес при помощи людской и лошадиной тяги перемещали на берег реки Тым. Весной во время половодья лес по воде отправляли вверх по Оби, грузили его на баржи и отправляли в разные концы Советского Союза.

В нарымских деревнях после войны мужчин почти не было: многих подженила пятьдесят восьмая статья, а уже чуть позже сыновья врагов народа ушли на фронт защищать

страну от фашистов. К тому времени в Сибирь большими партиями стали привозить «врагов народа» из западных регионов Советского Союза. В подчинении у Константина Константиновича оказались мужчины, высланные по статье из Западной Украины. В народе их называли «бандеровцами». Редко улыбающиеся, высокие в большинстве своём, красивые люди. Помню, какие у них красивые девчонки и парнишки рождались! Засмотришься, бывало, на девчонку-отроковицу, глаз невозможно отвести!

В леспромхозе работа всегда была тяжёлой. Весь рабочий день на морозе, под открытым небом, колючими ветрами и непогодой. За выполненную работу леспромхозовские получали деньги. В материальном отношении они были в более выгодном положении по сравнению с нами, колхозниками. У нас труд был бесплатным. Работали с раннего утра до позднего вечера, без выходных и права на отпуск. Но и в лесу, и в поле, и на ферме – везде нужно было упорно трудиться. Рабочие-украинцы часто роптали, высказывали недовольство. Но Константин Новосельцев обладал силой, опытом лагерной жизни. Одним своим видом мигом усмирял недовольных.

Нелегко было Константину. Честность, обострённое чувство справедливости и собственного достоинства делали этого человека непохожим на своих подчинённых. Много производственных вопросов стояло перед ним. Он нёс ответственность за большой непростой коллектив, за точное выполнение плана, за решение вопросов обеспечения хоть чуточку приближенной к нормальной жизни своих рабочих. По партийной линии спрос был строгий. Не всё всегда шло

гладко. Не находя ответов на некоторые вопросы, прибегал он иногда к помощи алкоголя, в нём искал разрядку. Всё чаще стали повторяться тяжёлые запои. В таком состоянии начальник мог совершать объезды леспромхозовских участков на своём рабочем катере. Однажды во время очередной оперативной поездки Константин отвязал от катера обласок, сел в него и, оказавшись в месте соединения рек Оби и Тыма, не справился с управлением, выпал из обласка и утонул. Нужно сказать, что при слиянии мощных полноводных сибирских рек естественная стихия образует воронки страшной круговерти и огромной силы. В одну из таких воронок и угодил испытанный жизнью человек. Люди, рождённые на больших сибирских реках, прекрасно представляют, что значит, попасть в так называемые на местном наречии «улова». Спасения нет! Так ушёл из жизни этот замечательный сибиряк.

Остался у Константина Новосельцева сын, тоже Костя, тысяча девятьсот тридцатого года рождения. В ранней юности мне доводилось с ним встречаться. Это был парень красивой наружности, высокий и физически крепкий. Он получил хорошее образование и стал достойным человеком. Константин Константинович, как и его отец, отличался прямоотой суждений, целеустремлённостью, трудолюбием. Как его отец, как его славные предки – нарымские чалдоны.

Послесловие

Тысячу лет назад наделенные властью передовые люди Руси совершили гражданский подвиг, двинув свой народ на новый религиозный путь – путь христианского православия. В древней и славной Руси состоялось крещение народа. Много побед было одержано над внутренним и внешним врагом. Пошли из центра Руси наполненные отвагой православные миссионеры на Волгу. В северные земли отправились первые добровольцы-христиане. Трудным и сложным путем шла Святая Русь к своему величию: великим трудом полководцев, ученых и трудом рядового народа.

Во время царствования Иоанна Грозного двинулся за Камень, на сибирскую землю воин с Тихого Дона, Ермак Тимофеевич. Казак неизвестного рода, горящий отчаянной отвагой, со свободолобивой ватагой отважных казаков да беглых преступников двинулся в поход, на неизвестную суровую землю, чтобы покорить и, как Божий дар, внести в казну Сибирское царство.

Любили Ермака мои нарымские предки и в образ его вкладывали лучшие качества характера. Бывало, долгими зимними вечерами в разгар сибирского застолья, употребив горилки собственного изготовления, при закуске, равной царским угощениям, расстегнув ворот рубахи, могли дружно грянуть, с надрывом роня горячие слезы, запеть песнь про Ермака. Потом долго из уст стариков звучали легенды, сложенные про него. Одну из таких легенд слышал я в далеком ребячестве.

Ермак в Сибири имел большую славу благодаря своим военным успехам. Наш царь, Иоанн Грозный, в то время был занят неотложными делами государства, не мог заниматься воинством Ермака. Однажды велено было царем явиться Ермаку в Москву. Царь, после завоевания Сибири, учитывая большую значимость атамана и понимая, какую он имеет репутацию среди простого народа, решил одарить его неисчислимым богатством. Но было условие, чтобы Ермак навсегда оставил свое занятие, сменил свое имя и получил в свое правление отдельное русское княжество. Так гласила легенда. Одна красивая история сменяла другую. Так и осталось загадкой: откуда пришел этот народный герой и куда ушел. Ни могилы у него, ни имени – все кануло в прошлое.

Настоящее население Сибири составляет полпроцента от населения планеты, а богатства сибирские – половину всех богатств земли. Вот и получается, что дела Ермака не могут быть измерены никакими мерками.

Социальная революция и Великая Отечественная война коренным образом изменили судьбу Сибири. Навсегда в прошлое ушли своеобразный уклад и традиции сибиряков. Ушла и канула в лету гармоничная, в единении с природой, жизнь нашего коренного народа. На место законной власти пришли другие правители, и с каждым правителем издавалась новая Конституция, новые законы. Представители высшей верховной власти любили говорить, мол, Сибирь, со всеми ее несметными богатствами представляет собой сокровенную кладовую. Так-то оно так! Вот только богатством нужно пользоваться разумно и по-хозяйски пополнять кладовую.

Наступление на природу началось в самом начале шестидесятых годов, и каждый год увеличивалось по мере развития цивилизации. В самом начале пятидесятых была построена Новосибирская ГЭС с плотиной через реку. При строительстве Обского водохранилища под воду ушла территория тридцати колхозов. Под водой оказались бывшие деревни вместе с погостами. Был перегороден тысячелетний миграционный путь ценных пород рыб: стерляди и осетра. В плотине не были созданы специальные пути для прохода рыбы и первое время люди пытались переложить скопившуюся рыбу вручную. Ранее существовавший естественный разлив Оби стал регулироваться искусственным сооружением. Естественный разлив реки ранее достигал от пятнадцати до двадцати километров в ширину. Продолжающийся почти два месяца, он благотворно влиял на весь животный мир, на саму природу. Теперь же уровень воды упал, стали высыхать озера, речки, ручьи, болота. Резкому обезвоживанию способствовала бездумная промышленная вырубка лесов, варварская добыча полезных ископаемых.

Слово Каргасок на языке хантов означает «медвежий мыс». То есть это был воистину медвежий угол с тысячелетней историей. Неописуемая вечная красота вселенной: луна, небесные звезды, радостное солнце и наш дом – распростертая земля, как большая столовая. Пошел туда – в воде плавает рыба, через лес отправился – грибы, разные ягоды. Пчелы в своем вечном танце без усталости собирают с цветов нектар, превращая его в мед. И по всей этой прекрасной земле в вечных заботах и работе расположился животный мир.

Еще совсем недавно, лет шестьдесят назад по всей Сибири стоял хвойный лес возрастом четырех и пяти веков, а сейчас пятидесятилетних деревьев осталось мало.

Как можно представить себе жизнь с покалеченной природой?! Совсем не умно игнорировать нарушение баланса в природе, грубо тревожить мир животных. Такой большой и сильный зверь, как медведь, еще может как-то заявить о себе человеку, выказать свое недовольство, показать, что в лесах ему не осталось пропитания для того, чтобы просто выжить, не погибнув от голода. А рыба, птицы и мелкие зверьки никак не могут о себе сообщить, защитить себя. Человек может употребить продукты искусственного происхождения, а с животным миром так не сделаешь.

Только в общении с природой человек становится мудрым. Никакие технологии, изобретения не помогут восстановить равновесие между природой и людьми. Все, что будет с меньшими нашими братьями – будет и с нами. Что будет с простым народом – будет и с правящими людьми. Люди должны понять и поверить, что именно в единении человека с природой рождается настоящий Человек.

Содержание

Моя родословная	3
Сказание о роде Терентьевых	25
Таракановское восстание	80
Ссылные переселенцы Алтая	90
Привезли кино	104
Детские годы войны	112
Встреча первого дня Победы	121
Геннадий Павлович привез поросят	133
О лошадях	153
Заводы приняли	169
Бал	186
Гоголь	193
Потоп Кузьмы Евгеньевича	203
Выборы	214
Дядя Федя	224
Дети хантов из интерната	235
Анна Мартовна	246
Дед Иванов	258
Старый Томск	269
Костя Новосельцев	286
Послесловие	291

И.К. Голещихин

Нарымские были

2-е издание
исправленное и дополненное

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета

Подписано в печать: **10.02.2016**
Формат 60x84 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Гарнитура «Таймс».
Печ. л.: 18,57; усл. печ. л. 17,44; уч. изд. л. 11,27.
Тираж 600 экз. Заказ 1636.

Отпечатано в типографии «Иван Федоров»
634026, г. Томск, ул. Розы Люксембург, 115/1
Тел. (3822) 78-80-80, тел./факс (3822) 78-30-80
E-mail: mail@if.tomsk.ru